

Доклад
российских неправительственных организаций
по соблюдению Российской Федерацией
Конвенции против пыток и других жестоких,
бесчеловечных или унижающих достоинство видов
обращения и наказания

Ноябрь 2006

Москва

Содержание

Введение	4
Резюме	5
Меры по улучшению условий содержания в следственных изоляторах	15
Меры по улучшению ситуации в исправительных учреждениях и по защите прав заключенных	16
Меры по улучшению ситуации в изоляторах временного содержания МВД РФ и других местах содержания под стражей	18
Меры по предотвращению пыток и жестокого и унижающего достоинство обращения в работе милиции и других правоохранительных структур	18
Меры по профилактике жестокого обращения в вооруженных силах	19
Статья 3	20
Предоставление убежища в России и реализация принципа защиты от угрозы пыток	20
Политическое убежище: нормативное регулирование и практика	20
Статус беженца и временное убежище: нормативное регулирование	21
Практика предоставления статуса беженца и временного убежища в России	22
Выдворение и депортация. Реализация принципа защиты от угрозы пыток	25
Выдача (экстрадиции) подозреваемых, обвиняемых и осужденных из РФ и реализация принципов защиты от угрозы пыток	28
Статья 4	34
Статья 10	38
Статья 11	40
Непропорциональное и необоснованное использование силы и огнестрельного оружия при задержании, подавлении незаконных действий и поддержании общественного порядка	40
Права задержанных	42
Процедура ареста	47
Обращение с заключенными в исправительных учреждениях	49
Обеспечение точной фиксации времени задержания	51
Реализация прав подозреваемых и обвиняемых на защитника	53
Условия транспортировки лиц, содержащихся в следственных изоляторах, в суды и их пребывания в конвойных помещениях судов	55
Обеспечение защиты прав подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в помещениях, функционирующие в режиме следственных изоляторов (ПФРСИ)	57
Статья 12	59
Реагирование на признаки пыток	59
Расследование предполагаемых случаев пыток	62
Нарушения принципа тщательности расследования	64
Необоснованное затягивание расследования	65
Необъективность оценки доказательств, вынесение необоснованных решений по делам о пытках	66
Отсутствие действенных мер правовой защиты от нарушения обязательства проводить эффективное расследование: практика пинг-понга	67
Независимость расследования	68
Расследование пыток в пенитенциарных учреждениях	68
Расследование пыток в вооруженных силах	70

Статья 13	73
Право на подачу жалобы на пытки.....	73
Практическая возможность подать жалобу на пытки. Имеющиеся трудности.....	75
Разбирательство по жалобам на пытки и жестокое обращение.....	79
Практика необоснованных отказов.....	79
Доступ заявителей к расследованию.....	81
Обеспечение безопасности жертв и свидетелей.....	82
Статья 14	86
Реабилитация жертв незаконного уголовного преследования и ее отношение к реабилитации жертв пыток.....	86
Право жертв пыток на компенсацию, доступность процедуры обращения за компенсацией.....	87
Практика назначения компенсации по делам о пытках.....	89
Сложности в получении компенсации, назначенной судебным решением.....	90
Статья 15	92
Статья 16	97
Условия содержания в следственных изоляторах.....	97
Условия содержания в исправительных учреждениях.....	100
Положение отдельных групп заключенных.....	105
Условия содержания в изоляторах временного содержания (ИВС) МВД России.....	107
Условия содержания в пунктах для мигрантов.....	109
Материально-бытовые условия прохождения военной службы.....	110
Ситуация в медицинских вытрезвителях.....	114
Проблемы предотвращения жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения и наказания в психиатрических стационарах России.....	116
Недобровольная госпитализация и гарантии неприкосновенности личности.....	121
Проблемы пыток и жестокого обращения в Чечне и на Северном Кавказе	129
Правовые рамки «контртеррористической операции» в Чеченской Республике.....	129
Пытки, жестокое и унижающее человеческое достоинство обращение как методы ведения «контртеррористической операции» (от «зачисток» до «адресных» операций).....	130
Жестокие силовые операции против мирного населения в 2004-2005 гг.....	131
Похищения, исчезновения и внесудебные казни в ходе «контртеррористической операции».....	134
Безнаказанность сотрудников федеральных и местных силовых структур.....	138
Неэффективность судебной системы в борьбе с безнаказанностью.....	142
Проблема фальсификации уголовных дел и использование пыток для получения признательных показаний.....	144
Преследование заявителей в Европейский Суд по правам человека.....	146
Взаимодействие государственных структур с неправительственными и межправительственными организациями в деле пресечения пыток, жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения.....	148
Места содержания под стражей.....	150
Незаконные (тайные) тюрьмы и заложничество.....	155
Эскалация конфликта за пределами Чечни.....	160
Ингушетия.....	160
Кабардино-Балкарская Республика (КБР).....	162

Введение

Настоящий доклад по соблюдению Российской Федерацией Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания за период с 2001 года по 2005 год подготовлен общими усилиями ряда ведущих российских НПО: Исследовательского Центра «Демос», Фонда «Общественный вердикт», Комитета «Гражданское содействие», Правозащитного центра «Мемориал» (ПЦ «Мемориал»), Всероссийского движения «За права человека», Фонда «Социальное партнерство», Союза комитетов солдатских матерей России, Нижегородского Комитета против пыток, Красноярского Общественного комитета по защите прав человека, Пермского регионального правозащитного центра, Правозащитного Центра города Казани, Йошкар-Олинской организации «Человек и Закон», Коми региональной Комиссии по защите прав человека «Мемориал», Мордовского республиканского правозащитного центра, Института общественных проблем «Единая Европа», Тверского регионального отделения Российского общества «Мемориал», Краснодарской организации «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных», Союза правозащитных организаций Свердловской области, Читинского правозащитного центра. За общую координацию работы отвечал Фонд «Общественный вердикт», за правовое редактирование доклада - Центр «Демос».

Доклад представляется Комитету ООН против пыток в рамках рассмотрения Четвертого периодического доклада России по выполнению Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Конвенция). Доклад направлен на всестороннее освещение вопросов соблюдения прав, закрепленных в Конвенции, и на привлечение внимания экспертов Комитета против пыток ООН (Комитета) к наиболее актуальным проблемам в области их реализации, которые не нашли отражения в докладе Российской Федерации.

Работая над докладом, мы не стремились к опровержению официальной информации и конфронтации с официальной позицией Российской Федерации. Мы признаем, что за последние несколько лет в Российской Федерации наблюдались некоторые позитивные изменения, в первую очередь, это касается пенитенциарной системы. Мы ставили перед собой задачу представить позицию неправительственных организаций по поводу ситуации с пытками и другими видами жестокого обращения в наиболее критических областях в нашей стране (милиция, вооруженные силы, пенитенциарные учреждения) с целью формирования у экспертов Комитета наиболее полного и объективного мнения о проблемах в этой области. В частности, проблемы безнаказанности за пытки, конфликт функций прокуратуры, затрудняющий эффективное расследование случаев пыток, отсутствие адекватной системы компенсаций жертвам пыток, - вызывают сильную озабоченность российских правозащитников.

Информация о новых законодательных мерах и выполнении обязательств по статьям Конвенции отражена в соответствующих статьях доклада. Ситуация с соблюдением положений Конвенции в Кавказской регионе отражена в отдельном разделе доклада в силу особого положения в этом регионе.

В ходе подготовки доклада использовались материалы мониторинга ситуации с пытками, проведенного в 2005 г. в 16 регионах России, а также в федеральном центре. Доклад основан на сведениях, предоставленных российскими правозащитными и неправительственными организациями, на что в тексте сделаны соответствующие ссылки. Отсутствие ссылки на источник информации означает, что сведения предоставлены одной из организаций - авторов доклада. За дополнительной информацией можно обратиться в Фонд «Общественный вердикт» по адресу ntaubina@publicverdict.org и в Центр «Демос» по адресу shepeleva@demos-center.ru.

Резюме¹

Признавая, что за период, охватываемый данным докладом, в Российской Федерации наблюдались некоторые позитивные изменения, в первую очередь касающиеся пенитенциарной системы, российские неправительственные организации выражают крайнюю обеспокоенность ситуацией с применением пыток и других видов жестокого обращения в нашей стране применительно к функционированию таких государственных институтов как милиция, вооруженные силы, пенитенциарные учреждения. В настоящем докладе в частности подробно анализируются такие проблемы как безнаказанное применение пыток, отсутствие эффективной системы расследования случаев пыток, конфликт функций прокуратуры, отсутствия адекватной системы реабилитации и компенсаций жертвам пыток. Учитывая особую ситуацию на Северном Кавказе, авторы доклада вынесли анализ проблем с пытками и жестоким обращением в этом регионе в отдельный раздел.

По результатам рассмотрения Третьего периодического доклада РФ Комитет против пыток рекомендовал властям России без отлагательства включить во внутреннее законодательство определение понятия «пытка», содержащееся в статье 1 Конвенции против пыток. Комитет так же рекомендовал определить во внутреннем законодательстве пытки и другие виды жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в качестве преступлений, влекущих за собой соответствующие наказания.

В отчетный период российские власти предприняли определенные меры к законодательному запрещению пыток. Однако эти законодательные новации оказались недостаточными для выполнения рекомендаций Комитета в полном объеме. Так определение пытки, принятое 8 декабря 2003 г. в примечании к статье 117 УК РФ, не указывает на такой существенный элемент пытки и жестокого, унижающего обращения, как прямое или косвенное участие должностного лица. Более того, сама норма, вводящее определение пытки, помещена в разделе Кодекса, посвященном преступлениям против жизни и здоровья, а не преступлениям должностных лиц. Вследствие этого она применима только к действиям, совершенным частным лицом. При этом, если определение пытки, данное национальным уголовным правом, хотя и не соответствует в полной мере нормам Конвенции против пыток, все же введено в российское уголовное законодательство, то определение понятий жестокого и унижающего обращения в УК РФ, а также в иных национальных правовых актах, отсутствует в принципе.

В результате компетентные государственные органы, обладая статистикой по применению статьи 286 «превышение должностных полномочий», не располагают количественными данными о пытках и жестоком, унижающем обращении. Это лишает органы власти возможности дать адекватно оценить степень распространения применения пыток и спланировать действенные меры профилактики этих нарушений.

В отчетный период законодательная база, касающаяся процедуры ареста и содержания под стражей, прав заключенных, а также прав подозреваемых и обвиняемых, претерпела изменения и на сегодняшний день содержит гарантии предотвращения пыток и антигуманного обращения с этими категориями лиц. Однако принятие новых законодательных норм не оказало существенного влияния на фактическое положение подозреваемых, обвиняемых и задержанных. Несмотря на то, что новые законы были приняты, компетентные российские власти не способствовали введению институциональных изменений, необходимых для исполнения данных законов, а также не предоставили необходимые материальные ресурсы судьям и органам обеспечения правопорядка. Кроме того, некоторые положения, касающиеся работы правоохранительных органов, не были изменены или скорректированы для того, чтобы привести их деятельность в соответствие с провозглашенными целями защиты прав человека. В результате, нарушения прав подозреваемых, обвиняемых и задержанных, включая плохое обращение и даже пытки, продолжают иметь место.

Законодательство (в частности Закон «О милиции») недостаточно подробно формулирует принципы пропорциональности использования физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, что на практике приводит к тому, что сотрудники правоохранительных органов могут использовать чрезмерную силу для того, чтобы пресечь даже незначительные нарушения общественного порядка, а также в тех случаях, когда задерживаемый не оказывает сопротивления и не пытается скрыться. В некоторых случаях сотрудники правоохранительных органов применяют чрезмерное физическое воздействие даже в отношении детей, подростков и

¹ Данный раздел подготовлен Фондом «Общественный вердикт».

пожилых людей, то есть тех, кто в силу естественных причин не в состоянии оказывать серьезное сопротивление или представлять угрозу жизни или здоровью сотрудников правоохранительных органов.

Правозащитные организации в России особенно обеспокоены случаями массового насилия, имевшими место в ходе милицейских спецопераций в 2004 – 2006 годах (в частности в г. Благовещенске Республики Башкортостан, деревне Рождествено Тверской области, селе Ивановское Ставропольского края, Лазаревском районе г. Сочи Краснодарского края). Причем все перечисленные выше операции были проведены в отсутствии серьезных на то оснований. В упомянутых населенных пунктах не были зафиксированы массовые беспорядки или чрезвычайные ситуации, требующие проведения спецопераций в дополнение к повседневной деятельности правоохранительных органов. Во всех случаях необоснованное и неизбирательное использование силы сотрудниками правоохранительных органов способствовало возникновению страха и недоверия по отношению к милиции со стороны местных жителей.

Говоря об отношении населения к проблеме пыток и жестокого обращения, важно отметить, что опросы общественного мнения свидетельствуют, что подавляющее большинство жителей России (81%) чувствуют незащищенность перед возможным произволом правоохранительных органов². По данным социологического исследования, инициированного Нижегородским комитетом против пыток и проведенного Социологическим институтом РАН, из числа опрошенных подверглись пыткам со стороны сотрудников милиции в течение 2004 г.: в Санкт-Петербурге - 3,39% респондентов; в Пскове - 4,66%, в Нижнем Новгороде - 3,40%, в Республике Коми - 4,63% опрошенных, в Чите - 4,54% опрошенных. Средний показатель по всем регионам - 4,12% респондентов, которые сами подвергались пыткам в течение только *одного – 2004 года*. Кроме того, по мнению 1,5 % опрошенных в Санкт-Петербурге, 1,2% – в Пскове, 3,3% – в Чите, 0,2% – в Нижнем Новгороде, 1,0% – в Коми в тот же период пытки применялись к третьим лицам с целью воздействия на респондентов – наказания, получения признаний и иных сведений, запугивания. В целом, по данным исследования, согласны с тем, что в России применяются пытки 64,3% респондентов в Санкт-Петербурге (в т.ч., применяются систематически – 27,9%), 56,0% в Пскове (в т.ч., систематически – 26,5%), 64,4% в Нижнем Новгороде (в т.ч., систематически - 35,4%), 72,7% в Коми (в т.ч., систематически - 30,9%) и 54,6% в Чите (в т.ч., систематически - 20,8%).

Следует отметить, что с момента рассмотрения Третьего периодического доклада РФ, число расследований, проводимых по жалобам на пытки и жестокое обращение, увеличилось. По сравнению с предшествующим отчетным периодом, также увеличилось и число сотрудников правоохранительных органов, привлеченных к ответственности за эти правонарушения.

Однако наблюдаемые изменения не представляется возможным расценить, как однозначный прогресс российского государства в области исполнения обязательства проводить эффективное и беспристрастное расследование по делам о пытках. Рост числа расследуемых случаев пыток обусловлен, в первую очередь, тем, что пострадавшие от пыток и жестокого обращения чаще стремятся добиться справедливости и при участии юристов, работающих в правозащитных организациях, настойчиво требуют от компетентных органов проведения расследования.

При этом, как и в предыдущий отчетный период, органы прокуратуры зачастую не проявляют инициативы по расследованию сообщений и фактов пыток. Органы прокуратуры самостоятельно инициируют, проводят проверки и расследования при наличии данных, указывающих на пытки, только в редких случаях. Гораздо чаще вопрос о проверке или о проведении расследования в связи с сообщением о пытках возникает потому, что пострадавшие или их представители самостоятельно обратились в органы прокуратуры с жалобой. Органы прокуратуры производят расследования без надлежащей поспешности, безосновательно

² См. Индекс произвола правоохранительных органов: оценки социологов и комментарии правозащитников. Фонд «Общественный вердикт» и Левада-центр. Москва, 2005 г.

откладывают осуществление необходимых следственных действий, что приводит к затягиванию срока расследования в целом. Нередко сотрудники прокуратуры нарушают установленные процессуальные сроки. Как показывает анализ решений, выносимых органами прокуратуры по результатам расследований жалоб на пытки, сотрудники прокуратуры часто исходят из уверенности в ложности таких жалоб. При этом данные, указывающие на то, что факт пыток, возможно, имел место (например, наличие телесных повреждений), органами следствия могут игнорироваться. Кроме того, имеют место случаи, когда прокуратура отклоняет как недостоверные показания свидетелей, не являющихся сотрудниками милиции, хотя одновременно не критично относится к показаниям сотрудников милиции, в том числе и тех, на которые указывает пострадавший как на участников пыток. Иногда органы прокуратуры просто игнорируют доказательства, подтверждающие версию пострадавших. Жертвы иногда годами вынуждены добиваться проведения расследования, оспаривая незаконные и необоснованные отказы в проведении расследования или решения о его прекращении. Так называемая практика «пинг-понга», когда жалоба на пытки годами перемещается из одной инстанции в другую, не находя окончательного разрешения, во многом обусловлена безнаказанностью следователей, не соблюдающих принцип эффективного расследования. Вопрос о привлечении к ответственности должностных лиц органов прокуратуры, виновных в принятии многочисленных незаконных процессуальных решений, существенно ущемляющих права пострадавших, обычно не ставится.

Неэффективность расследований по жалобам на пытки, совершенные сотрудниками милиции, обусловлены в первую очередь тем, что внутри прокуратуры не обеспечена надлежащая степень фактической независимости расследования нарушений прав подозреваемых и обвиняемых. В деятельности прокуратуры имеет место конфликт двух функций этого государственного учреждения: уголовного преследования и надзора за дознанием и следствием. Чаще всего этот конфликт разрешается в пользу укрепления позиций обвинения, нежели разбирательства жалоб подозреваемых и обвиняемых на пытки и иные нарушения. При опросе сотрудников прокуратуры в 10 регионах России³ было установлено, что сотрудники прокуратуры своей основной задачей считают преследование преступников. Приоритетом при надзоре за законностью следствия, дознания и оперативно-розыскной деятельностью (ОРД) они считают обеспечение учета преступлений, а не борьбу с нарушениями прав подозреваемых и обвиняемых.

Таким образом, можно утверждать, что рекомендации Комитета против пыток ООН по поводу обеспечения безотлагательного, беспристрастного и исчерпывающего расследования многочисленных утверждений о применении пыток, переданных властям, а также судебное преследование и, в надлежащих случаях, наказание виновных, в полной мере Правительством России не были реализованы. Меры по повышению независимости расследования так и не были приняты⁴.

Так же как и в случае с расследованием жалоб на пытки в милиции, не имеется полной официальной статистики о расследовании таких жалоб в отношении сотрудников пенитенциарных учреждений. Очень немногим правозащитным организациям в регионах России удалось получить от органов прокуратуры информацию о работе с жалобами на пытки в местах заключения. Правозащитные организации в различных регионах России отметили отдельные случаи привлечения к уголовной ответственности сотрудников пенитенциарных учреждений за проявление жестокости в отношении заключенных и иные должностные преступления. Однако такие случаи единичны, их существенно меньше, чем случаев привлечения к уголовной ответственности за пытки сотрудников милиции. Анализируя случаи, о которых становится известно правозащитным организациям, можно сделать вывод, что проверки и расследования по сообщениям о пытках и жестоком обращении в местах лишения свободы страдают теми же недостатками, что и проверки и расследования на жалобы о пытках в милиции. Они недостаточно тщательны, а их результаты выглядят предвзятыми и необидительными. При этом, по сравнению с пострадавшими от пыток в милиции, заключенные располагают гораздо меньшими

³ Опрос проводился Центром «Демос» и его партнерами в республиках Адыгея, Татарстан и Коми, Алтайском и Красноярском краях, а так же в Свердловской, Воронежской, Нижегородской, Тверской и Пермской областях.

⁴ Подробное описание представлено в ст. 12 доклада.

возможностями обжаловать необоснованные решения органов прокуратуры и добиваться полноценного расследования. Заключение находится под непосредственным контролем сотрудников пенитенциарного учреждения, которые могут блокировать подачу жалоб против них самих или оказывать давление на жалобщика.

Низкая эффективность проверок и расследований по жалобам заключенных на пытки и жестокое, унижающее обращение обусловлена рядом факторов. В частности, медицинский персонал пенитенциарных учреждений представлен не независимыми гражданскими врачами, а служащими УФСИН, подчиненными начальнику пенитенциарного учреждения. В этих условиях сложно ожидать своевременного и полного фиксирования травм заключенных. В свою очередь, отсутствие медицинских доказательств существенно ограничивает возможности прокуратуры расследовать случаи пыток в местах лишения свободы. Помимо этого, очевидно, что в условиях закрытых учреждений прокуроры могут столкнуться с трудностями в получении свидетельских показаний. Известны случаи, когда от первоначальных объяснений отказываются как свидетели, так и сами жалобщики. Вместе с тем, кроме объективных трудностей, негативно влияющих на эффективность прокурорского расследования случаев пыток в пенитенциарных учреждениях, правозащитные организации отмечают определенную пристрастность сотрудников прокуратуры. Создается впечатление, что сотрудники прокуратуры считают, что если заключенные – это преступники, то их жалобы заведомо ложные, и, вообще, проявлять особенную заботу о благополучии этих людей нецелесообразно⁵.

Комитеты солдатских матерей свидетельствуют, что в большинстве случаев расследование по жалобам военнослужащих на пытки и жестокое, унижающее обращение в воинской части проводится прокурорами или следователями гарнизонной военной прокуратуры поверхностно. При этом чувствуется зависимость характера решений по жалобам военнослужащих, особенно на пытки со стороны офицеров воинской части, от командования воинской части и гарнизона. Командование заинтересовано в сокрытии преступлений в воинском подразделении. На основе анализа конкретных случаев комитеты солдатских матерей указывают на наиболее распространенные способы сокрытия пыток и жестокого обращения в армии: фиксирование травм как причиненных по личной неосторожности, фальсификация материалов расследования, принуждение пострадавших и очевидцев к даче ложной информации об обстоятельствах происшедшего. Дела по применению пыток военнослужащими по призыву чаще расследуются и передаются в суд, а дела по применению пыток офицерами в большинстве случаев закрываются на стадии предварительного расследования за отсутствием состава преступления. Командование, не принимающее в своем воинском подразделении мер по предотвращению пыток, привлекается к ответственности только тогда, когда случаи пыток становятся достоянием гласности и получают широкий общественный резонанс.

В 2002 г. Комитет ООН против пыток, рассмотрев Третий периодический доклад РФ о соблюдении Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, в частности, рекомендовал обеспечить защиту лиц, представивших жалобы о применении пыток, и их свидетелей от преследований. Законодательное закрепление права и возможности лица, подвергнувшегося пытке, подать жалобу в любое время в любой государственный правоохранительный орган, а также ознакомиться с материалами расследования и обжаловать принятое решение, в том числе в судебном порядке, на практике влечет за собой то обстоятельство, что воспрепятствование гражданину со стороны представителей государства в подаче жалобы обычно носит явно противоправный характер. Однако, правозащитным организациям известны случаи, когда сотрудники милиции препятствовали пострадавшим обратиться с подобного рода жалобами. В частности, были отмечены случаи нарушения порядка передачи поданной жалобы на рассмотрение надлежащему органу (прокуратуре) в виде оказания прямого физического противодействия, путем применения незаконного административного задержания, а также в виде дискредитации лица, пытающегося

⁵ Подробное описание представлено в ст. 12 доклада.

подать жалобу на пытки или жестокое или унижающее обращение со стороны сотрудников милиции.

Лица, находящиеся в СИЗО и местах отбывания наказаний, обычно не сталкиваются с трудностями при направлении жалоб на пытки или жестокое обращение, которое имело место до помещения в СИЗО или направления в исправительное учреждение. Однако при подаче жалобы на действия администрации пенитенциарного учреждения или ее сотрудников, случаи противодействия имеют место. По мнению правозащитных организаций, осуществляющих регулярные посещения пенитенциарных учреждений и работающих с обращениями заключенных в Тверской и Пермской областях, в Республиках Коми и Татарстан, осужденные не обладают реальной возможностью обратиться с жалобой на пытки или жестокое, унижающее обращение со стороны администрации. Это происходит несмотря на то, что закон запрещает подвергать цензуре письма осужденных, направляемых в органы прокуратуры, вышестоящие органы системы исполнения наказаний, уполномоченным по правам человека. На практике в исправительных учреждениях, как правило, досматриваются все заявления и жалобы, направляемые в контролирующие органы. Поэтому такие жалобы обычно передаются неофициальным путем (через родственников, адвокатов, освобождающихся из заключения и т. п.).

Сведения о личности жалобщиков и свидетелей сотрудниками прокуратуры не скрываются. В результате, эти сведения нередко становятся известны подозреваемым в пытках, которые являются сотрудниками правоохранительных органов, или их сослуживцам. В результате, случается, что лицо, обратившееся с жалобой на пытки, а так же свидетели, становятся жертвами преследований или давления со стороны должностных лиц, причастных к пыткам, или их коллег. Такие случаи, в частности, были зафиксированы в Республиках Марий-Эл и Татарстан, в Свердловской, Читинской, Нижегородской областях и в других регионах. Лица, пострадавшие от пыток или жестокого обращения со стороны сотрудников мест лишения свободы, находятся в еще более уязвимом положении, чем пострадавшие от пыток, находящиеся на свободе. Вместе с тем, на практике защите заключенных, жалующихся на пытки и жестокое обращение, не уделяется должного внимания.

По оценке сотрудников комитетов солдатских матерей, только единицы из тысяч военнослужащих, столкнувшихся с жестоким обращением в армии, пользуются правом на подачу жалобы. Основной причиной этого является страх мести со стороны солдат или офицеров, против которых была направлена жалоба⁶.

В пунктах 121-124 Четвертого периодического доклада РФ в качестве сведений об исполнении положений статьи 14 Конвенции приведено описание процедуры реабилитации, предусмотренной статьей 133 УПК РФ. Однако, необходимо отметить, что данная норма практически не имеет отношения к тому, что в современном мире понимается под реабилитацией жертв пыток. Российский уголовно-процессуальный закон под реабилитацией понимает порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию. Этот порядок предусматривает возмещение имущественного вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Однако уголовно-процессуальный закон не называет факт применения пытки среди оснований для реабилитации. То есть даже доказанный официальным расследованием факт применения пытки не влечет за собой применения к ее жертве процедуры реабилитации, предусмотренной УПК РФ. Что касается программ медицинской, психологической и социальной реабилитации жертв пыток, то государственные органы России их не осуществляют и не финансируют. Некоторые усилия по медицинской, психологической и социальной реабилитации жертв пыток предпринимают общественные организации за счет средств благотворителей и Фонда поддержки жертв пыток ООН⁷.

В случаях, когда факт пыток и конкретные виновные должностные лица не были установлены приговором суда, жертва пыток формально имеет возможность обратиться с иском о компенсации. Однако в этом случае жертва пыток сталкивается с необходимостью самостоятельно

⁶ Подробное описание представлено в ст. 13 доклада.

⁷ Подробное описание представлено в ст. 14 доклада.

искать и представлять суду доказательства факта пытки, вину должностных лиц и причинную связь между пыткой и полученным материальным и моральным вредом. Более того, если по жалобе на пытки органы следствия приняли решение об отсутствии преступления, жертве пыток придется опровергать это решение. Назначение компенсации вреда в такой правовой ситуации на практике маловероятно. По данным, собранным правозащитными организациями в 11 регионах России (республиках Марий Эл, Коми, Башкортостан и Татарстан, Краснодарском и Пермском краях, Нижегородской, Читинской, Оренбургской, Свердловской и Тверской областях), не зафиксировано ни одного случая обращения жертв пыток в судебные органы для взыскания компенсации при отказе в привлечении к уголовной ответственности конкретных виновных. Таким образом, возможность жертвы пыток получить компенсацию практически полностью зависит от эффективности расследования жалобы на пытки органами прокуратуры. Практика неэффективного и длительного расследования жалоб на пытки является для жертвы пытки существенным препятствием доступа к компенсации.

Анализируя судебные решения по делам о назначении компенсации жертвам пыток и жестокого обращения, можно отметить, что в последние годы наметилась тенденция увеличения размеров компенсации материального ущерба и морального вреда. Наблюдаемый рост компенсационных выплат, возможно, свидетельствует о том, что, судебные органы осознали серьезность такого нарушения прав и свобод граждан, каким является пытка. С другой стороны, наблюдаемый рост может быть обусловлен инфляционными процессами и ростом уровня жизни населения. По имеющимся в Фонде «Общественный вердикт» сведениям о назначении судами в 2004-2005 гг. компенсации вреда лицам, пострадавшим от пыток, или их представителям (в случае наступления смерти), размер сумм, подлежащих взысканию, варьируется в зависимости от характера и тяжести вреда и составляет от 7 до 280 тысяч рублей. При этом практика определения судами размера компенсационных сумм неоднородна. Необходимо также отметить, что жертвы пыток, выигравшие иски о компенсации материального и морального вреда, сталкиваются с существенными сложностями в получении компенсационных выплат. Несомненным является тот факт, что практика исполнения судебных решений по таким искам не соответствует требованию статьи 14 Конвенции против пыток⁸.

Компетентные российские власти признали остроту проблемы, касающуюся условий содержания в следственных изоляторах, и в течение последних четырех лет предприняли комплекс мер, направленных на улучшение ситуации. Следует отметить, что усилия по сокращению численности заключенных под стражу до суда, постройка новых и ремонт старых помещений СИЗО, а так же увеличение бюджетных расходов на содержание заключенных, - дали ощутимые результаты. Вместе с тем, информация, поступающая из органов власти, от посещающих места лишения свободы общественных организаций, от заключенных, а так же их родственников и адвокатов, свидетельствует о том, что по многим параметрам условия содержания в следственных изоляторах остаются несоответствующими принципам гуманности и уважения к человеческому достоинству. Несмотря на усилия по сокращению численности заключенных и создание новых следственных изоляторов, проблема переполненности мест содержания под стражей не была полностью решена. На эту проблему указывают, в первую очередь, сами представители органов власти. Так, Генеральный прокурор России в докладе о деятельности органов прокуратуры в 2004 г. сообщил, что в Республиках Бурятия, Чувашия и Тыва, Нижегородской, Московской, Читинской областях, в Москве и Санкт-Петербурге и других местах отдельные изоляторы и камеры по-прежнему переполнены в полтора-два раза. Также важно отметить, что все проекты по постройке новых зданий СИЗО и реновации старых ориентированы на установленную действующим законом⁹ норму санитарной площади в камере на одного человека в 4 кв. м., в то время как Европейский комитет по предотвращению пыток говорит, что норма площади на человека в камерах учреждений для предварительного заключения должна быть не менее 6 кв. м. Более того, принятая в России норма в 4 кв. м тем более неприемлема, поскольку в камере СИЗО заключенный проводит целые сутки за исключением полутора часов, выделенных на прогулку, а сроки нахождения в СИЗО часто превышают год. В

⁸ Подробное описание представлено в ст. 14 доклада.

⁹ Ст. 23 Закона «О содержании под стражей...».

следственных изоляторах по-прежнему полностью не решены проблемы с соблюдением санитарно-гигиенических норм, с обеспечением заключенных постельными принадлежностями, питанием, медицинской помощью¹⁰.

Представители общественных организаций, посещающие исправительные учреждения, констатируют определенные улучшения в условиях содержания заключенных, однако, одновременно отмечают большое число проблем и указывают ФСИН России на необходимость продолжать работу по приведению условий содержания заключенных (в частности, помещений для содержания заключенных, санитарно-гигиенических приспособлений, условий труда заключенных, уровня медицинского обслуживания и качества питания) в соответствие с принципом гуманности. В частности, как свидетельствуют правозащитные организации, в колониях нередко санузлы расположены в специальных помещениях, отделенных от жилых. Однако оборудование санузлов не позволяет заключенным беспрепятственно удовлетворять гигиенические нужды. Часто не выдерживаются нормы, которые предписывают иметь как минимум один водопроводный кран на десять заключенных. В некоторых колониях кранов изначально было недостаточно, а в других они сломались в ходе эксплуатации и не ремонтируются. Несмотря на введение в действие более адекватных норм питания, качество пищи для осужденных оставляет желать лучшего. По свидетельству заключенных, они не могут поддерживать свои силы без дополнительных продуктов, получаемых из дома или приобретенных на собственные средства в магазинах пенитенциарных учреждений. Правозащитные организации получают жалобы на антисанитарные условия труда и производственный травматизм в исправительных учреждениях. В ряде регионов уровень медицинской помощи остается существенно ниже стандарта, существующего за пределами мест лишения свободы. Из-за нехватки медицинского персонала заключенные не всегда могут своевременно получить помощь. По данным Фонда «Социальное партнерство», в местах лишения свободы обычно не создаются специальные условия содержания, которые соответствовали бы физическому состоянию отдельных групп заключенных, в частности инвалидов и ВИЧ-инфицированных¹¹.

Если проблема плохих условий содержания в СИЗО была признана компетентными властями уже достаточно давно, и для улучшения ситуации были предприняты меры, то на условия содержания в ИВС обратили внимание только недавно. Отчасти это связано с тем, что буквально до 2005 г. в ИВС не допускали независимых наблюдателей. По описаниям должностных лиц и правозащитников, условия в ИВС далеки от гуманных и в некоторых случаях хуже, чем условия в СИЗО¹².

Также необходимо отметить крайне тяжелые условия содержания в центрах для лиц, выдворяемых из России: унижительное обращение (обыск перед помещением в центр, запрет на письменные принадлежности, телефонные звонки и письма), недостаточное число спальных мест, отсутствие постельного белья и возможности мыться. На питание одного задержанного отводится 12 рублей в день, при этом пища не только скудная, но и очень плохого качества, не хватает столовых приборов. Задержанные едят, используя вместо ложки корку хлеба, или лакая из миски по-собачьи. У некоторых заключенных даже нет матрацев¹³.

Практика работы с военнослужащими по призыву и их родителями, обращающимися в комитеты солдатских матерей, и исследования, проводившиеся в 2001-2003 гг. Human Rights Watch, подтвердили, что реальное питание солдат далеко не соответствует даже тому скудному рациону, который предусмотрен нормативами. Недостаток питания, который особенно остро испытывают на себе военнослужащие первого года службы, приводит наряду с другими причинами к ухудшению состояния здоровья солдат по призыву. Солдатам, особенно первого года службы, чинятся всевозможные препятствия для обращения за медицинской помощью в медпункт воинской части. Из-за недоступности медицинской помощи незначительные расстройства здоровья солдат, оставаясь длительное время без лечения, часто развиваются в серьезные заболевания. Жалобы на плохие бытовые условия, плохое питание и неоказание медицинской

¹⁰ Подробное описание представлено в ст. 16 доклада.

¹¹ подробное описание представлено там же.

¹² подробное описание представлено там же.

¹³ подробное описание представлено там же.

помощи комитеты солдатских матерей регистрируют практически во всех военных округах и во всех видах и родах войск. Существует еще одна проблема, которая усугубляет положение больных солдат в армии, - это неоправданно длительное прохождение медицинских документов по инстанциям для разрешения вопроса о комиссовании больного военнослужащего. Процедура утверждения решения нижестоящей комиссии вышестоящей, процедура досрочного увольнения с военной службы по состоянию здоровья занимают от одного до трех месяцев. Все это время больной солдат вынужден находиться в расположении воинской части, вызывая зависть и неприязненное отношение к себе остальных военнослужащих¹⁴.

Анализ практики предоставления статуса беженца, временного и политического убежища позволяет с определенностью утверждать, что Россия не выполняет в этой области свои международные обязательства и не гарантирует иностранным гражданам и лицам без гражданства защиту от возвращения в страну, где им грозят пытки и жестокое обращение. В частности, лица, нуждающиеся в международной защите, оказываются лицом к лицу с реальной возможностью быть высланными в страну происхождения, где они вполне обоснованно опасаются подвергнуться преследованиям и пыткам. При этом процедура выдворения и депортации не предусматривает рассмотрения вопроса об угрозе пыток в стране, куда осуществляется выдворение или депортация. Известно множество случаев, когда правоохранительные органы выдворяли граждан государств, входящих в состав СНГ, при наличии вполне обоснованного предположения, что запрос о выдаче имеет политические мотивы и существует реальная опасность, что выдаваемые будут подвергнуты пыткам и даже казни. Это относится к требованиям о выдаче в страны, где установились режимы, далекие от демократических, в первую очередь, Туркменистан и Узбекистан. Дружественные политические и выгодные экономические отношения между Россией и этими странами в большей степени влияют на поведение российских властей, чем обязательства по соблюдению прав человека¹⁵.

Настоящий доклад содержит отдельный раздел, в котором подробно проанализированы проблемы пыток и жестокого обращения в Чечне и на Северном Кавказе. В частности, анализ касается существующих правовых рамок «контртеррористической операции» в Чеченской Республике и неправового характера действий силовых структур, что является одной из причин продолжающейся массовой практики применения пыток по отношению к гражданскому населению Чечни.

Широкомасштабные боевые действия в Чеченской Республике продолжались с осени 1999 г. по март 2000 года. До 2003 г. продолжались масштабные «зачистки» - «операции по проверке паспортного режима», проводившиеся многочисленными сводными группами военнослужащих вооруженных сил и внутренних войск, сотрудников МВД, ФСБ и Минюста России, в ходе которых проводились массовые неизбирательные незаконные задержания. Задержанных отправляли в созданные рядом с населенными пунктами в местах временной дислокации группировки «временные фильтрационные пункты». Там их обычно подвергали избиениям и жестоким пыткам. Известно много случаев, когда задержанные в ходе зачисток, в том числе и доставленные в фильтрационные пункты, «исчезали». Тела некоторых «исчезнувших» потом были случайно обнаружены местными жителями. Применение насилия в ходе задержания, конвоирования и содержания задержанного, а также в ходе дознания и следствия стало нормой для сотрудников силовых структур, пенитенциарной системы и следственных органов.

Постепенно, по мере установления контроля над территорией Чечни, по мере создания сети осведомителей, тактика федеральных силовых структур менялась: от размещения войск рядом с населенными пунктами и проведения сплошных «зачисток» к «адресным спецоперациям». Вооруженные люди в камуфляжной форме и масках на бронетехнике с замазанными номерами блокировали определенный дом, как правило, ночью, задерживали и увозили людей. Большая избирательность не означала меньшую жестокость: задержанные или, вернее, похищенные, как правило, исчезали.

¹⁴ Подробное описание представлено в ст. 16 доклада.

¹⁵ Подробное описание ситуации представлено в ст. 3 доклада.

Другая важнейшая современная тенденция – «чеченизация» конфликта. В 2003-2005 гг. в Чечне были сформированы силовые структуры, состоящие из этнических чеченцев. Наряду с милицией были созданы специализированные формирования для борьбы с боевиками, которым делегировано «право» на незаконное насилие. Люди, оказавшиеся в руках сотрудников этих структур, также «исчезают» для окружающего мира: их содержат в нелегальных тюрьмах, не оформляя как задержанных или арестованных, и пытаются, добываясь таким образом «признательных» показаний, которые используют для фабрикация уголовных дел. Примерно в половине случаев похищенные бесследно исчезают или же находят их тела.

Проблема «исчезновений» людей в Чечне по-прежнему актуальна. В большинстве случаев «исчезнувшие» люди похищены не боевиками, а сотрудниками силовых структур, причем в последнее время преимущественно местных. На сегодняшний день наблюдается некоторое снижение числа зафиксированных правозащитниками похищений, но отнюдь не столь значительное, как заявляют официальные лица. Отчасти это «снижение» связано со спецификой «чеченизации» конфликта и господством в Чечне латентного насилия, не фиксируемого ни правозащитниками, ни правоохранительными органами.

Установить лиц, ответственных за похищения людей, как правило, не удается ни правозащитникам, ни прокуратуре. При расследовании преступлений против мирного населения в зоне конфликта господствует избирательная безнаказанность. В отношении боевиков вне зависимости от тяжести совершенного преступления выносятся суровые приговоры. В отношении преступлений, совершенных представителями федеральных и «профедеральных» силовых структур, все иначе. Официальная статистика сфальсифицирована. Расследование большей части дел о преступлениях, к совершению которых усматривается причастность представителей этих ведомств, приостанавливается «в связи с невозможностью найти лиц, подлежащих обвинению». До суда доводится незначительная часть дел. Подавляющее большинство обвиняемых отделяется символическими наказаниями за серьезные преступления¹⁶.

Попытки преодолеть «избирательную безнаказанность», используя судебные механизмы, также, как правило, безуспешны. Суды, формально начавшие функционировать в Чечне с начала 2001 г., лишь с 2004 г. работают в полном составе. Однако и сегодня судебная система не обеспечивает правосудие, поскольку суды зависимы и порою оказываются вовлечены в фальсификацию уголовных дел. Прокуратура, в функции которой входит как проведение следствия, так и надзор за следствием, в этой ситуации «конфликта интересов» не заинтересована в расследовании фактов фабрикация уголовных дел и использования пыток для получения признательных показаний. Отсутствие доступа к правосудию и бездеятельность прокуратуры при расследовании фактов применения пыток на территории Чечни не дает потерпевшим возможности получить компенсацию. Единственным эффективным механизмом оказывается Европейский суд по правам человека. В Четвертом периодическом докладе РФ (п. 120) говорится, что истцам и свидетелям обеспечена защита со стороны государства. Между тем практика показывает обратное. На заявителей и свидетелей нередко оказывают давление с тем, чтобы они не подавали заявления в официальные инстанции или чтобы они забрали поданные заявления. Давлению, вплоть до убийств и «исчезновений», подвергаются и заявители в Европейский суд по правам человека¹⁷.

В Четвертом российском периодическом докладе говорится (п. 45), что межправительственные и неправительственные организации имели свободный доступ в регион, включая места лишения свободы, для осуществления мониторинга. Действительно, с начала вооруженного конфликта в Чечне состоялись семь визитов делегаций ЕКПП в Россию, в том числе и на Северный Кавказ. Есть все основания утверждать, что подготовленные в ходе этих визитов доклады содержали сведения о серьезных нарушениях российской стороной взятых на себя обязательств по предотвращению пыток. Однако эти доклады могли быть опубликованы только с согласия инспектируемой стороны - РФ, которая отказывается придать их гласности. За время второй чеченской войны ЕКПП был настолько неудовлетворен ситуацией в Чечне и отсутствием сотрудничества со стороны России, что дважды прибег к крайней, исключительной мере – публичным заявлениям «относительно Чеченской Республики Российской Федерации (первое в июне 2001 г. и второе - в июле 2003 г.)». В России, в том числе и на Северном Кавказе, продолжают работать делегации международных гуманитарных организаций, в том числе и МККК. Но, как

¹⁶ Подробный анализ представлен в разделе «Проблемы пыток и жестокого обращения в Чечне и на Северном Кавказе»

¹⁷ подробный анализ в том же разделе

сообщили сотрудникам «Мемориала» в представительстве МККК в Назрани, «в 2004 г. МККК столкнулся с проблемами, препятствующими осуществлению данного вида деятельности (визитов в следственные изоляторы и иные места содержания задержанных и арестованных) в соответствии со стандартными критериями, принятыми в организации. В результате МККК пришлось временно прекратить посещение задержанных».

Как справедливо отмечается в Докладе РФ, на территории Чечни созданы и функционируют следственные изоляторы в г. Грозный (СИЗО-1) и в с. Чернокозово Наурского района, где наряду с СИЗО в 2005 г. стала действовать колония строгого режима. В районах Чечни работают ИВС при районных отделах внутренних дел (РОВД). В последнее время правозащитникам не поступали жалобы на жестокое обращение из СИЗО № 1. Содержание задержанных в ИВС при РОВД отнюдь не гарантирует их от пыток и жестокого обращения. Есть даже случаи гибели людей непосредственно на территории РОВД. Дела такого рода не расследуются должным образом. Но, кроме предусмотренных законом СИЗО и ИВС в Чечне существуют «квазизаконные» и вообще незаконные (секретные) тюрьмы. К первому типу относятся места содержания под стражей при оперативно-розыскных бюро (ОРБ). Наиболее известное из них расположено в помещении Оперативно-розыскного бюро № 2 Северо-Кавказского оперативного управления Главного управления МВД России в Южном федеральном округе (ОРБ-2), в бывшем здании РУБОП в Старопромысловском районе. В этой структуре служат преимущественно постоянные жители Чечни, однако, здесь работает немало и милиционеров, командированных из других регионов России. ОРБ призвано заниматься именно оперативной и розыскной работой, а не проведением следственных действий. Содержание задержанных и арестованных граждан в помещении ОРБ (т.е. наличие там ИВС) противоречит нормам Федерального закона РФ «О содержании под стражей...», Закона «О милиции», Постановлениям Правительства РФ. Между тем, с момента образования ОРБ-2 в 2002 г. в его помещениях постоянно содержались подозреваемые и обвиняемые. Смысл существования ОРБ-2 - создать условия для оказания на задержанных и арестованных людей давления (включая и пытки), чтобы вынудить их дать «нужные» показания. Кроме того, эта практика получает дальнейшее распространение. В 2005 г. в ряде районов Чечни начали работать отделения ОРБ-2, а при них - свои незаконные места содержания подозреваемых и обвиняемых¹⁸.

Особенно актуальна в сегодняшней Чечне проблема незаконных (секретных) тюрем, связанная с «чеченизацией» конфликта и с применением чеченскими силовыми структурами заложничества как инструмента борьбы с боевиками. Хотя инициатива Генерального прокурора, касающаяся «контрзахвата заложников», озвученная на заседании Государственной думы РФ 20 октября 2004 г., не получила продолжения и не была закреплена в законодательстве, ее можно рассматривать как поощрение применяемой de facto в Чечне практики заложничества. Причем поощрение со стороны государственного лица, ответственного за контроль над законностью в стране. Заложничество используется чеченскими «силовиками», в основном, в отношении родственников членов «незаконных вооруженных формирований» (НВФ) с целью принудить последних к сдаче.

Вооруженный конфликт на Северном Кавказе изначально не был ограничен Чеченской Республикой. В 1999 г. боевые действия начались в Республике Дагестан. Начиная примерно с 2002 г., наблюдается устойчивая тенденция к «расползанию» конфликта на соседние с Чечней субъекты РФ. К настоящему времени в тех или иных формах действия экстремистов и «контртеррористическая операция» распространились на большинство северокавказских республик (Дагестан, Ингушетию, Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию), а также Ставропольский край. Соответственно, на весь Северный Кавказ распространились и практики «контртеррора», связанные с похищением и незаконным задержанием людей, применением пыток, жестоким и унижающим человеческое достоинство обращением. Это, в свою очередь, способствует дальнейшей эскалации конфликта¹⁹.

¹⁸ Более подробное описание представлено в разделе «Проблемы пыток и жестокого обращения в Чечне и на Северном Кавказе»

¹⁹ Более подробная информация о ситуации в двух субъектах Федерации – Ингушетии и Кабардино-Балкарии – представлена в том же разделе

Каждое Государство-участник предпринимает эффективные законодательные, административные, судебные или другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией.

Меры по улучшению условий содержания в следственных изоляторах

Мы считаем необходимым отметить, что в течение последних 5 лет российские власти продолжали принимать меры для улучшения положения лиц, содержащихся в следственных изоляторах (СИЗО). Эти меры были ориентированы как на сокращение числа лиц, помещаемых под стражу, так и на улучшение материальных условий, и в целом произвели положительный эффект.

К сожалению, Периодический доклад РФ перечисляет не все меры, которые были приняты компетентными российскими властями с целью улучшения ситуации в СИЗО. В частности, в указанном докладе не содержатся данные о проводившихся в последние годы программах реновации старых помещений следственных изоляторов и постройки новых. Эти меры, а так же их эффект описан в ст. 16 раздел «Условия содержания в следственных изоляторах» Доклада российских неправительственных организаций по соблюдению Российской Федерацией Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Следует отметить, что Федеральная служба исполнения наказаний разработала Федеральную целевую программу строительства и реконструкции СИЗО на 2007-2016 годы. Реализация этой программы может способствовать дальнейшему улучшению условий содержания в СИЗО.

Одной из мер, предпринятых государством для решения проблемы переполненности СИЗО, стало создание ПФРСИ (помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов). Приказом Министерства Юстиции № 212 от 30 июня 1999 г. был утвержден согласованный с Генеральной прокуратурой РФ перечень исправительных учреждений, на территории которых должны быть созданы ПФРСИ. На основании этого приказа, лица, арестованные по подозрению в совершении преступлений, могут в период предварительного следствия содержаться не в СИЗО, а отправляться в исправительное учреждение, где отбывают наказание осужденные. По данным ФСИН России, на 1 октября 2006 г. в России действует 157 ПФРСИ. Лимит следственно-арестованных, содержащихся в этих ПФРСИ, установлен для каждого учреждения индивидуально и составляет от 25 до 350 человек.

По мнению правозащитных организаций, создание ПФРСИ не способны значительно повлиять на решение проблемы перегруженности СИЗО. Кроме того, содержание в ПФРСИ создает дополнительные проблемы как для заключенных, так и для правоохранительных органов. Дело в том, что большинство исправительных учреждений (ИУ) в России расположены на значительном удалении (иногда более 100 км.) от крупных населенных пунктов, в то время как органы прокуратуры, надзирающие за соблюдением прав подозреваемых и обвиняемых, равно как и адвокатские конторы и правозащитные организации, как правило, сконцентрированы в городах. Это обстоятельство создает дополнительные сложности для адвокатов, при осуществлении защиты подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в ПФРСИ. Кроме того, в удаленных от областных центров местах, где расположены ПФРСИ, эффективность прокурорского надзора значительно ниже, чем в областных (республиканских) центрах, где расположены СИЗО, а возможность общественного контроля практически отсутствует. Все эти обстоятельства увеличивают риск пыток и жестокого и унижающего обращения, а так же других нарушений прав

²⁰ Данный раздел подготовлен Центром «Демос» и Фондом «Общественный вердикт».

лиц, содержащихся в ПФРСИ²¹. Удаленность исправительных учреждений, на базе которых созданы ПФРСИ, от городов обычно означает удаленность и от места проведения следствия. В результате этого конвоирование арестованных, содержащихся в ПФРСИ, к месту проведения следственных действий, требует значительно большего времени, чем конвоирование из СИЗО, что создает дополнительные сложности как для заключенных, так и для конвойных служб.

В пп. 47 -56 Периодического доклада РФ указывается, на такую меру, как принятие и введение в действие нового уголовно-процессуального кодекса (УПК РФ), который предусматривает судебный порядок решения вопроса о досудебном аресте подозреваемых и обвиняемых. Там же описывается практика судов по применению ареста в 2002 -2003 годах. В дополнение к этой информации в ст. 11 раздел «Процедура ареста Доклада российских неправительственных организаций по соблюдению Российской Федерацией Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания описывается судебная практика по применению ареста в 2004 и 2005 годах. Следует отметить, что Министерство Юстиции и Федеральная служба исполнения наказаний не удовлетворены судебной практикой по вопросам об аресте. По словам директора Федеральной службы исполнения наказаний Ю.И.Калинина, «... у нас излишне часто помещают людей под стражу. В прошлом году [2005] из зала суда было освобождено 65 тысяч человек, около двух тысяч из них – из-за отсутствия состава преступления. То есть они сидели в СИЗО просто так, ни за что. И никто за это не ответил. Что касается остальных, им вынесли наказания, не связанные с лишением свободы. Это значит, что люди не совершали опасных преступлений, стало быть, не представляли для общества никакой угрозы. Что за необходимость была держать их в изоляторах?»²² Кроме того, необходимо принять во внимание, что в 2005 и 2006 годах Европейский суд по правам человека принял семь решений, в которых практика российских судов по рассмотрению вопросов об аресте была признана не соответствующей стандартам Европейской Конвенции. К сожалению, компетентные российские власти пока не предложили никаких мер по изменению практики применения судебного ареста.

Меры по улучшению ситуации в исправительных учреждениях и по защите прав заключенных

Действия, предпринятые российскими властями для улучшения условий содержания в исправительных учреждениях, а так же меры по защите прав и свобод заключенных, перечислены в пп. 131-141 Четвертого периодического доклада РФ. Также сведения по этому вопросу содержатся в ст. 16 раздел «Условия содержания в исправительных учреждениях» Доклада российских неправительственных организаций. В целом можно сказать, что меры по улучшению ситуации в исправительных учреждениях касались преимущественно улучшения материально-бытовых условий отбывания наказаний (ремонт помещений, увеличение расходов на питание), что нельзя признать достаточным. В этой связи необходимо обратить внимание на оценку ситуации в исправительных учреждениях, данную Министерством Юстиции РФ, в подчинении которого находится Федеральная служба исполнения наказаний. Так, на заседании коллегии по вопросу «Об итогах деятельности Министерства юстиции Российской Федерации за 2005 год и задачах на 2006 год», состоявшейся 17 марта 2006 года, Министр Юстиции Ю.Я. Чайка сообщил следующее:

«В русле курса на гуманизацию уголовных наказаний организовано исполнение нового вида наказания - ограничения свободы. Увеличено количество камерных площадей, введено в эксплуатацию более 8 тысяч дополнительных мест, увеличены нормы питания и вещевого довольствия, количество лицензированных медицинских подразделений доведено до 70% от необходимого. Продолан большой объем работы по приему следственных изоляторов ФСБ России в Федеральную службу исполнения наказаний.

²¹ Дополнительная информация об этой проблеме представлена в ст. 11 Доклада российских неправительственных организаций

²² Российская газета, 28 июля 2006 года, № 164.

Вместе с тем, хотя финансирование увеличено в разы, пенитенциарная система остается проблемной, в первую очередь, с точки зрения обеспечения прав граждан, лишенных свободы, по многим позициям произошел откат назад, в том числе к отжившим себя методам управления.

Так, остаются не до конца решенными вопросы по соблюдению прав на обеспечение условий размещения подозреваемых и обвиняемых, медицинского обслуживания, обеспечения осужденных трудом, а также предоставления им иных социальных гарантий.

<...>

В некоторых местах лишения свободы безопасные условия в жилых помещениях не созданы. Погибли люди при обрушении здания в колонии-поселении в Капотне [в Москве.– Ред.]. Чудом удалось избежать человеческих жертв при пожаре в ИК-5 Ставропольского края. На 12% увеличилась смертность в местах лишения свободы, производственный травматизм – на треть.

<...>

Отмечены случаи предоставления самостоятельным организациям осужденных полномочий по обеспечению надзора, дисциплины и порядка, которые приводят к физическому притеснению и моральному унижению других осужденных, что в итоге, провоцирует их на массовое неповиновение. Такие акции в колониях Курской, Самарской, Омской областей получили широкий негативный общественный резонанс не только в России, но и за рубежом.

Продолжается сокращение числа работающих осужденных на оплачиваемых работах (только за год - на 26 тысяч человек), сегодня не работает каждый третий из них.

Объективным отражением проявлений неблагополучия являются жалобы осужденных. Здесь есть над чем задуматься: количество жалоб, поступивших в Минюст, в сравнении с предыдущим годом увеличилось в 12 раз, поступивших непосредственно в службу – почти в 4. Из них – в 4,3 раза возросло количество обоснованных, в результате чего на 87% больше привлечено к ответственности сотрудников системы. При этом каждое третье обращение направлено нелегально, минуя администрацию учреждения.

Основной причиной сложившегося положения является занятая руководителями службы позиция по «автономизации» Службы и курс на полную ликвидацию системы защиты прав человека в УИС, выход из-под координации и контроля Министерства»²³.

В качестве средств по преодолению сложившейся ситуации Министр Юстиции назвал введение наказаний, альтернативных лишению свободы, и усилия по реализации требований, заложенных в международные правовые документы по соблюдению прав человека²⁴.

Следует отметить, что шаги по внедрению наказаний, альтернативных тюремному заключению, уже сделаны. Средства массовой информации сообщают, что в октябре 2006 года в четырех регионах РФ будет начат эксперимент по введению электронного контроля за лицами, осужденными за незначительные преступления.

Дополнительными мерами по обеспечению защиты прав заключенных могут являться регулярные инспекции независимых экспертов в места содержания под стражей. Следует отметить, что в течение отчетного периода компетентные российские власти продолжали взаимодействие с Европейским комитетом по предотвращению пыток, который продолжает проводить регулярные посещения мест лишения свободы, находящихся на территории РФ. Вместе с тем, в отчетные период не предпринималось дополнительных шагов по интеграции России в систему международного права по правам человека. В частности, не осуществлялись меры по подготовке подписания и ратификации Дополнительного протокола к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Кроме того, в начале октября 2006 года Российская Федерация отложила на неопределенный срок назначенный на 9-20 октября 2006 года визит Спецдокладчика ООН по пыткам.

²³ Доклад Министра Юстиции опубликован на сайте Министерства Юстиции:
<http://www.minjust.ru/news/detail.php?ID=914>.

²⁴ Там же.

Пп. 9-10 Четвертого периодического доклада РФ посвящены мерам по созданию системы независимого инспектирования мест лишения свободы на национальном уровне. В частности, сообщается о создании общественного Совета при Министре Юстиции РФ, а так же о рассмотрении законопроекта об общественном контроле за местами содержания под стражей. К сожалению, эти важные начинания до настоящего момента не получили дальнейшего развития.

Меры по улучшению ситуации в изоляторах временного содержания МВД РФ и других местах содержания под стражей

В пп. 156-157 Четвертого периодического доклада РФ приводится пример выявления плохих условий содержания в изоляторах временного содержания (ИВС) МВД РФ, а также описываются меры по их устранению.

Дополнительно следует отметить, что большой вклад в проверку и оценку условий содержания в ИВС внесли региональные омбудсмены и федеральный омбудсман²⁵.

В 2006 году СМИ публиковали информацию о том, что в ряде регионов (в частности, в Алтайском крае и Архангельской области) были построены и введены в эксплуатацию новые помещения изоляторов, соответствующие санитарным требованиям и принципам гуманного обращения с задержанными. Так же сообщалось, что МВД РФ подготовило проект целевой программы, согласно которой в течение 2007 - 2009 годов система ИВС должна быть приведена в соответствие с международными стандартами.

Меры по предотвращению пыток и жестокого и унижающего достоинство обращения в работе милиции и других правоохранительных структур

Следует отметить в качестве положительных законодательные меры, направленные на защиту прав подозреваемых и обвиняемых. Все новшества в этой сфере подробно описаны в пп. 4-6, 47-64, а так же 75-83 Четвертого периодического доклада РФ. Вместе с тем, на практике указанные законодательные новации в полной мере не реализуются, что создает условия для применения пыток с целью раскрытия преступлений.

Полная реализация предоставленных российскими законами гарантий защиты от пыток требует изменения практики работы правоохранительных органов. Однако системные меры по профилактике пыток не предпринимаются, поскольку существование практики пыток с целью раскрытия преступлений не признается властями. Лишь в открытом письме, с которым Министр внутренних дел в августе 2005 года обратился к своим подчиненным, указано на недопустимость любого противозаконного, жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения. Несмотря на важность этого заявления, ориентирующего сотрудников милиции на отказ от негуманных методов решения служебных задач, его одного недостаточно для профилактики пыток.

Рассматривая вопрос о мерах, предпринимаемых с целью наказания лиц, совершивших пытки, следует отметить, что в течение 2005-2006 годов увеличилось число судебных приговоров в отношении сотрудников милиции, применивших пытки или жестокое обращение. Несмотря на это, меры по расследованию жалоб на пытки не всегда соответствуют стандартам Конвенции²⁶.

²⁵ Информация о недостатках, выявленных омбудсменами, представлена в ст. 16 раздел «Условия содержания в изоляторах временного содержания МВД России» Доклада российских неправительственных организаций.

²⁶ Подробный анализ ситуации с расследованием пыток и последующего привлечения виновных к ответственности представлен в ст. 12 Доклада российских неправительственных организаций

Меры по профилактике жестокого обращения в вооруженных силах

В 2006 году российские власти обратили пристальное внимание на проблему насилия в вооруженных силах. Министерство обороны стало регулярно публиковать сведения о погибших военнослужащих и причинах их смерти. 14 февраля 2006 года в комитете по обороне Государственной Думы РФ прошло расширенное заседание, посвященное этой проблеме. Министерство обороны сообщило о разработке программы действий по профилактике т.н. дедовщины в армии. В рамках предлагаемых мер были названы: сокращение срока службы по призыву с двух лет до одного года, доведение доли контрактников в российской армии до 60-70% от общего числа военнослужащих при сокращении количества призывников до 30%, изменение дисциплинарной системы в вооруженных силах. На сегодняшний день сложно предположить в какой степени будут реализованы означенные меры и насколько велик будет положительный эффект от их реализации.

Так же следует отметить, что 8 октября 2006 года Министр обороны РФ подписал приказ, запрещающий привлекать военнослужащих к выполнению работ, не обусловленных исполнением обязанностей военной службы. В приказе указано, что за последнее время в армии и на флоте участились случаи, когда отдельными командирами и начальниками в нарушение требований соответствующих статей федеральных законов "О статусе военнослужащих" и "О воинской обязанности и военной службе", военнослужащие привлекаются к работам, не обусловленным исполнением обязанностей военной службы. По оценке министра, в результате такой порочной практики создаются предпосылки к инцидентам, связанным в том числе с травматизмом и гибелью личного состава. Своим приказом министр не только запретил подобную практику, но и потребовал от органов военного управления проанализировать все случаи привлечения военнослужащих к выполнению работ и при выявлении фактов их участия в работах, не связанных с исполнением обязанностей военной службы, проводить расследования и привлекать виновных к ответственности.

Статья 3²⁷

1. Ни одно Государство-участник не должно высылать, возвращать (*refouler*) или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

2. Для определения наличия таких оснований компетентные власти принимают во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека.

Предоставление убежища в России и реализация принципа защиты от угрозы пыток

Законодательство Российской Федерации предусматривает три формы предоставления убежища. Убежище, в какой бы форме оно ни было предоставлено иностранному гражданину или лицу без гражданства, служит гарантией недопустимости его административного выдворения, депортации и экстрадиции в страну его гражданства или постоянного проживания. Это же относится к лицам, в отношении которых процедура рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища еще не завершена.

Основной причиной предоставления убежища является опасность преследований по признаку принадлежности к определенной группе. Кроме того, убежище должно предоставляться в случаях, когда после возвращения на родину лицо может быть подвергнуто жестокому обращению, пыткам или другим формам обращения, опасным для жизни и здоровья.

Политическое убежище: нормативное регулирование и практика

Указ Президента РФ от 21 июня 1997 г. «Об утверждении положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища» регулирует порядок предоставления убежища политическим деятелям, подвергающимся в стране своей гражданской принадлежности преследованиям, направленным против них лично.

В соответствии с Указом, политическое убежище не может быть предоставлено лицам, прибывшим из стран «с развитыми и устоявшимися демократическими институтами в области защиты прав человека» (часть 1, п. 5, абз. 5). Ежегодно Министерство иностранных дел (МИД России) составляет список таких стран (часть 2, п. 8, абз. 2).

Заявитель подает ходатайство о предоставлении политического убежища в территориальный орган Федеральной миграционной службы РФ (ФМС России), который после решения вопроса о достаточности оснований, направляет ходатайство на федеральный уровень, в ФМС России. ФМС России, в свою очередь, запрашивает заключения МИД России, Министерства внутренних дел РФ (МВД России), Федеральной службы безопасности (ФСБ России) и направляет их, вместе со своим заключением, в Комиссию по вопросам гражданства при Президенте РФ. На основании полученных материалов Комиссией готовятся рекомендации Президенту РФ для принятия им решения по каждому ходатайству (пп.10, 11 Указа от 21 июня 1997 г.).

²⁷ Данный раздел доклада подготовлен Комитетом «Гражданское содействие» и ПЦ «Мемориал». Все сведения для данного раздела получены при посещении центров размещения лиц, ищущих убежища, спецприемников для задержанных, а также в результате работы общественных приемных Комитета «Гражданское содействие» и Сети «Миграция и Право» ПЦ «Мемориал».

Лицо, получившее политическое убежище, и члены его семьи получают вид на жительство в России (часть 3, п. 16 Указа от 21 июня 1997 г.).

Подача ходатайства через представителя не предполагается. Обжалование решений должностных лиц возможно в общегражданском порядке, решение Президента РФ не обжалуется. Адвокатская и любая иная консультативная поддержка на стадии подготовки, подачи и рассмотрения ходатайства также возможны в общем порядке.

Однако в течение 10 лет политическое убежище получило не более 10 человек. Фактически президентский указ не применяется на практике, поскольку он касается нерядовых случаев обращения за убежищем. Правозащитникам известны факты, когда представители высшего руководства стран, ранее входивших в состав СССР, ходатайствовали о предоставлении им убежища при изменении политических режимов в этих странах. Однако политические соображения мешают российским властям открыто покровительствовать бывшим руководителям государств СНГ, предпочитая оставаться в хороших отношениях с их преемниками.

Так бывший Президент Азербайджанской Республики Аяз Муталибов получил политическое убежище в России только после вторичной смены режима у него на родине, и после того как он ее покинул.

Статус беженца и временное убежище: нормативное регулирование

Представление статуса беженца регулируется Законом РФ «О беженцах», принятым 19 февраля 1993 г. и действующим в редакции от 28 июня 1997 г. № 95-ФЗ с небольшими дальнейшими поправками. Определение беженца в российском законодательстве почти полностью повторяет определение Конвенции ООН 1951 г. «О статусе беженца». В российском законодательстве беженцем признается (ст. 1, часть 1, п. 1 Закона «О беженцах»)

«лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений».

Ходатайство о предоставлении статуса беженца подается в территориальный орган ФМС России, который принимает решение о предоставлении статуса или отказе в его предоставлении (ст. 7, часть 3 Закона «О беженцах»). Процедура рассмотрения ходатайства состоит из двух стадий: решение о рассмотрении ходатайства по существу и рассмотрение ходатайства. На обоих этапах действия должностных лиц могут быть обжалованы в вышестоящий орган или в суд (ст. 10, часть 2 Закона «О беженцах»). Статус беженца предоставляется сроком на три года и продлевается на каждый следующий год в случае, если сохраняются основания его предоставления (ст. 7, п. 9 Закона «О беженцах»).

Статья 12 Закона «О беженцах» предусматривает предоставление временного убежища лицам, которые могут быть признаны беженцами либо «не имеют оснований для признания беженцем ..., но из гуманных побуждений не могут быть выдворены (депортированы) за пределы территории Российской Федерации» (ст. 12, часть 2, п. 2). Порядок предоставления временного убежища урегулирован Постановлением Правительства РФ «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерацией» от 9 апреля 2001 г. № 274.

Решение о предоставлении временного убежища принимается при наличии оснований для признания лица беженцем «либо существования гуманных причин, требующих временного пребывания данного лица на территории РФ (например, состояния здоровья), до устранения таких причин или изменения правового положения лица» (Постановление Правительства № 274, п. 7). Определение гуманных причин, конкретизирующее только одну возможность, явно недостаточно.

К гуманным причинам могли бы быть отнесены и внешние обстоятельства, такие, например, как состояние гражданской войны, послевоенная разруха или жестокий режим власти, сопряженный с пытками и бессудными казнями, на территории государства, откуда прибыл заявитель. Однако Инструкция Министерства федерации России, которому на тот период были отданы функции ФМС России, от 1 августа 2001 г. №11/3 – 5768 существенно ограничивает круг гуманных соображений, сводя его к болезни лица, ищущего убежище.

Таким образом, применение Постановления Правительства № 274 сводится к предоставлению временного убежища лицам, имеющим основания для получения статуса беженца, но этого статуса не получившим.

Практика предоставления статуса беженца и временного убежища в России

Анализ практики предоставления убежища позволяет с определенностью утверждать, что Россия не выполняет в этой области свои международные обязательства и не гарантирует иностранным гражданам и лицам без гражданства защиту от возвращения в страну, где им грозят пытки и жестокое обращение.

Три приведенные ниже таблицы, составленные на основании предоставленных ФМС России данных, ясно указывают на тенденции, сложившиеся в практике предоставления статуса беженца и временного убежища в России.

Таблица 1. Число лиц, признанных беженцами и стоящих на учете в ФМС России (на конец каждого года)

год	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Число беженцев	239359	128360	79727	26065	17902	13790	8725	614	456
Из них в Северной Осетии - Алании	28086	26210	24124	19650	15150	11534	6688	229	

Таблица 2. Число поданных ходатайств

Год	2001	2002	2003	2004	2005
Статус беженца/временное убежище	1684/822	876/789	737/756	910/819	960/890

Таблица 3. Число получивших убежище

Год	2001	2002	2003	2004	2005
Статус беженца/временное убежище	137/389	45/850	107/358	122/252	21/184

Резкое уменьшение числа зарегистрированных беженцев (Таблица 1) отчасти связано с приобретением ими российского гражданства. Однако большинство из них на рубеже 1997-98 гг. просто было снято с учета в связи с тем, что они не прошли принятую в новой редакции Закона РФ «О беженцах» процедуру определения статуса, о необходимости проходить которую их никто не уведомил. Более того, сами миграционные органы не могли долгое время решить, как им поступать с беженцами, не прошедшими по новым правилам процедуру, и продлевали их удостоверения, в дальнейшем объявленные «удостоверениями не установленного образца». Таким образом, около 100 тысяч бывших граждан СССР на территории России превратились в нелегальных мигрантов со всеми вытекающими из этого положения последствиями, включая возможность выдворения в страну происхождения, где у них было изъято имущество и на сегодняшний день сохраняется угроза опасности для жизни.

После 1997 г. со все большей очевидностью стала прослеживаться тенденция на отказ в предоставлении убежища. Абсолютное большинство беженцев (26065), получивших после 1997 г. удостоверения нового образца, были осетины из Южной Осетии, официально входящей в состав Грузии. Статус им был предоставлен в Республике Северная Осетия – Алания, одном из субъектов Российской Федерации.

С точки зрения правозащитников, число официально зарегистрированных ходатайств о предоставлении убежища не соответствует реальному числу лиц, ищущих убежища в России. Это происходит потому, что доступ к процедуре получения убежища ограничен.

Так, в г. Москве создалась практика откладывать прием ходатайств от лиц, ищущих убежища, на 2-3 года. Московские власти объясняют это тем, что большинство ищущих убежища лиц обращаются за ним именно в московские органы миграции. Это в большой степени верно, поскольку г. Москва является основным транспортным узлом в России. Однако проблем с распределением нагрузки не было бы, если бы заявители получали направление в другие регионы, где им было бы предоставлено временное жилье на период рассмотрения ходатайства.

Как правило, заявителю в г. Москве выдавалась только записка без всяких реквизитов миграционного органа и подписи выдающего лица о дате и времени проведения интервью. В 2005 г. миграционный орган начал выдавать справки такого же содержания на бланке с приглашением на интервью на 2008 г. и даже 2009 год.

Эта справка не является документом, легализующим положение иностранного гражданина на территории России, регистрации по месту пребывания в органах внутренних дел по ним не производится.

Необходимо отметить, что по сравнению с прошлыми годами, когда обращение в миграционный орган вообще не фиксировалось, оформление справок установленного образца является определенным улучшением. В некоторых случаях лицам, имеющим на руках такую справку, удастся оспорить в судебном порядке отказ в приеме ходатайства в предоставлении убежища. Но такая возможность имеется у тех, кто не находится в местах заключения и может беспрепятственно связаться с адвокатом, поскольку в спецприемнике, куда направляют большинство беженцев без статуса, связь с внешним миром ограничена. Известно, что попавшим в спецприемник беженцам часто отказывают в выдаче бумаги и ручки, особенно для написания жалобы.

При этом вероятность того, что заявитель может оказаться в спецприемнике, очень высока, поскольку жалоба на отказ в приеме ходатайства может до шести месяцев и более пролежать в суде. Все это время мигрант вынужден жить без документов, подтверждающих наличие оснований на пребывание в России.

При отсутствии документов, легализующих право находиться на территории России, регистрации в органах внутренних дел, ищущие убежища лица, равно как и произвольно

снятые с учета беженцы, ежедневно подвергаются задержаниям на улицах, приводам в отделения милиции и нередко оказываются жертвами вымогательств и жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов. Часто из милиции их доставляют в суд, где незамедлительно принимается решение об административном выдворении с заключением под стражу до исполнения решения суда.

Проблемы с доступом к процедурам, легализующим статус беженца, наблюдаются в большинстве регионов России. В некоторых регионах миграционные органы вовсе не работают с иностранными гражданами, не принимают от них ходатайств о предоставлении убежища. Официально беженцы зарегистрированы только в 11 регионах, а лица, получившие временное убежище, - только в 27 субъектах федерации. Отказы в приеме документов, как правило, даются в устной форме, поэтому не могут быть зафиксированы и обжалованы. Такая практика сложилась из-за постоянных реорганизаций ФМС России, теряющей квалифицированные кадры, и общей политики в отношении предоставления убежища. Эта политика находит отражение в статистике, показывающей, что основные потоки бывших граждан СССР, преследуемых новыми авторитарными режимами, преимущественно направляются в Россию, и что в самой России число лиц, получивших убежище, ничтожно мало.

Во время процедуры определения статуса лица, ищущего убежища, как правило, адвокат отсутствует, поскольку у неправительственных организаций не хватает ресурсов для того, чтобы уже на начальной стадии обеспечить заявителей правовой поддержкой. Кроме того, миграционные органы не осведомляют заявителей о возможности привлечения к процедуре третьего лица, например, адвоката. Как правило, от заявителей требуют обеспечить строгие доказательства личного преследования вместо того, чтобы проверять представленные им сведения. Ссылки на общую ситуацию в стране происхождения редко признаются существенными для предоставления убежища.

Без всяких оснований ФМС России пришла к выводу, что из стран СНГ не может быть беженцев. Это положение выражено в инструкции от 19 июня 2002 г. № 20/1372.

«При рассмотрении ходатайств следует учитывать, что в последние годы в государствах СНГ отмечается стабилизация политической и экономической ситуации, которая во многом изменила характер обстоятельств вынужденного выезда граждан из этих государств. Конституциями этих государств и другими нормативными правовыми актами запрещено преследовать граждан по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений. Обстоятельства переезда граждан из этих государств в Россию в основном связаны с экономическими либо другими причинами».

Действительно, значительное число мигрантов из стран СНГ перемещаются в Россию по экономическим причинам. Вместе с тем, автоматически признавать всех мигрантов из этих стран экономическими мигрантами и на этом основании отказывать им в праве на статус беженца или убежища, как это делает ФМС России, является недопустимым. Известно, что в ряде стран СНГ (Узбекистан, Туркменистан) пытки и бессудные казни стали обыденностью. Однако эти обстоятельства компетентными органами России не принимаются во внимание.

Ярким примером может служить положение узбеков, которые получают отказы в предоставлении им убежища, несмотря на очевидную опасность возвращения на родину. (См. Пресс-релизы ПЦ «Мемориал», <http://www.memo.ru/hr/politpr/asia/r4p.shtml>).

По сведениям УВКБ ООН на территории России уже долгие годы находится не менее 100 тысяч афганцев, которым убежище до сих пор не предоставлено. Афганцы живут в России нелегально, со стороны власти постоянно делаются попытки добиться их выдворения. На Межведомственной комиссии по миграционной политике (в настоящее время распущенной) 29 января 2003 г. ФМС России представила доклад «Об урегулировании проблем, связанных с пребыванием в Российской Федерации выходцев из Афганистана». В докладе говорится, что «современное афганское общество отличается высокой политической терпимостью», а поэтому «у большинства из афганцев оснований для получения убежища нет, так как предпосылки для опасений подвергнуться преследованиям со стороны нынешних афганских властей за свою прошлую деятельность у них отсутствуют».

Очевидно, что это утверждение не соответствует действительности. Представляется преждевременным говорить о существовании в Афганистане единого гражданского общества с какими-либо демократическими характеристиками. Нынешняя власть не контролирует в полной мере территорию страны и не может обеспечить безопасность для всех этнических групп, населяющих страну. Поэтому УВКБ ООН до сих пор не дает афганцам определенной рекомендации возвращаться на родину, а только помогает тем, кто твердо принял решение это сделать. Кроме того, основная часть афганцев, оказавшихся в России, бежали не от режима талибов, а от власти Северного альянса, свергнувшего режим Наджибулы в 1997 году.

Из сказанного можно сделать вывод, что в России система предоставления политического и временного убежища, а так же статуса беженца, в целом неэффективна и не предохраняет от жестокого обращения и высылки лиц, ищущих убежища, в страны, где их жизни и здоровью угрожает реальная опасность. Таким образом, система предоставления убежища на территории России не может быть названа эффективной и гарантирующей заявителям защиту от высылки в страны, где им угрожают пытки и сохраняется опасность для жизни. А также лица, ищущие убежища, не имеют гарантий защиты от жестокого обращения и условий жизни, близким к пыткам на территории России.

Выдворение и депортация. Реализация принципа защиты от угрозы пыток

В отсутствие нормально функционирующей процедуры предоставления статуса беженца, временного и политического убежища, лица, нуждающиеся в международной защите, оказываются лицом к лицу с реальной возможностью быть высланными в страну происхождения, где они вполне обоснованно опасаются подвергнуться преследованиям и пыткам. При этом процедура выдворения и депортации не предусматривает рассмотрения вопроса об угрозе пыток в стране, куда осуществляется выдворение или депортация.

В российском законодательстве имеются два понятия: административное выдворение и депортация. В соответствии с Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан на территории РФ» (последний абзац части 1 ст. 2)

«Депортация - принудительная высылка иностранного гражданина (лица без гражданства) из Российской Федерации в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в Российской Федерации».

Депортация может быть произведена только в случаях, если у депортируемого лица

- сокращен срок проживания иностранного гражданина или лица без гражданства на территории РФ;
- аннулировано разрешение на временное проживание иностранного гражданина или лица без гражданства на территории РФ;
- аннулирован вид на жительство иностранного гражданина или лица без гражданства на территории РФ (ст. 31 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан на территории РФ»);
- а также, если лицо, имевшее статус беженца или получившее временное убежище, было лишено этого статуса (ст. 13 Закона РФ «О беженцах»).

Решение о депортации принимает глава ФМС России. Представление о депортации подается в ФМС России органом, принявшим решение в соответствии с одним из положений упомянутой выше статьи 31 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан на территории РФ». Таким органом может быть МВД, МИД, ФСБ России. Обжалование решения в суд возможно, но на практике является неэффективным.

Решения о депортации принимаются достаточно редко – не более 20 в год – по исключительным индивидуальным случаям. Гораздо чаще на практике используется административное выдворение. Так, в 2005 г. было депортировано 15 человек, из них трое – в принудительном порядке.

«Административное выдворение» - принудительное и контролируемое перемещение иностранного гражданина (лица без гражданства) за пределы Российской Федерации или контролируемый самостоятельный выезд иностранного гражданина (лица без гражданства) за пределы Российской Федерации, осуществляемые в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).

Причины выдворения могут быть самыми ничтожными, поскольку КоАП РФ позволяет выдворять мигранта за любое нарушение правил пребывания. Основной причиной для выдворения является отсутствие регистрации в органах внутренних дел по месту пребывания мигранта. Это нарушение широко распространено, поскольку в прохождении процедуры регистрации иностранного гражданина ожидает много препятствий:

- режим работы регистрирующих органов, которые принимают заявления на регистрацию не каждый день и неполный рабочий день;
- краткий срок, на который предоставляется регистрация;
- необходимость представления документов из жилищного органа;
- требование о предоставлении письменного согласия или личного присутствия всех постоянных жильцов помещения, в котором регистрируется мигрант.

Кроме того, срок регистрации для тех, кто пересекает границу по безвизовому режиму, не превышает 90 дней, после чего мигрант вынужден выехать за пределы России. Однако за это время иностранный гражданин не может получить разрешение на временное проживание, поскольку на это законом предоставлено 6 месяцев. Поэтому под угрозой административного выдворения может оказаться и оказывается практически любой иностранный гражданин.

Административное право не накладывает запрета на депортацию или административное выдворение иностранных граждан из России в страны, где имеется риск пыток.

В соответствии со статьей 18.8 КоАП РФ «Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства режима пребывания в Российской Федерации» дается следующее определение:

Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства режима пребывания в Российской Федерации, выразившееся в несоблюдении установленного порядка регистрации либо передвижения или порядка выбора места жительства, в уклонении от выезда из Российской Федерации по истечении определенного срока пребывания, а равно в несоблюдении правил транзитного проезда через территорию Российской Федерации, - влечет наложение административного штрафа в размере от пяти до десяти минимальных размеров оплаты труда с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового».

Из текста статьи видно, что выдворение вместо меры, предотвращающей дальнейшее совершение правонарушения, превращается в дополнительную к уплате штрафа меру наказания.

Выдворение производится в судебном порядке в соответствии со статьей 3.10 КоАП.

В отличие от депортации, решения о выдворении принимаются в большом количестве с чрезвычайной легкостью. Такая практика наблюдается со времени вступления в силу КоАП РФ, т.е. с 1 июля 2002 года. В 2003 г. выдворено было 53,8 тысяч иностранных граждан, в 2004 г. выдворенных было уже вдвое больше – 103,9 тысяч, в 2005 г. число выдворяемых несколько уменьшилось и составило 75,8 тысяч человек, из них в принудительном порядке - 16,5 тысяч человек. Это обусловлено двумя факторами. С одной стороны, описанный выше порядок получения регистрации практически неограниченно расширяет круг лиц, подлежащих выдворению. С другой стороны, суды подходят к решению вопроса о выдворении формально, не вдаваясь в анализ обстоятельств дела.

Механизм применения статьи 18.8 КоАП РФ чрезвычайно прост. С целью контроля за соблюдением режима регистрации сотрудники милиции останавливают иностранных граждан на улице. В случае, если у иностранных граждан отсутствует регистрация, их доставляют в суд, где оперативно принимается решение о выдворении. Надо отметить, что проверка документов и наличия регистрации на улице сотрудниками патрульно-постовой службы противоречит статье 23.3 КоАП РФ. Патрульно-постовая служба среди сотрудников органов внутренних дел, уполномоченных производить такую проверку, не упоминается. Гораздо реже проверку и

доставку в суд нарушителей порядка регистрации производят участковые инспекторы, которые и должны этим заниматься.

Сложившаяся практика регистрации и проверки ее наличия приводит к неистребимой коррупции сотрудников милиции, которые применяют доставку в суд скорее в качестве наказания за неуплату взятки, чем за правонарушение. Мигранта, отказавшегося дать взятку, доставляют в суд. В суде в считанные минуты принимается решение о наложении штрафа и административном выдворении.

Можно привести множество примеров, демонстрирующих поверхностность и формализм при рассмотрении судами вопросов о выдворении.

Так, в 2002 г. были выдворены из РФ братья Кахабер и Цезарь Кобаля, беженцы из Сухуми, прибывшие в Москву в 1993 г. в связи с грузино-абхазским конфликтом. С 1995 г. по 2000 г. они были зарегистрированы по месту пребывания сроком на 5 лет, гражданства Грузии не принимали. Ц. Кобаля вступил в гражданский брак и у него родился ребенок. В статусе беженца им было отказано, несмотря на то, что они не могли вернуться на территорию Абхазии, будучи этническими грузинами. Задержание Ц. Кобаля было произведено в рабочий день, когда он вышел на обеденный перерыв. Ему не дали позвонить родственникам, и они узнали о произошедшем от знакомого, случайно оказавшегося в суде через два дня после задержания Ц. Кобаля, когда принималось решение о его выдворении. Вскоре уже дома был задержан Кахабер Кобаля. Московский городской суд не удовлетворил кассационную жалобу.

В 2005 г. случаи подобного рода стали накапливаться в Сети «Миграция и Право» ПЦ «Мемориал» из большинства российских регионов.

Ожидает депортации Лю Цзинцай, гражданина КНР, который с 1994 г. состоит в браке с гражданкой России Юлией Александровной Лю и имеет от этого брака двоих детей. Семья проживает в г. Советская Гавань Хабаровского края. Причины отказа в разрешении на временное проживание в России ни суду, ни адвокату не предъявлены. Правоохранительные органы ограничиваются заявлением о том, что такие причины имеются. Однако решение о выдворении уже принято.

В мае 2002 г. в г. Пензу на постоянное место жительства приехали граждане Узбекистана, супруги Шавкат Рахимов и Марьям Каримова. Они пересекли границу в безвизовом порядке и без миграционных карт, которые были введены и появились на практике только через год. Из-за отсутствия миграционных карт им не удалось получить разрешение на временное проживание в России. Семья покинула территорию России и снова въехала, получив на границе миграционные карты. Однако в это время закончилась квота Пензенской области на выдачу разрешений на временное проживание. Супругам оформили регистрацию по месту пребывания до 23 октября 2005 г., но не смотря на этот факт, Ленинским районным судом г. Пензы 3 октября 2005 г. было вынесено постановление о привлечении их к административной ответственности по статье 18.8 КоАП РФ с назначением штрафа в размере 12 минимальных размеров оплаты труда на каждого и выдворением за пределы России. Областной суд оставил это решение в силе.

В Московской области произошла история, которая кажется невероятной.

Тигран Мартиросян, гражданин Армении, 1982 года рождения, окончил школу в Ереване. С 1999 г. постоянно проживал с отцом, гражданином России, и матерью, гражданкой Армении, в г. Москве, где заканчивал Институт экономики и права. Тигран имел регистрацию до 19 октября 2004 г. и подал документы на разрешение на временное проживание, после чего немедленно мог в упрощенном порядке получить гражданство России в нескольких качествах: как сын инвалида I-й группы – гражданина России, как выпускник российского высшего учебного заведения и как бывший гражданин СССР.

В середине сентября 2004 г. Тигран поехал отдохнуть на дачу своих родителей, которая находится в Одинцовском районе (Московская область). 19 сентября 2004 г. он был задержан сотрудниками Одинцовского ОВД за проживание без регистрации на территории Московской области. 21 сентября 2004 г. Одинцовский городской суд вынес Постановление о выдворении Тиграна Мартиросяна с территории России. Слушанья длились 5 минут в отсутствие Т. Мартиросяна, адвоката и без какого бы то ни было исследования обстоятельств дела. Семья не могла воссоединиться в течение года. Только после того как мать Тиграна обратилась к юристам Сети «Миграция и Право» в конце 2005 г., Московский областной суд отменил Постановление Одинцовского городского суда. Однако до сих пор не внесены соответствующие изменения в информационную базу данных МВД России. Пока этого не сделано, Мартиросян не может вернуться к родителям в Россию. Не стоит объяснять, что исходной причиной злключения молодого человека был отказ его отца выкупить сына сразу после задержания.

Из анализа закона и приведенных примеров следует, что неконкретизированность положений КоАП РФ способствует их произвольной трактовке, дает широкие возможности развития коррупции и калечит судьбы людей.

Выдача (экстрадиции) подозреваемых, обвиняемых и осужденных из РФ и реализация принципов защиты от угрозы пыток

Согласно части первой статьи 61 Конституции РФ, гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству. Поэтому можно говорить о выдаче только иностранных граждан и лиц без гражданства.

Федеральным законом от 25 октября 1999 г. № 190-ФЗ Россия ратифицировала Европейскую Конвенцию о выдаче 1957 г. и Второй дополнительный Протокол 1978 года. Конвенция исключает выдачу лиц, «если преступление, в отношении которого она запрашивается, рассматривается запрашиваемой Стороной в качестве политического преступления или в качестве преступления, связанного с политическим преступлением».

Как правило, проблемы возникают в случаях, когда обращения о выдаче своих граждан исходят от стран, входящих в состав СНГ. Правовой основой для таких обращений служит Минская Конвенция «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам», заключенной в 1994 году. Ниже приводятся две статьи Минской Конвенции, определяющие обязанности выдачи и условия отказа в ней.

Статья 56. Обязанность выдачи.

1. Договаривающиеся Стороны обязуются в соответствии с условиями, предусмотренными настоящей Конвенцией, по требованию выдавать друг другу лиц, находящихся на их территории, для привлечения к уголовной ответственности или для приведения приговора в исполнение.
2. Выдача для привлечения к уголовной ответственности производится за такие деяния, которые по законам запрашивающей и запрашиваемой Договаривающихся Сторон являются наказуемыми и за совершение которых предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание.
3. Выдача для приведения приговора в исполнение производится за такие деяния, которые в соответствии с законодательством запрашивающей и запрашиваемой Договаривающихся Сторон являются наказуемыми и за совершение которых лицо, выдача которого требуется, было приговорено к лишению свободы на срок не менее шести месяцев или к более тяжкому наказанию.

Статья 57. Отказ в выдаче.

1. Выдача не производится, если:

а) лицо, выдача которого требуется, является гражданином запрашиваемой Договаривающейся Стороны;

б) на момент получения требования уголовное преследование согласно законодательству запрашиваемой Договаривающейся Стороны не может быть возбуждено или приговор не может быть приведен в исполнение вследствие истечения срока давности либо по иному законному основанию;

в) в отношении лица, выдача которого требуется, на территории запрашиваемой Договаривающейся Стороны за то же преступление был вынесен приговор или постановление о прекращении производства по делу, вступившее в законную силу;

г) преступление в соответствии с законодательством запрашивающей или запрашиваемой Договаривающейся Стороны преследуется в порядке частного обвинения (по заявлению потерпевшего).

2. В выдаче может быть отказано, если преступление, в связи с которым требуется выдача, совершено на территории запрашиваемой Договаривающейся Стороны.

3. В случае отказа в выдаче запрашивающая Договаривающаяся Сторона должна быть информирована об основаниях отказа.

Из текста видно, что проверка объективности обвинения и возможных политических причин преследования со стороны запрашивающего государства не предполагается. Минская Конвенция не учитывает и возможности обращения запрашиваемого лица за убежищем в стране, из которой требуют его выдачи. До выдачи, согласно статье 60, «по получении требования запрашиваемая Договаривающаяся Сторона немедленно принимает меры к взятию под стражу лица, выдача которого требуется».

Глава 54 «Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора» Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) определяет механизмы принятия решения и исполнения по запросу о выдаче иностранного гражданина, возможность обжалования такого решения и обстоятельства, исключающие выдачу.

Наиболее существенными представляются положения, содержащиеся в следующих извлечениях из УПК РФ.

Статья 462. Исполнение запроса о выдаче лица, находящегося на территории Российской Федерации

4. Решение о выдаче иностранного гражданина или лица без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации, обвиняемых в совершении преступления или осужденных судом иностранного государства, принимается Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем.

5. О принятом решении Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель письменно уведомляет лицо, в отношении которого оно принято, и разъясняет ему право на обжалование данного решения в суд в соответствии со статьей 463 настоящего Кодекса.

6. Решение о выдаче вступает в законную силу через 10 суток с момента уведомления лица, в отношении которого оно принято. В случае обжалования решения выдача не производится вплоть до вступления в законную силу судебного решения.

Статья 463. Обжалование решения о выдаче лица и судебная проверка его законности и обоснованности

1. Решение Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя о выдаче может быть обжаловано в верховный суд республики, краевой или областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области или суд автономного округа по месту нахождения лица, в отношении которого принято это решение, или его защитником в течение 10 суток с момента получения уведомления.
2. Если лицо, в отношении которого принято решение о выдаче, находится под стражей, то администрация места содержания под стражей по получении адресованной суду жалобы немедленно направляет ее в соответствующий суд и уведомляет об этом прокурора.
3. Прокурор в течение 10 суток направляет в суд материалы, подтверждающие законность и обоснованность решения о выдаче лица.
4. Проверка законности и обоснованности решения о выдаче лица производится в течение одного месяца со дня получения жалобы судом, состоящим из трех судей, в открытом судебном заседании с участием прокурора, лица, в отношении которого принято решение о выдаче, и его защитника, если он участвует в уголовном деле.
6. В ходе судебного рассмотрения суд не обсуждает вопросы виновности лица, принесшего жалобу, ограничиваясь проверкой соответствия решения о выдаче данного лица законодательству и международным договорам Российской Федерации.
7. В результате проверки суд выносит одно из следующих определений:
 - 1) о признании решения о выдаче лица незаконным или необоснованным и его отмене;
 - 2) об оставлении жалобы без удовлетворения.
8. В случае отмены решения о выдаче лица суд отменяет и меру пресечения, избранную в отношении лица, подавшего жалобу.
9. Определение суда об удовлетворении жалобы или отказе в этом может быть обжаловано в кассационном порядке в Верховный Суд Российской Федерации в течение 7 суток со дня его вынесения.

Статья 464. Отказ в выдаче лица

1. Выдача лица не допускается, если:
 - 1) лицо, в отношении которого поступил запрос иностранного государства о выдаче, является гражданином Российской Федерации;
 - 2) лицу, в отношении которого поступил запрос иностранного государства о выдаче, предоставлено убежище в Российской Федерации в связи с возможностью преследований в данном государстве по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или по политическим убеждениям».

Из последнего абзаца видно, что выдача лица, получившего убежище в России, не допускается законом. Однако неэффективность механизма предоставления убежища практически обесценивает эту норму. При этом отсутствует норма, которая исключала бы выдачу в страны, где широко практикуются пытки и жестокое обращение с людьми.

В соответствии с законом решение Генеральной прокуратуры о выдаче может быть обжаловано в суд субъекта федерации в течение десяти дней. После этого дается месяц для проверки законности и обоснованности решения о выдаче. Определение суда также можно обжаловать в кассационном порядке в Верховном суде РФ.

Таким образом, закон предоставляет широкие возможности противодействия выдаче, на реализацию которых предоставляется достаточно времени.

Но, к сожалению, на практике закон часто не выполняется. Лица, задержанные по запросу о выдаче, заключаются под стражу, их связь с внешним миром прерывается. В редких случаях они могут получить поддержку адвоката, который разъяснит им их право на обжалование решения Генерального прокурора.

Получить информацию о числе экстрадиций из РФ сложнее, чем о депортациях и выдворениях. Однако известно множество случаев, когда правоохранительные органы выдворяли граждан государств, входящих в состав СНГ, при наличии вполне обоснованного предположения, что запрос о выдаче имеет политические мотивы и существует реальная опасность, что выдаваемые будут подвергнуты пыткам и даже казни. Это относится к требованиям о выдаче в страны, где установились режимы, далекие от демократических, в первую очередь, Туркменистан и Узбекистан. Дружественные политические и выгодные экономические отношения между Россией и этими странами в большей степени влияют на поведение российских властей, чем обязательства по соблюдению прав человека.

Более того, на территории России свободно действуют спецслужбы этих стран, участвующие в задержании и помещении под стражу своих граждан.

Эта практика известна с середины 90-х гг., когда таким образом были выданы многие граждане Грузии и Азербайджана, немедленно оказавшиеся на родине за решеткой.

В сентябре 2001 г. Эминбейли Гюндуза Айдын Оглы, гражданин Азербайджана, подвергавшийся на родине преследованиям по политическим причинам, признанный УВКБ ООН нуждающимся в переселении в третью страну, был взят под стражу в помещении УПВС ГУВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, куда он пришел за получением разрешения на выезд из России. Основанием для задержания послужило письмо и.о. начальника УВД г. Гянджи, адресованное начальнику ГУВД г. Санкт-Петербург с просьбой о задержании Г.А. Эминбейли, арест которого был санкционирован первым заместителем военного прокурора Азербайджана Алиевым. В течение двух недель к Г.А. Эминбейли не допускали адвоката - сотрудника Сети «Миграция и Право» в г. Санкт-Петербурге Ольгу Цейтлину. Только ее усилиями 25 октября 2001 г., т.е. через 36 дней, удалось добиться освобождения Г.А. Эминбейли из-под стражи и предотвратить его экстрадицию, опасность которой нависала над ним до последней минуты. Уже в аэропорту 5 ноября 2001 г. сотрудники милиции сделали последнюю попытку задержать беженца и не допустить его выезда в Швецию, где он получил убежище. По приезде в Швецию Г.А. Эминбейли обратился с жалобой на незаконное содержание под стражей в Европейский суд по правам человека.

В октябре 2002 г. по запросу Туркменистана был выдан Мурад Гарабаев, 1977 года рождения, успевший принять гражданство России. Поскольку М. Гарабаев получил российское гражданство как супруг гражданки России, его брак был признан недействительным на основании присланного из Туркменистана фальшивого документа о расторжении брака. Адвокат Анна Ставицкая немедленно обратилась в Европейский суд по правам человека. Под сильным давлением мировой общественности 5 декабря 2002 г. Московский городской суд принял определение: «Признать решение Генерального прокурора РФ от 22 октября 2002 года о выдаче правоохранительным органам Туркменистана гражданина РФ Гарабаева Мурада незаконным и необоснованным и отменить его. Меру пресечения, избранную в отношении Гарабаева М.Р. в виде заключения под стражу – отменить».

К сожалению, далеко не все дела об экстрадиции лиц, преследуемых по политическим причинам, заканчиваются благополучно.

Яркий пример сотрудничества России и Узбекистана представляет собой дело Алишира Усманава. А. Усманов был осужден в Татарстане на 9 месяцев лишения свободы за хранение боеприпасов. Есть основания предполагать, что боеприпасы ему были подложены, поскольку привлечен к ответственности А. Усманов был по обвинению в экстремистской деятельности и членстве в партии «Хизб ут-Тахрир».

Однако по этому обвинению он был оправдан. А. Усманов должен был выйти из заключения 29 июня 2005 года. Когда утром этого дня жена пришла за ним в тюрьму, то ей сообщили, что в пять утра за ним приехали «друзья» и очень попросили отпустить с ними заключенного. Вечером того же дня родственники подали в РОВД Вахитовского района г. Казани официальное заявление о розыске А. Усманова. Местонахождение А. Усманова было установлено только в октябре, когда родственники из Узбекистана сообщили жене Алишера, что он находится в СИЗО г. Намангана. ПЦ «Мемориал» распространил информацию об этом в пресс-релизе от 19 октября 2005 года. На это сообщение последовала немедленная реакция. 24 октября 2005 г. агентство РИА «Новости» со ссылкой на руководителя Бюро общественных связей СНБ Узбекистана О. Туракулова опубликовало следующее сообщение: «Алишер Усманов этапирован из Казани в Узбекистан согласно совместному с ФСБ России плану по борьбе с международным терроризмом». В том же сообщении утверждалось: «в настоящее время Усманов является гражданином Узбекистана, т.к. постановлением МВД Татарстана и на основании кассационного определения Верховного суда Татарстана лишен гражданства России». Незадолго до этого по запросу ПЦ «Мемориал» прокуратура сообщала, что А. Усманов не может быть экстрадирован, поскольку является гражданином России. 16 ноября 2005 г. в Узбекистане приговором суда А. Усманов был признан виновным по статье 159 ч. 3 (посягательство на конституционный строй), статье 242 ч. 2 (организация преступного сообщества), статье 244 ч. 2 (участие в запрещенных организациях) и статье 228 ч. 2 и 3 (использование поддельного документа, в данном случае – паспорта гражданина РФ) Уголовного кодекса Республики Узбекистан и осужден на 8 лет лишения свободы. Есть сведения, что А. Усманов подвергался в заключении жестокому обращению.

Последний пример, который нельзя обойти вниманием, - это история четырнадцати узбеков, задержанных 18 июня 2005 г. в г. Иваново по запросу Узбекистана, где все задержанные обвиняются в причастности к «андижанским событиям».

Задержание проводилось российскими спецслужбами с участием представителей спецслужб Узбекистана. Многие из задержанных проживали в России уже длительное время и участвовать в указанных событиях не могли. Однако, несмотря на множество нарушений, допущенных при задержании и продлении меры пресечения, российские власти проявляют очевидное намерение экстрадировать задержанных в Узбекистан. Сеть «Миграция и Право» ПЦ «Мемориал» пригласила всем задержанным адвоката, которому удалось добиться приема у 13 узбеков ходатайств о предоставлении им убежища в России. 13 января 2006 г. всем было отказано в предоставлении статуса беженца, на это решение миграционного органа подана жалоба в суд. Один из задержанных Хатам Хаджиматов, гражданин России, решением суда был 11 октября освобожден из-под стражи, поскольку его выдача была невозможна. Однако власти завели дело об аннулировании его российского гражданства, что и было сделано решением Ханты-Мансийского районного суда 27 октября 2005 года. Основанием для признания гражданства Хаджиматова недействительным послужила информация о якобы скрытом им узбекском паспорте. Отметим, что в 2000 году, когда Хаджиматов принимал гражданство России, его узбекское гражданство не могло этому помешать, поскольку по действовавшему в то время Закону «О гражданстве РФ» супруг гражданки России, независимо от своего гражданства, мог в заявительном порядке приобрести гражданство России. Понимая, что дело примет такой оборот, Хаджиматов 31 октября выехал из России в Украину, где обратился с ходатайством о предоставлении ему убежища.

Еще один из 14-ти задержанных, Мамиржон Таитемиров, является гражданином Киргизии, посольство которой направило ноту в МИД РФ. Но и это не имеет действия. Возможно, причина такого сопротивления проста – за каждого задержанного и переданного узбекским властям человека российская милиция получает немалую премию. Об этом случайно услышал один из задержанных во время допроса, когда

представители узбекских спецслужб разговаривали между собой по-узбекски, забыв, что их понимают.

Такая торговля людьми не представляет собой ничего нового и является непосредственным следствием общего разложения судебно-правовой системы.

Наличие в Узбекистане пыток и внесудебных казней признали Верховный комиссар ООН по правам человека Луиза Арбур и Верховный комиссар ООН по делам беженцев Антониу Гутерриш. Российские власти также обращались к руководству Киргизии с просьбой не высылать беженцев из Узбекистана, оказавшихся на территории Киргизии. Поэтому можно утверждать, что практика выдачи в России не соответствует принципу защиты от угрозы пыток.

Статья 4²⁸

1. Каждое Государство-участник обеспечивает, чтобы все акты пытки рассматривались в соответствии с его уголовным законодательством как преступления. То же относится к попытке подвергнуть пытке и к действиям любого лица, представляющим собой соучастие или участие в пытке.

2. Каждое Государство-участник устанавливает соответствующие наказания за такие преступления с учетом их тяжкого характера.

По результатам рассмотрения Третьего периодического доклада РФ Комитет против пыток рекомендовал властям России без отлагательства включить во внутреннее законодательство определение понятия «пытка», содержащееся в статье 1 Конвенции против пыток. Комитет так же рекомендовал определить во внутреннем законодательстве пытки и другие виды жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в качестве преступлений, влекущих за собой соответствующие наказания.

Следует отметить, что в отчетный период властями России были предприняты определенные меры по законодательному запрещению пыток. Однако эти меры оказались недостаточными для выполнения рекомендаций Комитета в полном объеме.

Введение запрета на использование пыток и жестокого или унижающего обращения в ходе расследования и разбирательства по уголовным и административным делам (См. пп. 4,7 Четвертого периодического доклада РФ), несомненно, поддерживают общий запрет пыток, закрепленный в статье 21 Конституции России. Вместе с тем, указанные запреты, устанавливая ограничения и принципы работы компетентных должностных лиц, тем не менее, не дают определения пытки и жестокого и унижающего обращения и не устанавливают уголовной ответственности за эти деяния.

В течение отчетного периода властями России так же велась законодательная работа по установлению уголовной ответственности за применение пыток и жестокого и унижающего обращения. В качестве реакции на рекомендации Комитета по результатам рассмотрения Третьего периодического доклада РФ, группа депутатов Государственной думы РФ разработала и представила на рассмотрение Думы законопроект, предусматривавший введение в Уголовный кодекс РФ (УК РФ) статьи 117-1 «Пытки». Проект статьи 117-1 УК РФ определял пытки как:

«Причинение должностным лицом либо с его ведома или молчаливого согласия иным лицом физических или нравственных страданий с целью принуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также с целью наказания либо в иных целях».

Таким образом, законопроект предлагал определение пыток, полностью соответствующее тому понятию пыток, которое дано в статье 1 Конвенции против пыток.

Этот законопроект был принят Государственной думой в первом чтении 19 марта 2003 года. Дальнейшее рассмотрение законопроекта совпало с происходившим в 2003 г. процессом разработки и внесения поправок в УК и УПК РФ. Предполагалось, что статья 117-1 будет, наряду с другими поправками, включена в Закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Однако во время последнего обсуждения изменений и дополнений в УК РФ Комитет по законодательству Государственной думы РФ отклонил статью 117-1. Статья 117-1, криминализующая пытки, была отклонена на под тем предлогом, что она «не соответствует структуре действующего Уголовного Кодекса».

8 декабря 2003 г вместо отклоненной статьи 117-1 законодатели приняли примечание к статье 117 (истязание). Текст примечания к статье 117 приведен в Четвертом периодическом

²⁸ Данный раздел доклада подготовлен Красноярским Общественным комитетом по защите прав человека и Исследовательским центром «Демос». При подготовке текста использовались опубликованные юридические тексты, информация, полученная от НПО (список упомянут выше) и СМИ.

докладе РФ (п. 3). Анализируя определение пыток, данное в этом примечании, можно отметить, что оно не в полной мере соответствует статье 1 Конвенции.

Во-первых, определение пытки в примечании к статье 117 УК РФ не указывает на такой существенный элемент пытки и жестокого и унижающего обращения, как прямое или косвенное участие должностного лица. Более того, сама норма, вводящее определение пытки, помещена в разделе Кодекса, посвященном преступлениям против жизни и здоровья, а не преступлениям должностных лиц. Вследствие этого она применима только к действиям, совершенным частным лицом. К чиновникам, совершившим преступления в официальном качестве, применяются нормы о должностных преступлениях, а не об общеуголовных преступлениях, к которым в настоящий момент относится статья 117. Этот факт со всей очевидностью подтверждается в Четвертом периодическом докладе РФ (п. 31), где приведены статистические данные по привлечению к ответственности за должностные преступления и отсутствует статистика по приговорам по статье 117.

Во-вторых, список целей, наличие которых делают плохое обращение пыткой, в примечании к статье 117 УК РФ более узкий, чем в статье 1 Конвенции против пыток. Конвенция в качестве таких целей называет: получение сведений или признаний от лица, подвергнувшегося пытке, или от третьего лица, наказание его или третьего лица либо запугивание его или третьего лица, а так же дискриминация. Определение статьи 117 УК РФ не относит к пыткам действия, применяемые с целью принудить к каким-либо действиям третье лицо. Более того, в примечании к статье 117 такая цель пыток как запугивание и дискриминация вообще не указаны.

Кроме того, что определение пыток, данное национальным уголовным правом, не соответствует в полной мере нормам Конвенции против пыток, следует отметить, что определения понятий жестокого и унижающего обращения в УК РФ, а также в иных национальных правовых актах, отсутствуют в принципе.

Отсутствие соответствующих Конвенции определений пытки и жестокого и унижающего обращения в уголовной праве, впрочем, не означает, что в России невозможно уголовное преследование должностных лиц, совершивших пытки. Такое преследование может осуществляться в соответствии со статьей 286 и 302 УК РФ.

Статья 302 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за принуждение к даче показаний, в том числе путем применения пыток. В целях статьи 302 УК РФ используется определение пытки, данное в примечании к статье 117 Кодекса.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. редакция статьи 302 УК РФ также была изменена. Статья 302 в предыдущей редакции по своему содержанию приближалась к определению пытки, которое дано в статье 1 Конвенции, однако, содержала в себе существенные ограничения. Во-первых, субъектом преступлений, предусмотренных статьей 302, могли быть только должностные лица, обладающие статусом следователя или дознавателя, тогда как на практике пытки, в том числе и с целью получения показаний, применялись и применяются оперативными сотрудниками правоохранительных органов. Кроме того, статья 302 устанавливала наказание за применение пытки к определенному лицу (подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, свидетелю, эксперту) и с определенной целью, а именно, с целью принуждения подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля к даче показаний или эксперта к даче заключения. Применение пыток и жестокого обращения к лицам, не обладающим процессуальным статусом с целью получения информации о преступлении или его следах, а также применение пыток с иными целями нежели указанными в диспозиции статьи 302, под действие указанной нормы не попадали.

Новая редакция статьи 302 расширяет круг субъектов, подлежащих ответственности по статье 302 за счет формулировки

«а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание».

В таком случае непонятно, кто подлежит ответственности за это преступление: непосредственный исполнитель пыток или следователь и дознаватель, с ведома или согласия которых производились пытки, или и тот, и другой. Во-вторых, остается неясным, каким образом надлежит квалифицировать:

- пытки, причиненные должностным лицом без ведома и согласия следователя или лица, производящего дознание;
- пытки, не связанные с получением показаний или экспертного заключения;
- пытки, применяемые должностными лицами вне контекста следствия или дознания по уголовному делу.

Практика работы органов следствия и судебных органов пока не дала ответы на эти вопросы, поскольку статья 302 УК РФ применяется крайне ограничено. Это, в частности, подтверждается содержанием статьи 4 Четвертого периодического доклада РФ, где не приводятся статистических данных о привлечении к уголовной ответственности по статье 302.

Принимая во внимание тот факт, что пытки и жестокое и унижающее обращение запрещены Конституцией РФ и рядом федеральных законов, должностные лица, совершающие эти деяния, могут быть привлечены к ответственности за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). На практике, именно статья 286 чаще всего применяется для уголовного преследования лиц, совершивших пытки.

Однако уголовно-правовая квалификация пыток и жестокого и унижающего обращения как превышения полномочий создает ряд трудностей с исполнением обязательств, вытекающих из норм Конвенции против пыток. Во-первых, общая формулировка статьи 286 не дает должностным лицам четкого и недвусмысленного указания о том, что пытки и жестокое обращение запрещены и уголовно наказуемы. Во-вторых, под действие статьи 286 УК РФ кроме пыток подпадают все прочие виды превышения должностных полномочий.

В результате компетентные государственные органы, обладая статистикой по применению статьи 286 «превышение должностных полномочий», не располагают численными данными о пытках и жестоком и унижающем обращении. Это лишает органы власти возможности дать адекватную оценку степени распространенности пыток и спланировать действенные меры профилактики этих нарушений. В частности, в Четвертом периодическом докладе (п. 34) приводятся данные судебной статистики о привлечении к ответственности за превышение должностных полномочий по части 3 статьи 286 УК РФ (превышение должностных полномочий с применением насилия, оружия или спецсредств, с причинением тяжких последствий). Однако в периодическом государственном докладе не указано, по скольким из указанных дел ответственность наступила именно за пытки.

Как отмечено выше, статья 286 УК РФ, которую обычно применяют для наказания лиц, совершивших пытки, так же применяется в отношении чиновников, превысивших должностные полномочия в других формах. Это, в частности, создает ситуацию, когда в глазах правоприменителей и судей пытки по степени опасности для общества и государства приравниваются к прочим видам превышения должностных полномочий, в том числе, не связанных с насилием. На практике это приводит к тому, что за пытки и жестокое и унижающее обращение суды нередко назначают виновным наказания такие же как и за иные виды должностных преступлений, а иногда и более мягкие.

Например, 12 февраля 2004 г. Лефортовский суд г. Москвы приговорил к семи годам лишения свободы сотрудника паспортного стола ОВД «Нижегородский» Игоря Алямкина. И. Алямкин незаконно оформил регистрацию Луизе Бакуевой, которая в последствии приняла участие в захвате театрального центра на Дубровке осенью 2002 года. Суд признал И. Алямкина виновным в использовании служебных полномочий вопреки интересам службы, из личной заинтересованности (ч. 1 ст. 285 УК РФ), в получении взятки и совершении мошенничества (ст. 290 и 159 УК РФ), а также в превышении должностных полномочий, повлекших тяжкие последствия (ч. 1 ст. 286 УК РФ). Суд назначил Алямкину наказание в виде 7 лет лишения свободы.

В тот же день 12 февраля 2004 г. Верховный Суд РФ утвердил приговор Свердловского областного суда, по которому два сотрудника милиции - Андрей Середа и Андрей Лысов - получили наказание в 2 и 3 года лишения свободы за соучастие в пытках задержанного Эдуарда Смольянинова, который в результате пыток скончался. 5 апреля 2004 г. третий соучастник пыток и убийства задержанного - Александр Першин - был приговорен к 6 годам лишения свободы.

Эти приговоры показывают, что российские судебные органы могут назначить за ненасильственные должностные преступления более суровые наказания, чем за пытки. С точки зрения составителей доклада это возможно потому, что законодатель не провел четкой грани между пытками и другими видами должностных преступлений.

В Четвертом периодическом докладе РФ (п. 35) указано, что в абсолютном большинстве случаев суды назначают виновным в превышении должностных полномочий дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности. К сожалению, ни в этом разделе, ни в других частях государственного доклада не уточняется, какие основные наказания по этим делам назначали суды. НПО, так же как и государственные органы, не располагают полными данными о наказаниях, назначаемых виновным в пытках и жестоком и унижающем обращении. Вместе с тем, анализ информации о наказаниях, назначаемых судами по конкретным, ставшим известными НПО делам о пытках, до какой-то степени может восполнить нехватку информации в соответствующем разделе Четвертого периодического доклада РФ.

Так, по сведениям Правозащитного Центра г. Казани в 2004-2005 гг. суды Казани вынесли 6 приговоров по делам о применении пыток или жестокого и унижающего обращения. Только в 2 из этих 6 случаев суд назначил виновным должностным лицам наказание в виде реального лишения свободы. В остальных случаях виновным было назначено условное наказание с лишением права занимать должности в правоохранительных органах.

Читинский правозащитный центр сообщил, что в 2004-2005 гг. в Читинской области суды вынесли 4 приговора за пытки и жестокое обращение, причем в 3 случаях суды назначили виновным условное наказание, и только в одном случае - наказание в виде лишения свободы.

Работающая в Краснодарском крае организация «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных» сообщила, что в период с 2001 г. по 2005 г. судами Краснодарского края за пытки и жестокое обращение (в том числе повлекшее смерть жертв) были осуждены 7 сотрудников правоохранительных органов. Из этих 7 человек только двое были приговорены к лишению свободы с отбыванием наказания. Остальные получили условное наказание.

По данным Пермского регионального правозащитного центра, в 2/3 случаях суды назначают виновным в пытках условное наказание.

Само по себе назначение условного наказания за пытки и жестокое обращение можно было бы считать приемлемым, если бы аналогичные наказания назначались бы за ненасильственные должностные преступления и за общеуголовные преступления. Между тем, уголовная политика в стране достаточно жесткая, что, в частности, подтверждается большим числом заключенных. Так, по данным Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) в пенитенциарных учреждениях страны на начало июля 2005 г. содержалось 797,4 тысяч человек, т.е. 570 заключенных на 100 тысяч населения. В такой ситуации условные наказания за пытки и жестокое обращение воспринимаются как излишне мягкие, не соответствующие уровню опасности этого преступления.

Статья 10²⁹

1. Каждое Государство-участник обеспечивает, чтобы учебные материалы и информация относительно запрещения пыток в полной мере включались в программы подготовки персонала правоприменительных органов, гражданского или военного, медицинского персонала, государственных должностных лиц и других лиц, которые могут иметь отношение к содержанию под стражей и допросам лиц, подвергнутых любой форме ареста, задержания или тюремного заключения, или обращению с ними.
2. Каждое Государство-участник включает это запрещение в правила или инструкции, касающиеся обязанностей и функций любых таких лиц.

Поскольку Четвертый периодический доклад Российской Федерации содержит лишь очень общие сведения о программах обучения сотрудников правоохранительных органов. В связи с этим считаем необходимым представить дополнительную информацию по этому вопросу.

Обучение сотрудников правоохранительных органов на территории Российской Федерации осуществляется в следующих формах:

- Специальное высшее образование: ВУЗы, которые готовят кадровых офицеров МВД, прокуратуры, УФСИН.

В таких учебных заведениях существует учебная дисциплина – «Права человека». Данная дисциплина преподается академически, и в основном посвящена международным договорам, ратифицированным РФ. Методика преподавания в основном сводится к проведению лекций и принятию либо зачета, либо экзамена.

- Общие высшие учебные заведения. В данных учебных заведениях на юридических факультетах, наряду с прочими, обучаются потенциальные сотрудники правоохранительных органов.

В программы этих учебных заведений так же включается дисциплина – «Права человека». Как правило, методика преподавания, количество часов, отводимых на изучение предмета, преподаватели практически не отличается от преподавания прав человека в специальных ВУЗах. Вместе с тем, ряд высших учебных заведений разрабатывает и внедряет дополнительные учебные курсы, затрагивающие тему прав и свобод человека.

- учебные центры правоохранительных органов.

В учебных центрах, основным составом являются стажеры правоохранительных органов, а также сотрудники правоохранительных органов, направленные для повышения квалификации или переподготовки. С 2006 года в учебных центрах УФСИН РФ приказом по всей системе введена дисциплина «Права человека». В качестве преподавателей обычно выступают лекторы из университетов, того субъекта РФ, на территории которого находится учебный центр. В учебных центрах МВД РФ дисциплины «Права человека» не преподаются вообще. В нескольких региональных учебных центрах МВД ведется преподавание прав человека в виде разовых лекций, которые проводятся силами правозащитных организаций. В частности, такая работа ведется в учебных центрах Пермского края и Республики Марий Эл.

- Обучение, проводимое межгосударственными и правозащитными организациями в рамках реализации проектов направленных на правовое просвещение сотрудников правоохранительных органов.

Следует отметить в качестве положительной тенденции развитие сотрудничества правоохранительных органов с международными межгосударственными структурами и с международными и национальными правозащитными структурами, в области обучения персонала правоохранительных органов правам человека.

²⁹ Данный раздел подготовлен Региональной общественной организацией «Человек и Закон».

Департамент Совета Европы «Полиция и права человека» организует обучающие семинары на территории Российской Федерации в специальных высших учебных заведениях на юге России в рамках программы «Полиция и межэтнические отношения». Программа на территории РФ действует с 2003 года.

В течение нескольких лет в России проводится еще одна программа – «Климат доверия», реализуемая неправительственной организацией Совет Залива (Bay Area Council) совместно с полицией Сан-Франциско. Программа осуществляется путем обмена опытом работников судебной и правоохранительной сферы Калифорнии со своими коллегами и представителями государственных и некоммерческих организаций в СНГ (преимущественно в России). Эта программа, в частности, предусматривает изучение практического опыта работы полиции с этническими меньшинствами, а также практики гражданского контроля за деятельностью полиции. Сотрудники МВД прошедшие стажировку в рамках этой программы, организуют семинары у себя в отделах по работе с этническими меньшинствами и гражданскому контролю.

В 2003-2004 годах Йошкар-Олинская городская общественная организация «Человек и Закон» создала и апробировала учебный курс по правам человека для сотрудников пенитенциарной системы, работающих с несовершеннолетними. Курс нацелен на предупреждение нарушений ст. 3 Европейской Конвенции в отношении несовершеннолетних. Сотрудники пенитенциарной системы и воспитанники колонии были снабжены литературой по правам человека

В 2005-2006 годах были реализованы другие проекты, связанные с привлечением специалистов правозащитных организаций. В частности, региональная общественная организация «Человек и Закон» осуществляет проект «Предотвращение случаев жестокого обращения в органах внутренних дел, через правовое просвещение сотрудников правоохранительных органов», в рамках которого проводится правовое и психологическое просвещение сотрудников правоохранительных органов Республики Марий Эл, Республики Татарстан и Нижегородской области.

Общественная организация «Центр гражданского образования и прав человека» реализует проект «Продвижение преподавания прав человека в учебных центрах милиции». Проект нацелен на создание условий для восприятия опыта обучения правам человека в учебных центрах милиции Приволжского федерального округа. В рамках проекта разрабатывается и проводится цикл занятий по правам человека для начальников (замначальников) учебных центров УВД Приволжского федерального округа.

Международная Амнистия (российское представительство) в специализированных учебных заведениях для сотрудников милиции в Воронеже и Самаре проводят семинары по правовому просвещению в области защиты прав и свобод человека.

Статья 11³⁰

Каждое Государство-участник систематически рассматривает правила, инструкции, методы и практику, касающиеся допроса, а также условия содержания под стражей и обращения с лицами, подвергнутыми любой форме ареста, задержания или тюремного заключения на любой территории, находящейся под его юрисдикцией, с тем, чтобы не допускать каких-либо случаев пыток.

Статьи 1, 2, 6 и 11 Четвертого периодического доклада РФ описывают изменения законодательной базы, касающейся процедуры ареста и содержания под стражей, прав заключенных, а также прав подозреваемых и обвиняемых. Упомянутые выше изменения содержат гарантии предотвращения пыток и антигуманного обращения с этими категориями лиц.

Однако принятие новых законодательных норм не оказало существенного практического влияния на положение подозреваемых, обвиняемых и задержанных. Несмотря на то, что новые законы были приняты, компетентные органы не способствовали введению институциональных изменений, необходимых для исполнения данных законов, а также не предоставили необходимые материальные ресурсы судьям и органам обеспечения правопорядка. В результате практика задержания, ареста и удерживания под стражей, а также практика обращения с задержанными, существенных изменений не претерпела. Кроме того, некоторые положения, касающиеся работы правоохранительных органов, не были изменены или скорректированы для того, чтобы привести их деятельность в соответствие с провозглашенными целями защиты прав человека.

В результате подозреваемые, обвиняемые и задержанные все еще страдают от различных нарушений прав человека, включая плохое обращение и даже пытки.

Непропорциональное и необоснованное использование силы и огнестрельного оружия при задержании, подавлении незаконных действий и поддержании общественного порядка

Статьи 12-15 Закона № 1026 «О милиции» регулируют порядок применения физической силы и огнестрельного оружия. Несмотря на то, что этими положениями предусматривается детальный список ситуаций, при которых сотрудники милиции могут пользоваться указанными методами и средствами, статьи недостаточно подробно формулируют принципы пропорциональности использования силы, специальных средств и огнестрельного оружия. В своем специальном докладе «О выполнении Россией обязательств, принятых при вступлении в Совет Европы» Уполномоченный по правам человека в России подверг критике неопределенность этих положений³¹. Эта ситуация осложняется еще и тем, что программы обучения сотрудников правоохранительных органов не уделяют должного внимания выработке личностного неприятия методов, унижающих человеческое достоинство, жестокого обращения и пыток. Нехватка навыков, позволяющих успешно решить профессиональную задачу, не прибегая к насилию,

³⁰ Данный раздел доклада подготовлен Исследовательским Центром «Демос». При написании раздела использовалась информация, полученная из СМИ и от НПО: Фонд «Общественный вердикт», Московская Хельсинкская группа, Всероссийское движение «За права человека», Фонд «Социальное партнерство», Нижегородский Комитет против пыток, Пермский региональный правозащитный центр, Правозащитный Центр города Казани, Йошкар-Олинская организация «Человек и Закон», Тверское региональное отделение Российского общества «Мемориал» и других.

³¹ Текст доклада на русском языке доступен на официальном сайте Уполномоченного по правам человека в РФ: <http://ombudsman.gov.ru/doc/spdoc/0102.shtml>

провоцирует сотрудников бороться с преступлениями и правонарушениями, используя методы, запрещенные Конвенцией против пыток.

В результате, сотрудники правоохранительных органов могут использовать чрезмерную силу для того, чтобы предотвратить даже незначительные нарушения общественного порядка.

Например, 24 мая 2003 г. в г. Краснокамске (Пермская область) милиционер Гусев, на глазах многочисленных прохожих, жестоко избил несовершеннолетнего гражданина Тужилкина. Поводом послужило то, что Тужилкин управлял мотоциклом без водительских прав. Подросток получил серьезные телесные повреждения. В это время милиционер Сажин заставил пассажиров мотоцикла, несовершеннолетних Агафонова и Болотова, лечь на землю и не разрешал им встать.

Милиционер Фатыхов из отделения милиции Алексеевского района (Республика Татарстан) был признан виновным в превышении должностных полномочий, заключающемся в неоправданном использовании оружия 4 октября 2003 г. при преследовании двух несовершеннолетних. Подростки (Шамсутдинов, находящийся за рулем мотоцикла, и Харитдинов) получили огнестрельные ранения в грудь и в живот соответственно.

Задержание подозреваемых в преступлениях может сопровождаться применением физической силы даже в тех случаях, когда задерживаемый не оказывает сопротивления и не пытается скрыться.

Так, 14 ноября 2004 г. в г. Бежецке (Тверская область) подразделения милиции проводили операцию по задержанию лиц, подозреваемых в установке контроля на местных рынках и препятствии развития свободной торговли. По словам многочисленных свидетелей, милиционеры в масках и с оружием внезапно ворвались на территорию рынка и окружили группу людей, стоящих возле магазина мебели. Среди них были не только подозреваемые, но и посетители рынка. Несмотря на это, милиционеры без предупреждения ударами повалили всех на землю, хотя никто не пытался оказывать сопротивление или скрываться. Милиционеры заставили людей лежать на снегу около часа, а затем отвезли их в отделение милиции.

В некоторых случаях сотрудники правоохранительных органов применяют физическую силу даже в отношении детей и пожилых людей, то есть тех, кто в силу естественных причин не в состоянии оказывать серьезное сопротивление или представлять угрозу жизни или здоровью сотрудников правоохранительных органов.

13 апреля 2006 г. в г. Москве милиционеры приехали в многоквартирный дом по сигналу об ограблении. В подъезде здания милиционеры увидели двенадцатилетнего мальчика, выходящего из лифта. По словам мальчика и свидетелей, милиционеры спросили его, что он делает в подъезде. Мальчик ответил, что он живет в этом доме. Милиционеры не поверили, схватили ребенка, избили его, надели на него наручники и отвезли в отделение милиции. Согласно медицинским документам, ребенок получил сотрясение мозга и другие телесные повреждения. Милиционеры затем объяснили родителям мальчика, что пытались защититься от нападения.

Правозащитные организации в России особенно обеспокоены случаями применения массового насилия, имевшими место в 2004 г. и 2005 году.

За период с 10 по 14 декабря 2004 г. подразделение ОМОНа МВД Республики Башкортостан совместно с милицией г. Благовещенска осуществили «проведение комплекса оперативно-профилактических мероприятий по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений на улицах и в

общественных местах на территории г. Благовещенска и Благовещенского района»³². Эта крупномасштабная операция была выполнена в районе с населением в 50 тысяч человек. По сообщениям правозащитных организаций, проводящих независимое расследование событий, во время операции подразделения милиции задержали и удерживали под стражей около тысячи человек. Во время задержания и содержания под стражей сотрудники правоохранительных органов использовали силу и специальные средства на протяжении всего времени, хотя в большинстве случаев задержанные жители не оказывали сопротивления. Около 200 человек было избито на улицах, но не задержано. Действия сотрудников милиции по применению насилия и спецсредств были в большинстве своем ничем не мотивированы.³³

В 2005 г. подразделения милиции в других регионах Российской Федерации провели похожие профилактические операции меньших масштабов.

Так, 5 февраля 2005 г. силами милиции была осуществлена «профилактическая операция» в деревне Рождествено (Тверская область). В ходе операции милиция необоснованно применяла физическую силу. Были избиты несовершеннолетние и женщины. В результате операции более 20 человек пострадало от различных форм нарушения прав человека.

11 июня 2005 г. силами милиции была осуществлена «профилактическая операция» в селе Ивановское (Ставропольский край). В ходе операции милиционеры с применением физической силы и без каких-либо причин задержали нескольких жителей села, включая несовершеннолетних. Задержанных доставили в местное отделение милиции и отпустили через несколько часов.

Необходимо отметить, что все упомянутые выше операции были проведены в отсутствие каких-либо видимых причин. В перечисленных населенных пунктах не было зарегистрировано никаких случаев массовых беспорядков или чрезвычайных ситуаций, требующих проведения спецопераций в дополнение к повседневной деятельности правоохранительных органов. В перечисленных ситуациях необоснованное и неизбирательное использование силы сотрудниками правоохранительных органов способствовало возникновению страха и недоверия по отношению к милиции со стороны местных жителей.

Компетентные власти России должны обращать больше внимания на планирование операций, осуществляемых милицией. Особенно это касается тех операций, при осуществлении которых может понадобиться применение физической силы или оружия. Принципы пропорциональности использования силы должны быть четко объяснены сотрудникам правоохранительных органов.

Права задержанных

УПК РФ и поправки к другим законам, принятые в отчетный период, установили различные гарантии для задержанных по подозрению в совершении преступлений. К сожалению, на практике задержанные не всегда могут воспользоваться этими гарантиями. Ежедневная работа правоохранительных органов не была реорганизована таким образом, чтобы обеспечить выполнение новых законодательных стандартов.

Тот факт, что российская милиция находится в глубоком кризисе, был отмечен даже президентом России. Существующая система оценки действий милиции не учитывает уровень соблюдения прав человека, а требует от местных отделений милиции и отдельных сотрудников демонстрации высоких показателей раскрываемости преступлений. В то же самое время,

³² Приказ Министра внутренних дел Республики Башкортостан от 9 декабря 2004 г. / Новая газета. 6 февраля 2005 г.

³³ Подробнее, см.: <http://www.mhg.ru/files/knigi/bashkor.doc>

профессиональный уровень сотрудников милиции очень низок, районные отделения милиции испытывают дефицит основных ресурсов, необходимых им для выполнения своих обязанностей.³⁴

В 2004-2005 гг. Центр «Демос», совместно с партнерскими НПО в 10 регионах Российской Федерации, провел серию интервью с сотрудниками милиции, прокурорами и судьями. Анализ полученных ответов позволяет понять, как и по каким причинам сотрудники милиции нарушают права задержанных.

Фальсификация причин задержания

Различные проблемы, препятствующие нормальной работе милиции, ведут к тому, что сотрудники милиции видят в подозреваемом основной источник информации о преступлении. Именно от него пытаются получить сведения о сообщниках, обстоятельствах совершения преступления (и соответственно, о следах, которые можно было бы закрепить в качестве доказательств), о месте нахождения орудий преступления или имущества, полученного преступным путем. Как пояснил респондент – бывший оперативный сотрудник: «Надо из человека получить информацию, проверить ее, найти улики»³⁵.

Такая информация существенно облегчает сотрудникам милиции процесс работы по раскрытию и расследованию конкретных преступлений: отпадает необходимость отрабатывать несколько версий происшедшего, вместо поиска доказательств нужно совершить только процедуры по их закреплению и т.п. Получение информации непосредственно от подозреваемого позволяет экономить время, человеческие и материальные ресурсы, что чрезвычайно важно для перегруженных делами и не имеющих необходимых материальных ресурсов милиционеров.

Для того чтобы облегчить процесс получения информации от заподозренного в совершении преступления, сотрудники милиции предпочитают изолировать его от общества. Вместе с тем, задержание предполагаемого преступника в качестве подозреваемого предполагает, что в течение 48 часов будут подготовлены и представлены в суд данные, обосновывающие необходимость ареста. Тут у сотрудников милиции возникают сразу несколько проблем. Во-первых, до задержания сотрудники милиции таких данных часто не имеют, они планируют их получить от самого задержанного. Во-вторых, если человека задержали как подозреваемого, а потом при дальнейшем разбирательстве было установлено, что он к преступлению непричастен, сотрудников милиции могут наказать: «На отдел вешать лишний неправомерный арест ни к чему. Неправомерный арест по уголовному делу – это лишний пинок от начальства»³⁶. В-третьих, из-за перегруженности и нехватки технического персонала милиционеры не справляются с оформлением материалов, необходимых для административного ареста, в течение установленных законом 48 часов: «Освидетельствование, тех же свидетелей допросить. Их еще найти нужно, еще привести надо, и оформить надо, письменно оформить. Это все занимает время... 48 часов не хватает... Задержанного нельзя допрашивать с 11 до 6. Он (задержанный – *ред.*) должен отдыхать, спать... Нужно полностью материал приготовить и размножить, вынести на рассмотрение прокурору и предоставить в суд... Человек, проводящий следствие и дознание, с трудом вписывается во временные ограничения»³⁷.

Для обеспечения возможности «поработать» с заподозренным в преступлении и при этом избежать проблем с оформлением бумаг и возможной ответственности за необоснованное задержание, сотрудники милиции оформляют задержанного не как подозреваемого в совершении уголовного преступления, а как административного нарушителя или как лицо без определенного места жительства. «Чтобы проверить подозрение в уголовном преступлении, его задерживают в административном порядке. Проверяют личность, собирают материал, и если он (материал – *ред.*)

³⁴ Более подробно о проблемах российской милиции и влиянии этих проблем на ситуацию с правами человека можно ознакомиться на Интернет-странице Центра «Демос» <http://www.demos-center.ru/projects/649C353/71CCE4A/71CCED9>, на которой опубликованы материалы исследовательского проекта «Произвол правоохранительных органов: практики и причины».

³⁵ Из интервью с осужденным сотрудником милиции, Тверская область.

³⁶ Из интервью с осужденным сотрудником милиции, Тверская область. Декабрь 2004 г.

³⁷ Из интервью с бывшим сотрудником милиции, Республика Адыгея. Декабрь 2004 г.

указывает на задержанного, тогда он (задержанный – *ред.*) идет по другой категории»³⁸. Если была установлена непричастность задержанного к преступлению, то «обходятся по административке»³⁹.

Исходя из данных опроса сотрудников милиции, прокуроров и судей применять административный арест для раскрытия уголовного дела могут не только к подозреваемым, но и к свидетелям: «Было, задерживали по уголовным делам, как административных. Причем не только обвиняемых. Делалось это с целью обеспечения явки в ходе следствия и на суде. Было у меня дело, где обвиняемый – БОМЖ, и три свидетеля, его друзья – тоже БОМЖы. Если бы я их отпустил, то не было бы свидетелей на суде»⁴⁰. Для наложения на подозреваемого административного ареста сотрудники либо провоцируют его на грубость (т.е. на хулиганство или неповиновение), либо просто составляют не соответствующие действительности рапорты о совершении административного нарушения.

В качестве примера можно привести случай, отмеченный Коми региональной Комиссией по защите прав человека «Мемориал» в республике Коми в мае 2003 года:

Ц-к подозревалась в убийстве отца. Милиционеры задержали ее и определили в приемник-распределитель, мотивируя это необходимостью установить личность женщины. Ц-к провела там 7 дней, хотя совершенно ясно, что времени для определения ее личности нужно было гораздо меньше, так как ее задержали в доме ее матери. Пока она находилась в заключении, милиционеры вели с Ц-к «беседы», пытаясь заставить ее признать себя виновной в убийстве отца.

Противозаконное использование административных наказаний для удержания подозреваемых под стражей становится возможным из-за того, что судебные инстанции, выносящие решения по административным делам, не изучают дела должным образом и не проверяют достоверность административных материалов, предоставленных милицией. Эти факты были отмечены Европейским Судом по правам человека в двух решениях по делам о пытках: «Михеев против России»⁴¹ и «Менешева против России»⁴².

Кроме того, милиционеры могут использовать и другие методы, чтобы лишить предполагаемого подозреваемого свободы. Например, они могут вызвать подозреваемого в качестве свидетеля и продержать его столько, сколько нужно для получения необходимой информации. Эту практику можно проиллюстрировать примером, зарегистрированным Пермским региональным правозащитным центром в г. Перми в январе 2004 года.

Отец несовершеннолетнего Б. работал у частного предпринимателя, разбирая дома, предназначавшиеся под снос. Инструменты, принадлежащие частному предпринимателю (в том числе бензопилы), хранились в сарае возле дома, где Б. проживал. В обязанности Б. входило складирование бензопил в сарай по окончании рабочего дня. Однажды пилы из сарая исчезли. Милиционеры заподозрили Б. в краже, т.к. он уже ранее привлекался к уголовной ответственности. В качестве свидетеля Б. был вызван в отделение милиции. Так как повестка, направленная домой к Б., гласила, что его вызывают только как свидетеля, родители разрешили ему идти одному. Милиционеры продержали Б. в отделении в течение шести часов, избивали его и требовали, чтобы он показал место, где он прячет бензопилы.

Из интервью с адвокатами стали известны случаи, схожие с делом Б.: «Задерживают моего клиента. Оперативники утром рано приехали, - проедемте с нами. Проехал. Сутки не могли найти.

³⁸ Из интервью с участковым уполномоченным, Тверская область. Декабрь 2004 г.

³⁹ Из интервью с участковым уполномоченным, Алтайский край. Декабрь 2004 г.

⁴⁰ Из интервью с судьей, Республика Татарстан. Декабрь 2004 г.

⁴¹ Полный текст см.:

<http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=4&portal=hbkm&action=html&highlight=RUSSIA&sessionid=6732051&skin=hudoc-en>

⁴² Полный текст см.:

<http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=2&portal=hbkm&action=html&highlight=RUSSIA&sessionid=6732051&skin=hudoc-en>

Потом с большим трудом выяснили, что он в N-ском РУВД, его никто не отпускает, он свидетель по делу»⁴³.

В некоторых случаях заподозренному в совершении преступления человеку не присваивают даже статуса свидетеля, а удерживают в отделении милиции под предлогом проведения «бесед» и «оперативных мероприятий». Такие «беседы» не определены законом, хотя здравый смысл позволяет предположить, что они должны быть добровольными. В действительности же привлеченный к такой беседе гражданин фактически оказывается лишенным свободы и не может прервать беседу по своему усмотрению.

В качестве примера можно привести случай, имевший место в феврале 2003 г. в Республике Татарстан:

Несовершеннолетние Н-в и П-в подозревались в краже. Их вызвали в отделение милиции для «беседы». Подростки явились в отделение в сопровождении матерей, которые хотели подождать окончания разговора. Однако милиционеры не позволили женщинам остаться в отделении. Подростков продержали в отделении весь день и всю ночь. Их избili. На протяжении всего времени милиционеры требовали, чтобы подростки сознались в краже магнитофона из автомобиля.

Ограничение контактов с родственниками и адвокатами

Адвокат из Республики Коми рассказал о том, что в регионе распространена практика фактического задержания под предлогом «беседы»: «Обширнейшая практика всех адвокатов. Приезжают оперуполномоченные вечером на работу, домой, куда угодно, и увозят человека для беседы. Родственники звонят: “Уважаемый адвокат ... помогите”. Мы приезжаем, а оперативники говорят: “Извините, у нас просто беседа”. Мы с адвокатами думали, как с этим бороться. Одни (адвокаты – ред.) по каждому случаю информируют прокуратуру города. Если дело было вечером, то реально проинформировать прокуратуру можно только на следующий день, а на следующий день уже все исчерпано (поздно). А с человеком два-три часа “беседовали” в милиции. О чем беседовал, как беседовали? В таких ситуациях, адвокаты пытаются настаивать, а милиция просит выйти из кабинета, ссылаясь на то, что у них просто беседа. Мы уже дошли до того, что громко спрашиваем клиента, согласен ли он оставаться на беседу. Клиент говорит – нет. Тогда мы говорим – уважаемые оперативники, вы против воли, незаконно лишаете человека свободы, это уголовная статья, мы будем требовать возбудить дело. Оперативники – идите, потом разберемся»⁴⁴.

Из рассказа адвоката видно, что смысл задержания под предлогом ведения бесед для милиционеров состоит не только в том, чтобы избежать возни с оформлением задержания и возможной ответственности за необоснованное задержание в качестве подозреваемого. Подмена официального задержания и допроса «беседами» позволяет сотрудникам милиции ограничить или исключить контакты заподозренного в преступлении человека с адвокатом и родственниками, что облегчает получение информации о преступлении.

Согласно проведенным опросам, сотрудники правоохранительных органов считают, что родственники и адвокаты задержанных только препятствуют конструктивной работе с последними. По это причине сотрудники правоохранительных органов могут не сообщать родителям несовершеннолетних задержанных о факте задержания: «Если ребенок задержан по подозрению в преступлении его или его дружков, то он может отказаться от всего, чувствуя поддержку родителей»⁴⁵. Аналогичным образом сотрудники милиции относятся и к присутствию адвоката: «Мне кажется, что адвокаты – это такие люди, которые только будут мешать»⁴⁶. Однако когда человек уже получил статус подозреваемого и обвиняемого, присутствие адвоката на допросе становится обязательным. Сотрудники милиции выходят из этого положения, проводя вместо допроса все те же неофициальные «беседы», при проведении которых закон не обязывает сотрудников милиции обеспечивать присутствие адвоката. Как сообщил один из участников

⁴³ Из интервью с адвокатом, Красноярский край. Декабрь 2004 г.

⁴⁴ Из интервью с адвокатом. Республика Коми. Декабрь 2004 г.

⁴⁵ Из интервью с участковым уполномоченным. Республика Коми. Декабрь 2004 г.

⁴⁶ Из интервью с участковым уполномоченным. Республика Адыгея. Декабрь 2004 г.

опроса, если задержанный настаивает на присутствии адвоката, «тогда происходит оперативная беседа, и ему уже не нужен адвокат будет»⁴⁷.

Следственные органы стараются ограничить доступ адвокатов к задержанным не только в первые часы или дни после задержания. Практикующие адвокаты говорят о существовании различных методов противодействия работе защитника. Например, перевод задержанного из одного изолятора в другой, назначение следственных действий в то время, когда адвокат находится в суде по другому делу, отказ в свидании с клиентом, отказ в предоставлении материалов дела и т.д. Уголовный процесс по делу Г., Т., Н.А. и Х.А., зарегистрированный и изученный Тверским отделением общества «Мемориал», служит ярким примером нарушений такого рода:

Т. и Х.А. договорились о встрече с кредитором и провели переговоры об отсрочке платежа по долгу. Кредитор обратился в милицию с жалобой на вымогательство. Т. и Х.А. были предъявлены обвинения в вымогательстве и краже. Одновременно обвинения в вымогательстве были предъявлены Н.А., сопровождавшему Т. и Х.А. к месту переговоров с кредитором, но не принимавшему участия в разговоре, а также Г., который в момент проведения переговоров с кредитором находился в другом городе. Все четверо обвиняемых были задержаны и помещены под стражу. От всех четверых были получены признания. Возможно, для того чтобы получить признания, сотрудники милиции применили силу. Во всяком случае, данные медицинских осмотров свидетельствуют, что во время пребывания под стражей задержанные получили телесные повреждения. Адвокат Х.А. лично вручил следователю ордер и удостоверение адвоката, после чего подал прошение о назначении свидания с клиентом, а также о рассмотрении материалов дела. Но следователь провел допрос в тот же день без участия адвоката, несмотря на то, что во время допроса адвокат находился в том же здании. Затем следователь потребовал, чтобы задержанного перевели в изолятор временного содержания, находящийся в соседнем городе, при этом сообщил адвокатам, что их подопечных содержат в СИЗО в региональном центре. Адвокатам удалось встретиться с задержанными и ознакомиться с материалами дела лишь на десятый день содержания их клиентов под стражей после того, как адвокатами была подана жалоба в прокуратуру. Изучая протоколы следственных действий, в которых фигурировал Т., адвокаты выяснили, что подпись Т. на некоторых документах была подделана с помощью копирования.

Необходимо отметить, что слишком высокая, по представлениям значительной части населения, стоимость квалифицированных юридических услуг сокращает возможности доступа к адвокатской помощи для большинства задержанных. В соответствии с действующим законодательством, государство обязано назначать бесплатную юридическую помощь тем, кто в этом нуждается, однако, система предоставления государством юридических услуг в настоящий момент неспособна обеспечить всех нуждающихся в правовой квалифицированной помощи. Инициатива Права общественных интересов совместно с Центром содействия правосудию Фонда ИНДЕМ в 2004 г. провели исследование системы предоставления бесплатной юридической помощи в России и перечислили ключевые проблемы в организации и текущем состоянии государственной адвокатской поддержки, которые негативно влияют на качество услуг защитников по назначению.⁴⁸

Представители Всероссийского движения «За права человека» считают, что в рамках текущей системы бесплатной юридической помощи государственные адвокаты крайне зависимы от следственных органов, поскольку без документов, представляемых последними, финансовые органы не выплачивают государственным защитникам гонорар. Представители движения высказывают мнение, что в отсутствие тщательного надзора за качеством государственной юридической помощи со стороны адвокатского сообщества назначаемые государством защитники выполняют свою задачу лишь номинально и не сопротивляются попыткам следственных органов ограничить права задержанных.

⁴⁷ Из интервью с бывшим сотрудником милиции, Республика Адыгея. Декабрь 2004 г.

⁴⁸ Отчет о результатах исследования (на английском языке) находится по адресу <http://www.pili.org/resources/access/Documents/A2J%20Russian%20Report%20Summary%20-%20English.doc>

Представители всероссийского движения «За права человека» заявляют, что, так как работа с зависимым государственным защитником представляется наиболее удобной для следственных органов, последние нередко практикуют давление на подозреваемых или обвиняемых с целью заставить их отказаться от нанятого семьей адвоката в пользу государственного, при этом кандидатура защитника предлагается следователем.

Некоторые органы охраны правопорядка незаконным образом вмешиваются в деятельность независимых адвокатов. Комиссия по защите профессиональных и социальных прав адвокатов при Федеральной палате адвокатов России сообщает, что подобное вмешательство может включать в себя подкуп адвокатов с целью передачи информации в правоохранительные органы, проведение обысков в адвокатских конторах, а также личных досмотров адвокатов после встречи с заключенными, прослушивание телефонных переговоров.

Так, 23 марта 2005 г. начальник отдела уголовного розыска Волгореченского ОВД осуществил личный досмотр и проверку документов и других личных вещей адвоката Румянцевой. Это произошло непосредственно после того, как Румянцева провела консультацию с клиентом – заключенным, находящимся в ИВС.

11 февраля 2005 г. начальник следственного отдела управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотических средств Республики Башкортостан попытался убедить адвоката Латыпова, который пришел в отдел для оказания юридической помощи задержанной Гумеровой, оказать «содействие» следствию. После того, как адвокат ответил отказом, его продержали в здании отдела еще около 4 часов.

Такие практики, как вмешательство в деятельность адвоката, отказ адвокату в свидании с клиентом, а также попытки повлиять на выбор заключенным защитника увеличивают опасность жестокого обращения с заключенными и должны быть устранены.

Процедура ареста

Новый УПК РФ не только переводит арест как «меру пресечения» в ведение судебных органов, но и прописывает ряд ограничений, связанных с использованием этой меры. Так, в соответствии со статьей 97 Кодекса

«избрание меры пресечения должно осуществляться при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый: 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда; 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью; 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу».

В соответствии со статьей 100 УПК РФ, мера пресечения может быть избрана только в исключительных случаях. В соответствии с частью 1 статьи 108 УПК РФ

«заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. В постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение».

10 октября 2003 г. Пленумом Верховного суда Российской Федерации было принято постановление № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». В соответствии со статьей 14 этого постановления, Верховный суд определяет, что наличие

обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, не может оставаться единственным основанием для заключения под стражу, и поясняет судам, что заключение под стражу должно иметь и иные основания, которые требуют изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества.

Новый УПК РФ прописывает ряд альтернативных мер пресечения, которые могут быть применены к подозреваемым или обвиняемым. Помимо удержания под стражей, эти меры включают в себя: подписку о невыезде, личные гарантии, залог или домашний арест.

Несмотря на это, меры пресечения, альтернативные аресту, применяются редко. В особенности, это касается освобождения под залог, так как сумма залога является слишком высокой для большинства граждан России. Домашний арест используется редко, т.к. сотрудники правоохранительных органов не могут следить за исполнением этой меры пресечения. Следовательно, освобождение подозреваемого/обвиняемого под подписку о невыезде остается наиболее распространенной альтернативой удержанию под стражей.

Выбирая между арестом и подпиской о невыезде, судьи часто и не всегда обоснованно предпочитают помещать подозреваемых и обвиняемых под стражу до суда. Практикующие адвокаты и юристы-правозащитники отмечают, что арест назначается не только особо опасным преступникам, но и лицам, совершившим преступления впервые, и лицам, совершившим ненасильственные преступления. При этом судьи в решениях о помещении подозреваемого или обвиняемого под стражу часто не указывают ни одного из установленных законом оснований необходимости применения меры пресечения, ссылаясь только на тяжесть предъявленного обвинения. В качестве примера такого формального подхода можно привести дело Залетина:

Залетин был задержан по обвинению в ненасильственном вымогательстве взятки. Основная часть следственных действий была проведена в тот же самый день, когда Залетину было предъявлено обвинение. Залетин ранее к уголовной ответственности не привлекался, и имел серьезные проблемы со здоровьем, делавшие маловероятным возможность побега. Более того, врачи не рекомендовали помещать Залетина в следственный изолятор (СИЗО), поскольку это могло привести к серьезному ухудшению состояния его здоровья. Тем не менее, суд счел необходимым поместить его под стражу и аргументировал эту необходимость следующим образом: «Залетин подозревается в должностном преступлении, относящимся к особо тяжким преступлениям, за совершение которого законом предусмотрено наказание только в виде лишения свободы, в связи с чем у суда имеются достаточные основания полагать, что, находясь на свободе, подозреваемый может скрыться от предварительного следствия. Органами предварительного следствия проведены не все следственные действия, в связи с чем у суда имеются основания полагать, что подозреваемый может воспрепятствовать производству по уголовному делу, угрожать и оказывать давление на свидетелей»⁴⁹. Никаких других аргументов в пользу помещения Залетина в СИЗО суд не привел.

Приведенный пример со всей убедительностью показывает, что судьи оказались недостаточно подготовленными к рассмотрению вопроса о применении мер пресечения в соответствии с новым законодательством. По этой причине они часто подходят к рассмотрению вопроса о помещении лица под стражу формально. Это, в свою очередь, способствует сохранению на чрезмерно высоком уровне числа заключенных в следственных изоляторах.

Другим фактором, препятствующим снижению числа заключенных в СИЗО, является тот факт, что новый УПК РФ не устанавливает предельного срока содержания под стражей на период судебного разбирательства. Это означает, что даже после окончания следствия, в течение всего судебного разбирательства вплоть до вынесения приговора, обвиняемый может содержаться в СИЗО. Период содержания под стражей во время суда может занять существенный период времени. Это связано с тем, что судебные разбирательства по уголовным делам часто затягиваются из-за перегруженности судов и из-за трудностей, связанных с вызовом свидетелей. Сложившаяся ситуация усугубляется тем, что в случае, если обвиняемый во время следствия находился под стражей, судьи часто автоматически, без детального исследования вопроса о необходимости дальнейшего нахождения обвиняемого под арестом, продляют срок действия этой

⁴⁹ Из постановления Тверского городского суда. г. Тверь. 15 июня 2004 г.

меры. Сложилась практика, когда суды принимают решение о продлении срока содержания обвиняемого под стражей до окончания судебного разбирательства в закрытом (не публичном) судебном заседании, в отсутствие ходатайства органов обвинения о продлении срока содержания и без заслушивания доводов обвиняемого и его защиты по этому вопросу.

Сложившаяся практика практически обязательного содержания под стражей до окончания судебного разбирательства помноженная на длительность судебных процессов приводит к тому, что обвиняемый до вынесения приговора по своему делу проводит в СИЗО год или больше. Так, в ходе посещения СИЗО № 5 и № 6 г. Москвы в феврале 2004 г. делегация Международной Хельсинкской Федерации (МХФ) узнала у администрации этих учреждений, что средний срок содержания заключенных в СИЗО равняется одному году. При этом при беседах с заключенными в СИЗО № 5 были выявлены подростки, находившиеся там полтора года, а в СИЗО № 6 - женщины, содержащиеся под стражей более двух лет.⁵⁰

Тот факт, что судьи применяют арест избыточно, подтверждается анализом динамики популяции СИЗО в 2003 г., когда с наибольшей очевидностью проявлялись результаты введения судебного ареста. Так, на начало 2003 г. в СИЗО содержалось 145 тысяч человек, а в июне 2003 г. – уже 156 тысяч человек. Падение численности заключенных к началу и в течение 2004 г. было вызвано принятием в декабре 2003 г. Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» № 162-ФЗ. Этим законом было внесено 257 поправок, основная часть которых направлена на гуманизацию уголовного законодательства: декриминализацию ряда деяний, смягчение санкций, сужение сферы применения наказания в виде лишения свободы. В результате уголовные дела в отношении многих обвиняемых были прекращены и они были освобождены из-под стражи, а приток новых заключенных в СИЗО сократился.

Однако, по сообщению председателя Верховного суда РФ, в 2005 г. количество задержанных опять возросло. По его словам, в 2005 г. судьи выдали 260 тысяч ордеров на арест. В июне 2005 г. в центрах предварительного заключения Министерства юстиции РФ (Минюст России) содержалось 161 тысяч заключенных. К декабрю 2005 г. количество заключенных увеличилось до 164 тысяч человек.

Важно заметить, что установленные законом ограничения сами по себе, без сопутствующих судебных практик, касающихся вынесения постановления об аресте, не могут привести к устойчивому снижению количества заключенных в следственных изоляторах.

Обращение с заключенными в исправительных учреждениях

Положение заключенных в СИЗО и в исправительных учреждениях детально описано в статье 16 настоящего Доклада. В этом разделе мы бы хотели коснуться вопроса применения к заключенным дисциплинарных взысканий, физической силы и спецсредств.

Дисциплинарные взыскания

К мерам дисциплинарного воздействия, определенным в Федеральном законе №103-ФЗ от 15 июля 1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» («О содержании под стражей...»), относятся только выговор и помещение в карцер на срок до 15 суток (до 7 суток для несовершеннолетних заключенных). Помещение в карцер применяется исключительно в качестве наказания за правонарушения, перечисленные в статье 40 Закона «О содержании под стражей...». В этой статье также описывается режим содержания в карцере, который соответствует режиму содержания в одиночной камере: все связи с внешним миром, включая переписку, просмотр телепрограмм и игры, запрещены. Исключения составляют свидания с адвокатом. Заключенному предоставлено право на получасовую прогулку вне камеры. Водворение в карцер осуществляется на основании постановления начальника места содержания

⁵⁰ Полный текст отчета о посещении размещен на сайте МХГ (на английском языке). <http://www.mhg.ru/files/knigi/visiting.doc>

под стражей. Обвиняемые имеют право обжаловать это решение в высшие инстанции, в прокуратуру или в суд, но сам факт подачи жалобы не прекращает действия взыскания.

Есть основания полагать, что заключенные редко обжалуют наложение дисциплинарных взысканий:

В феврале 2004 г. делегация МХФ посетила СИЗО № 6 г. Москвы. Начальник учреждения сообщил, что в 2003 г. было вынесено 238 выговоров и назначено 200 взысканий в виде помещения в карцер. Начальник СИЗО № 2 не мог вспомнить, чтобы кто-либо из заключенных оспаривал меру дисциплинарного взыскания.

Отсутствие гарантий справедливого разбирательства при наложении дисциплинарных санкций вызывает серьезную тревогу правозащитников, поскольку условия в карцерах далеки от гуманных.

Делегации МХФ была предоставлена возможность посетить карцеры некоторых московских СИЗО. В СИЗО № 4 было только 4 карцера. В день визита делегации ни в одном из них не было заключенных, карцеры были чистыми и отапливаемыми, в них присутствовала горячая вода и все необходимые удобства. Однако отсутствовало естественное освещение, несмотря на то, что следственный изолятор был построен недавно. На дневное время постельное белье и принадлежности убираются из камеры, а кровати поднимаются к стенам. Члены делегации отметили, что, несмотря на то, что условия в этом карцере несравненно лучше условий в других подобных центрах в целом по России, они все равно предполагают негуманное содержание заключенных.

Делегация также осмотрела карцеры для несовершеннолетних правонарушителей в изоляторе временного содержания № 5. Площадь осматриваемых помещений была примерно равна 6 квадратным метрам. Карцеры как для несовершеннолетних, так и для взрослых заключенных были слабо освещены, и не имели хорошего доступа естественного света. Единственное окно в карцере было очень маленьким и располагалось слишком высоко. Несмотря на то, что визит проходил в хорошую, солнечную погоду, свет в карцеры практически не проникал. Какое-то количество света проникало через вентиляционное окно в коридоре, но при таком количестве света читать или писать непосредственно в карцере невозможно. Таким образом, подростки, отбывающие дисциплинарное наказание в течение 7 суток – и взрослые в течение 15 суток – вынуждены проводить это время практически в темноте. Каждый карцер оборудован кроватью, которая в дневное время поднимается к стене, и небольшим стулом. Стул смоделирован таким образом, что длительное сидение на нем будет причинять боль. Это значит, что в дневное время заключенные вынуждены либо стоять, либо передвигаться по камере.

Необходимо отметить, что закон ограничивает время дисциплинарного взыскания сроком до 15 суток, но не устанавливает никаких ограничений по поводу количества дисциплинарных взысканий на одного заключенного в течение года.

В соответствии со статьей 115 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ), меры дисциплинарного воздействия, которые применимы к заключенным, отбывающим срок в исправительных учреждениях, включают более широкий спектр санкций, чем меры, применяемые к тем, кто содержится в предварительном заключении. Эти меры включают в себя помещение заключенных мужского пола в помещения камерного типа на срок до одного года, а заключенных женского пола – на срок до трех месяцев. Эти строгие меры назначаются начальником исправительного учреждения. УИК РФ также содержит такое взыскание, как помещение в штрафной изолятор (на срок до 15 суток), но, как и в случае с предварительным заключением, в законе отсутствует указание на предельную годовую (совокупную по срокам) норму содержания заключенных в изоляторе. Таким образом, в отсутствие гарантий справедливого разбирательства, заключенный, особенно «нелюбимый» начальством, может проводить месяцы, а то и годы в условиях одиночного заключения с небольшими перерывами между взысканиями.

Ситуация усугубляется отсутствием четкого определения дисциплинарного нарушения. Вместо этого, УИК РФ содержит общее описание действий, которые могут повлечь за собой

взыскания. На самом деле, это даже не список деяний, а список критериев. Так, в статье 115 УИК РФ в качестве основания для применения дисциплинарных мер указывается

«нарушения установленного порядка отбывания наказания».

В нормативных документах закреплён список обязанностей заключённых. Поэтому для квалификации их действий, как правило, соотносят совершенный поступок со списком обязанностей, пытаясь выяснить, нарушает ли это утверждённые порядки в месте заключения или не нарушает.

Как следствие того, что законодательство не классифицирует нарушения, возникает правовая проблема — невозможно установить жёсткой связи между тяжестью проступка и серьёзностью наказания, налагаемого на заключённого администрацией. В частности, из законов не совсем ясно, какие нарушения режима пребывания в колонии подразумевают водворение в изолятор, а какие — выговор. В связи с этим существует большой риск применения неоправданно жёстких дисциплинарных мер к заключённым, несмотря на то, что и статья 117 УИК РФ и статья 39 Закона «О содержании под стражей...» требуют от руководства мест заключения учитывать обстоятельства совершения проступка, особенности личности заключённого, его поведение и серьёзность нарушения. Причём обязанности администрации в вопросе применения мер взыскания этим исчерпываются.

В феврале 2004 г. делегация МХФ посетила центр отбывания наказаний для несовершеннолетних правонарушителей в г. Икше (Московская область). Представители делегации осмотрели карцеры и из разговора с заключённым, находящимся на момент осмотра в одном из карцеров, узнали, что он был водворён в карцер за курение в неположенном месте. Представителей делегации озаботил факт помещения в карцер за сравнительно незначительный проступок.

Изоляторы временного содержания

В соответствии с Законом «О содержании под стражей...», изоляция подозреваемого или обвиняемого в уголовном преступлении является необходимой. Для того чтобы выполнить это требование, администрация изоляторов не только распределяет заключённых по разным камерам, но и предпринимает меры по предотвращению переговоров между заключёнными из разных камер. Например, в тех случаях, когда заключённые вызываются на допрос или этапированы для участия в судебном заседании, или когда заключённых выводят из камер для прохождения медицинского обследования и т.д. Для того чтобы предотвратить возможность контакта между заключёнными, их помещают в так называемые боксы.

В феврале 2004 г. делегация МХФ посетила центр предварительного заключения № 2 в г. Москве. Члены делегации осмотрели несколько боксов, которые были настолько малы, что напоминали металлические шкафы для одежды. Люди, содержащиеся в этих «шкафах», не видели, что происходит за их пределами, и их самих тоже не было видно. Члены делегации выразили серьёзную озабоченность сроками, которые заключённые проводят в таких маленьких помещениях.

Обеспечение точной фиксации времени задержания⁵¹

Общеизвестно, что одной из необходимых мер по предотвращению пыток и иных видов недопустимого обращения в отношении лиц, подвергающихся уголовному преследованию, является чёткая законодательная регламентация (1) предельного срока, в течение которого лицо может быть задержано до (без) судебного решения, а также (2) процедуры задержания, в частности, такого её элемента, как фиксация момента задержания, с которого начинается течение

⁵¹ Данный раздел подготовлен Пермским региональным правозащитным центром.

срока задержания и с которого подозреваемому должны обеспечиваться его процессуальные права, включая право на доступ к защитнику.

Согласно ч.2 ст.22 Конституции РФ и ч.1 ст.10 УПК РФ лицо не может быть задержано без судебного решения на срок более 48 часов. Согласно ч.2 ст.94 УПК РФ по истечении 48 часов с *момента задержания* подозреваемый подлежит освобождению, если в отношении его не была избрана судом мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания в порядке, установленном п.3 ч.7 ст.108 УПК РФ. С *момента задержания* УПК РФ связывает и другие юридически значимые последствия: 1) с момента фактического задержания подозреваемый вправе иметь доступ к защитнику (п.3 ч.4 ст.46, п.3 ч.3 ст.49); 2) не позднее 12 часов с момента задержания об этом факте должны быть уведомлены родственники подозреваемого (ч.1 ст.96), а в случае задержания несовершеннолетнего такое уведомление должно быть сделано незамедлительно (ч.3 ст.423); 3) не позднее 24 часов с момента фактического задержания подозреваемый должен быть допрошен (ч.2 ст.46).

Однако в практике правоохранительных органов до сих пор господствует подход, согласно которому с момента фактического задержания (лишения свободы передвижения) и до момента составления протокола задержания подозреваемому не разъясняются и не обеспечиваются какие-либо процессуальные права, включая право на доступ к защитнику, хотя в указанный период времени с подозреваемым, как правило, проводится продолжительная и интенсивная работа, направленная на раскрытие преступления. При этом сам момент задержания (фактического задержания) подозреваемого ни кем не фиксируется. При составлении протокола задержания в нём в качестве времени задержания подозреваемого указывается время, совпадающее со временем составления протокола задержания либо отличающееся от него на несколько минут, хотя в действительности, как правило, с момента задержания подозреваемого и до момента составления протокола задержания проходит время, исчисляемое часами. В дальнейшем все процессуальные действия, которые привязываются УПК РФ к моменту задержания (фактического задержания), осуществляются исходя из того времени, которое указано в протоколе задержания подозреваемого. Используя такой подход, правоохранительные органы, занимающиеся раскрытием преступлений, и их должностные лица фактически обеспечивают себе возможность произвольного продления в необходимых случаях установленного УПК РФ 48-часового срока задержания до судебного решения, а также продления установленных УПК РФ сроков, в течение которых необходимо обеспечить право подозреваемого на доступ к защитнику, уведомить родственников подозреваемого о факте его задержания, произвести официальный допрос подозреваемого. Такая практика правоохранительных органов сложилась ещё на основе УПК РСФСР и не претерпела сколько-нибудь серьёзных изменений с вступлением в силу УПК РФ.

Проблема заключается в том, что в УПК РФ не решен с достаточной определенностью вопрос о том, что следует понимать под *моментам задержания*, . Так, в ст.5 УПК РФ, в которой раскрывается содержание основных понятий, понятие *момент задержания* отсутствует. В то же время в ст.5 УПК РФ имеются определения понятий *задержание подозреваемого* (п.11) и *момент фактического задержания* (п.15), из которых логически вытекает, что *момент фактического задержания* это и есть *момент задержания*, то есть указанные понятия должны считаться тождественными (синонимами). Однако такая интерпретация не используется правоприменителями по той причине, что в разных статьях и нормах УПК РФ применительно к различным аспектам процедуры задержания, употребляется то понятие *момент задержания*, как, например, в ч.2 ст.94 и ч.1 ст.96, то понятие *момент фактического задержания*, как в ч.2 ст.46, п.3 ч.3 ст.49, что согласно правилам законодательной техники свидетельствует о различности указанных понятий. При этом, как указывалось выше, УПК РФ определяет лишь одно из этих различных понятий и не называет признаки, по которым они отличаются друг от друга, оставляя вопрос о толковании понятия *момент задержания* полностью на произвол конкретного правоприменителя, что уже само по себе, учитывая практическую значимость вопроса, представляется недопустимым.

В то же время, понятие *момент фактического задержания*, которое по идее должно означать *момент фактического лишения свободы передвижения лица в связи с имеющимся в отношении него подозрением в совершении преступления*, по определению УПК РФ имеет иной, значительно более узкий смысл, что достигается за счёт включения в это определение такого признака, как *производство* фактического лишения свободы передвижения *в порядке, установленном УПК РФ* (см. п.15 ст.5). Причём содержание этого дополнительного признака в УПК РФ опять же не раскрывается, нормы, регламентирующие *порядок производства*

фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления, в УПК РФ отсутствуют. В результате и понятие *момента фактического задержания*, не смотря на то, что его определение приводится в ст.5 УПК РФ, остается неясным, что приводит на практике к его произвольному толкованию и применению.

Кроме того, процедура фиксации *момента задержания (фактического задержания)* УПК РФ должным образом не регламентируется. Так, в ч.1 ст.92 УПК РФ установлено, что после доставления подозреваемого в орган дознания, к следователю или прокурору в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания. Ч.2 ст.92 УПК РФ уточняет, что в протоколе задержания указываются дата и время составления протокола, дата, *время*, место, основания и мотивы *задержания* подозреваемого. То есть согласно указанным положениям УПК РФ в протоколе задержания подозреваемого *момент задержания* фиксации не подлежит, вместо этого подлежит фиксации *время задержания*. При этом определение понятия *время задержания* в УПК РФ отсутствует, отсутствуют и какие-либо указания на соотношение понятий *время задержания* и *момент задержания (фактического задержания)*, что на практике приводит к произвольному толкованию и применению указанных понятий. Разумно предположить, что понятия *время задержания* и *момент задержания* имеют одинаковое значение. Однако в этом случае УПК РФ оставляет открытыми следующие вопросы: 1) откуда (из каких источников) должностное лицо, уполномоченное составить протокол задержания, обязано получить сведения о *времени (момента)* *задержания* и существует ли указанная обязанность вообще; 2) каким образом и какое должностное лицо обязано непосредственно осуществить первичную (до составления протокола задержания) фиксацию *времени (момента)* *задержания* и затем передать соответствующие сведения должностному лицу, уполномоченному на составление протокола задержания. Указанные вопросы имеют важнейшее значение, поскольку на практике первоначально подозреваемый фактически лишается свободы передвижения (задерживается), как правило, не теми должностными лицами, которые согласно УПК РФ уполномочены составлять протокол задержания, а от момента фактического лишения свободы передвижения до момента составления протокола задержания проходит несколько часов (обычно в пределах одних суток). Следует также отметить, что указанные вопросы (элементы) процедуры задержания не регламентируются не только УПК РФ, но и подзаконными нормативными правовыми актами, регулирующими деятельность соответствующих правоохранительных органов и их должностных лиц.

Реализация прав подозреваемых и обвиняемых на защитника⁵²

Общеизвестно, что обеспечение подозреваемому (обвиняемому) в совершении преступления своевременного и беспрепятственного доступа к квалифицированной юридической помощи (защитнику) является важнейшей мерой профилактики (предотвращения) пыток. В этой связи следует отметить, что в п.3 ч.4 ст.46, п.8 ч.4 ст.47, ст.ст. 49-51 УПК РФ содержится комплекс норм, которые достаточно подробно и полно регламентируют порядок осуществления и обеспечения права подозреваемого, обвиняемого на доступ к защитнику. По смыслу указанных норм УПК РФ право подозреваемого (обвиняемого) на доступ к защитнику должно обеспечиваться в любой момент, когда возникает объективная необходимость защиты прав и свобод подозреваемого, обвиняемого в связи с производством по уголовному делу. В частности, лицу, задержанному по подозрению в совершении преступления, право на доступ к защитнику должно обеспечиваться уже с момента фактического задержания (п.3 ч.3 ст.49, п.15 ст.5 УПК РФ).

Однако в практике органов, осуществляющих уголовное преследование, указанные нормы УПК РФ толкуются ограничительно: считается, что право на доступ к защитнику должно обеспечиваться подозреваемому, обвиняемому лишь в случаях производства с его участием процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. Исходя из такого толкования норм УПК РФ, органы, осуществляющие уголовное преследование, широко практикуют проведение с подозреваемыми и обвиняемыми не предусмотренных УПК РФ «оперативно-розыскных мероприятий» в форме так называемых «бесед», которые преподносятся как свободное (добровольное) неформальное и конфиденциальное общение соответствующих должностных лиц

⁵² Данный раздел подготовлен Пермским региональным правозащитным центром.

правоохранительных органов, осуществляющих уголовное преследование, с подозреваемыми и обвиняемыми. Поскольку проведение такого рода мероприятий УПК РФ не предусмотрено, считается, что при их проведении нет и никакой необходимости в обеспечении подозреваемому (обвиняемому) каких-либо процессуальных прав, включая право на доступ к защитнику.

В связи с таким толкованием и применением норм УПК РФ на практике, в частности, лицу, задержанному по подозрению в совершении преступления, право на доступ к защитнику практически никогда не обеспечивается с момента фактического задержания. Обычно защитник впервые появляется в начале первого официального допроса лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, который должен проводиться в соответствии с ч.2 ст.46 УПК РФ не позднее 24-х часов с момента фактического задержания. Защитник подозреваемого или обвиняемого, содержащегося под стражей в изоляторе временного содержания (ИВС) или в следственном изоляторе (СИЗО), никогда не предупреждается компетентными должностными лицами о том, что с его подзащитным запланировано проведение «беседы». Не сообщается защитнику о «беседе» и после её проведения. Между тем, в отдельные периоды предварительного расследования по уголовному делу «беседы» по своей продолжительности и интенсивности порой превосходят предусмотренные УПК РФ следственные действия, проводимые с подозреваемым и обвиняемым, осуществленные в тот же период.

В действительности указанные «беседы» для подозреваемого (обвиняемого) редко являются добровольными, уже хотя бы потому, что у подозреваемого (обвиняемого) никто и никогда не спрашивает разрешения на «беседу». В частности, подозреваемый (обвиняемый), содержащийся в ИВС или СИЗО, независимо от его желания выводится из камеры сотрудниками указанных мест содержания под стражей в соответствующий кабинет (комнату) по требованию должностного лица или лиц, явившихся для проведения «беседы». Продолжительность «беседы» также полностью зависит от усмотрения должностных лиц, её инициировавших. Неформальность «беседы» означает: 1) отсутствие какого-либо оформления и фиксации процесса беседы; 2) отсутствие обеспечения каких-либо процессуальных прав «собеседника» (подозреваемого, обвиняемого) и, прежде всего, права на доступ к защитнику.

Имея такие характеристики, «беседа» предоставляет должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, широчайший арсенал средств влияния на подозреваемого, обвиняемого, включая различные виды психического и физического насилия. При проведении «бесед», как правило, одновременно преследуются следующие цели: 1) получение от подозреваемого, обвиняемого информации, относящейся к расследуемому преступлению (прежде всего, это информация о причастности к преступлению самого подозреваемого, обвиняемого и об имеющихся в отношении него уликах, о которых должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, не известно); 2) закрепление указанной информации в виде письменного документа произвольной формы от имени и за подписью подозреваемого, обвиняемого (документ может называться «явка с повинной», «чистосердечное признание», «заявление» и др.); 3) формирование у подозреваемого (обвиняемого) убежденности в том, что (а) всякая защита от имеющегося в его отношении подозрения или обвинения бесполезна и может только ухудшить положение подозреваемого (обвиняемого), (б) при проведении следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, необходимо соглашаться с имеющимся подозрением и (или) предъявленным обвинением и давать признательные показания.

Особо следует отметить, что полученная от подозреваемого, обвиняемого в результате «беседы» «явка с повинной» или иной документ произвольной формы, в котором содержатся какие-либо признания относительно расследуемого преступления, в ходе дальнейшего судопроизводства используется в качестве допустимого доказательства даже в тех случаях, когда подозреваемый (обвиняемый) не подтверждает изложенные в указанном документе сведения в ходе официальных допросов, проводимых в порядке, предусмотренном УПК РФ, с участием адвоката (защитника), в том числе при допросе в суде.

Описанная выше практика ненадлежащего (дискретного) обеспечения права подозреваемого, обвиняемого на доступ к защитнику, оставляющая широкие возможности для различных видов недопустимого обращения с подозреваемым, обвиняемым, включая пытки, сформировалась ещё в период действия УПК РСФСР и не претерпела каких-либо существенных изменений с вступлением в силу УПК РФ. Национальные суды различных уровней, включая Верховный Суд РФ, при рассмотрении конкретных уголовных дел, как правило, признают правомерной указанную практику, что способствует её распространённости и устойчивости.

Условия транспортировки лиц, содержащихся в следственных изоляторах, в суды и их пребывания в конвойных помещениях судов⁵³

Проблема негуманных условий транспортировки заключенных вызывает серьезное беспокойство. Особенно острой является ситуация в г. Москве, где сконцентрировано значительное количество как следственных изоляторов, так и судов различных, в том числе высших, инстанций; при этом расстояния значительны, а уличное движение затруднено. Однако, как будет показано ниже, проблема имеет место и в других регионах Российской Федерации.

Лица, содержащиеся в следственных изоляторах и принимающие в том или ином качестве (подсудимых, свидетелей) участие в судебных слушаниях, нередко испытывают серьезные тяготы и лишения, которые могут рассматриваться как жестокое и бесчеловечное обращение, особенно в случаях, когда судебные разбирательства продолжаются почти без перерывов в течение многих недель или даже месяцев.

В связи с тем, что конвойная служба, в силу нехватки специальных автомобилей (фургонов) или по иным причинам, «собирает» заключенных из разных изоляторов города, а затем развозит их по разным судам, весь процесс во многих случаях занимает для заключенных крайне длительное время и выглядит следующим образом:

Заключенных будят рано утром, от четырех до шести часов утра, в результате чего они лишаются завтрака, и через некоторое время конвоируют в так называемую «сборную камеру», которая часто бывает переполнена и не оборудована вентиляцией. В «сборной камере» заключенные проводят несколько часов (до 9-10 часов утра).

Затем их помещают в специальные фургоны («автозаки»), оборудованные, кроме общего помещения, индивидуальными, огороженными со всех сторон, местами (так называемые «стаканы»). На одном таком месте может в относительно не стесненном состоянии находиться один человек. Нам достоверно известно как минимум о двух случаях, когда на одном таком месте перевозилось два человека; общие помещения также часто бывают переполнены (г-н Худоеров упоминает⁵⁴ случай, когда в автомобиле, рассчитанном на 10 заключенных, перевозилось 27 человек). Дорога может занимать несколько часов, так как одна машина забирает заключенных из разных изоляторов и развозит их в разные суды. Разные источники отмечают, что в фургонах холодно зимой и жарко летом. По сообщению Елены Липцер, адвоката и эксперта Центра содействия международной защите, ее подзащитный г-н Трепашкин так описывает условия транспортировки:

Меня в декабре 2003 г. чуть ли ни каждый день (за исключением выходных) после суда отвозили в СИЗО «Бутырка», где в «автозаках» держали до 21-23 часов, перегружая с автомашины в автомашину (иногда более 10 раз). При перегрузках перемешивались больные и здоровые, курящие и некурящие, осужденные и только что арестованные за не тяжкие преступления, бывшие сотрудники правоохранительных органов и рецидивисты, в том числе, осужденные к пожизненному заключению (в наручниках). Иногда в «автозаки» помещали вместе с мужчинами и женщин. К исходу суток «автозаки» в буквальном смысле слова забивали замерзшими арестованными и перегруженными «автозаки» начинали развозить арестованных по изоляторам. «Клетки» были забиты так, что нельзя повернуться, накурено так, что воздух можно было трогать руками (густой от дыма), больные туберкулезом кашляли прямо в лицо, так как не имели возможности ни отвернуться, ни закрыться руками.

В судах заключенных помещают в так называемые боксы в конвойных помещениях. Нередко эти помещения оказываются переполненными:

⁵³ Данный раздел подготовлен Инициативой «Право общественных интересов».

⁵⁴ ECHR *Khudoyorov v. Russia*, 6847/02, 08.11.2005, § 73.

В суде подсудимых помещают в боксы размером 1,5 на 1 метр по 3-4 человека <...>. В таких боксах подсудимые могут проводить целый день без движения, без питания и оправления естественных надобностей.⁵⁵

После завершения судебных заседаний заключенные проделывают столь же длительный и мучительный путь обратно в следственный изолятор. В результате зачастую они попадают в свою камеру лишь поздно вечером (около 23.00 по сообщению г-на Трепашкина) и не успевают поужинать. Если на следующий день судебные слушания продолжаются, на сон осужденному остается лишь несколько часов.

Отметим, что г-на Трепашкина транспортировали в таких условиях в суд и обратно «не менее 15 раз» в декабре 2003 г., а г-на Старокадомского – более 70 раз на момент направления его жалобы в ЕСПЧ 19 декабря 2003 г.

Условия транспортировки заключенных уже рассматривались Европейским судом по правам человека в рамках дела *Khudoyorov v. Russia* 8 ноября 2005 г. Описанные условия транспортировки лиц, содержащихся в следственных изоляторах, в суды и их пребывания в конвойных помещениях судов были признаны Судом нарушением Статьи 3 Европейской конвенции. Суд, в частности, указал:

«115. Заявитель утверждает, что в дни судебных заседаний его доставляли в суд в тюремном фургоне, где он размещался в «индивидуальном» отделении площадью 1 кв. м вместе с другим заключенным. Он весь день не получал пищи, и пропускал прогулки, а иногда и возможность принять душ.

*116. Суд прежде не рассматривал соответствие условий доставки как таковых требованиям статьи 3 Конвенции (однако, что касается применения наручников и/или надевания повязки на глаза заключенных во время транспортировки, см. *Öcalan v. Turkey* [GC], no. 46221/99, §§ 182-184, ECHR 2005; и *Rapinen v. Finland*, постановление от 16 декабря 1997 года, Reports 1997-VIII, §§ 56-59). Поэтому он будет руководствоваться выводами Европейского комитета по предотвращению пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания (CPT).*

117. Что касается транспортировки заключенных, то CPT счел индивидуальные отделения площадью 0,4, 0,5 или даже 0,8 кв. м непригодными для перевозки человека, независимо от времени в пути (см. CPT/Inf (2004) 36 [Азербайджан], § 152; CPT/Inf (2004) 12 [Люксембург], § 19; CPT/Inf (2002) 23 [Украина], § 129; CPT/Inf (2001) 22 [Литва], § 118; CPT/Inf (98) 13 [Польша], § 68). В настоящем деле индивидуальные отделения тюремного фургона (площадью один кв. м) не нарушали бы нормы CPT, если бы не нарушалась расчетная вместимость, если бы они были достаточно освещены, вентилировались и обогревались и если бы были оснащены подходящими сидениями и приспособлениями, предотвращающими потерю равновесия заключенными во время движения автомобиля (ср. CPT/Inf (2002) 36 [Словения], § 95).

118. Однако заявитель должен был находиться в индивидуальном отделении вместе с другим заключенным, и эти двое по очереди сидели друг у друга на коленях. Упомянувшиеся выше выводы CPT дают основание полагать, что такая ситуация не была бы им признана приемлемой. Равным образом и Суд считает неприемлемым помещение двух заключенных в отделение площадью один кв. м с одним сидением. Правительство заявляет, что дорога занимала только 30 минут, но заявитель говорит, что по пути фургон заезжал в другие изоляторы. Поскольку заключенные в это время оставались в фургоне, то было бы правильным делать оценку на основе утверждения заявителя о том, что путь занимал до одного часа. В любом случае Суд находит, что такая организация транспортировки недопустима независимо от ее продолжительности.

119. Суд обращает внимание на то, что заявитель должен был выдерживать такую давку дважды в день – на пути в суд и из суда и что его перевозили в таком фургоне не менее 200 раз за четыре года заключения. В эти дни он не получал пищи и пропускал прогулки. Также относится к оценке Суда вопрос о том, что заявителя продолжали подвергать такому обращению во время судебного разбирательства его дела или при

⁵⁵ Жалоба в ЕСПЧ *Starokadomsky v. Russia*, предоставлено Е.Липцер.

рассмотрении ходатайств о продлении срока его содержания под стражей, то есть тогда, когда он больше всего нуждался в концентрации сил и живости ума.

120. Суд приходит к заключению, что обращение с заявителем во время доставки во Владимирский областной суд и обратно превышали минимальный уровень жестокости и что имело место нарушение статьи 3 Конвенции».⁵⁶

Обеспечение защиты прав подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в помещениях, функционирующие в режиме следственных изоляторов (ПФРСИ)⁵⁷

Одной из мер, предпринятых государством для решения проблемы переполненности следственных изоляторов (СИЗО), стало создание ПФРСИ (помещений, функционирующие в режиме следственных изоляторов). Приказом Министерства Юстиции № 212 от 30 июня 1999 г. был утвержден согласованный с Генеральной прокуратурой РФ перечень исправительных учреждений, на территориях которых должны быть созданы ПФРСИ. На основании этого приказа, лица, арестованные по подозрению в совершении преступления, могут в период предварительного следствия содержаться не в СИЗО, а отправляться в исправительное учреждение, где отбывают наказание осужденные.

По данным ФСИН России, на 1 октября 2006 г. в России действует 157 ПФРСИ. Лимит следственно-арестованных, содержащихся в этих ПФРСИ, установлен для каждого учреждения индивидуально и составляет от 25 до 350 человек.

Необходимо отметить, что арест в период следствия, часто используется в России не как мера пресечения, а как мера воздействия, с целью получения признания или выгодных следствию показаний, а также для усложнения доступа адвоката к арестованному. При этом большинство исправительных учреждений (ИУ) в России расположены на значительном удалении (иногда более 100 км.) от крупных населенных пунктов. Это обстоятельство создает дополнительные сложности для адвокатов, при осуществлении защиты подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в ПФРСИ.

Кроме того, в удаленных от областных центров местах, где расположены ПФРСИ, эффективность прокурорского надзора значительно ниже, чем в областных (республиканских) центрах, где расположены СИЗО, а возможность общественного контроля практически отсутствует.

Все эти обстоятельства приводят к тому, что в ПФРСИ повышается риск применения пыток к подследственным с целью принуждения к самооговору и получению показаний выгодных следствию.

Самое большое количество ПФРСИ (12) предусмотрено на территории Нижегородской области. По сообщениям, полученным Нижегородской региональной общественной организацией «Комитет против пыток», ПФРСИ зачастую используются как «пыточные зоны», где осужденные заключенные, подстрекаемые администрацией ПФРСИ и оперативными работниками милиции, применяют к следственно арестованным пытки. Кроме того, заключенные, содержащиеся в СИЗО-52/1 г. Нижнего Новгорода жалуются на то, что им угрожают помещением в ПФРСИ, где к ним будут применяться пытки.

Так, например, заявитель Иванов, обратившийся за помощью в НРОО “Комитет против пыток”, в своём объяснении, данном адвокату организации, указывает, что оперативные сотрудники милиции Ч. и П. предупредили его в ходе допроса, что если он не подпишет явки с повинной в тяжких преступлениях, то его вывезут в колонию 62\7, либо 62\14, где применяют пытки. Иванов отказался сотрудничать со следствием, в результате чего 21.07.2004 его этапировали в колонию (ПФРСИ) 62\14. Там Иванов неоднократно подвергался насилию со стороны осужденных В. и М. Затем Иванова перевели в отряд для лиц, отбывающих наказание. Там на него оказывалось психологическое давление со стороны, так называемого, “актива” колонии. Они периодически избивали Иванова и

⁵⁶ Перевод Центра содействия международной защите.

⁵⁷ Раздел подготовлен Нижегородской региональной общественной организацией «Комитет против пыток».

требовали начать сотрудничать со следствием. Картина, описываемая Ивановым, подтверждается объяснениями свидетелей К. и Г.

Другой заявитель - Морев, в своём объяснении, данном адвокату Комитета против пыток, сообщает, что сотрудники милиции требовали от него написания явок с повинной в совершении ряда тяжких преступлений. Когда Морев отказался признаваться в чём-либо, к нему применили пытки. Сотрудники милиции угрожали Мореву, что его вывезут в колонию 62\7, где будут пытать до тех пор, пока он не сознается во всех инкриминируемых ему преступлениях. 24.05.05 Мореву вывезли в ПФРСИ УЗ 62\7. Там к нему трижды приезжал оперативный сотрудник милиции К. и оказывал психологическое давление. По его указанию, Мореву пытали осужденные С. и Л. Пытки с разной интенсивностью продолжались в течение 20 дней. После того, как Морев подписал ряд явок с повинной, его перевели обратно в учреждение ИЗ 52\1 г. Нижнего Новгорода.

В настоящее время НРОО «Комитет против пыток» проводит общественное расследование по трем случаям, когда следственно арестованных вывозили в ПФРСИ указанных колоний и применяли пытки в течение нескольких дней. Кроме того, «Комитетом против пыток» были зафиксированы еще четыре случая угроз перевода в ПФРСИ УЗ 62\14, УЗ 62\7, после пребывания в которых подследственные сразу начинали давать признательные показания.

Таким образом, ПФРСИ используются для применения пыток к лицам, отказывающимся давать признательные показания и сотрудничать со следствием. Более того, как видно из приведенных примеров, сама угроза перевода арестованного из СИЗО в ПФРСИ, используется сотрудниками правоохранительных органов как эффективное средство психологического давления.

Кроме того, необходимо отметить не только физическую незащищенность лиц, находящихся под следствием и помещенных в такого рода учреждения, но и их моральное состояние, когда они отдают себе отчет в том, что содержатся вместе с преступниками, уже осужденными судом.

В тоже время, ПФРСИ явно не способны значительно повлиять на решение проблемы перегруженности СИЗО. Вместе с тем, ИУ, на базе которых созданы ПФРСИ, как правило, находятся далеко от городов, где проводится следствие. В результате этого конвоирование арестованных, содержащихся в ПФРСИ, к месту проведения следственных действий, требует значительно больших средств и времени, чем конвоирование из СИЗО. Эти средства разумно было бы потратить на ремонт существующих и строительство новых следственных изоляторов.

Статья 12⁵⁸

Каждое государство-участник обеспечивает, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что пытка была применена на любой территории, находящейся под его юрисдикцией.

По результатам рассмотрения Третьего периодического доклада РФ о соблюдении Конвенции против пыток, Комитет отметил: «недостаточный уровень независимости и эффективности прокуратуры вследствие проблем, которые, как признает государство-участник, возникают в связи с тем, что прокуратура отвечает как за возбуждение судебного преследования, так и за осуществление надзора за надлежащим ходом расследований». В связи с этим Комитет рекомендовал «обеспечить безотлагательное, беспристрастное и исчерпывающее расследование многочисленных утверждений о применении пыток, переданных властям, а также судебное преследование и, в надлежащих случаях, наказание виновных».

Следует отметить, что с момента рассмотрения Третьего периодического доклада РФ, число расследований, проводимых по жалобам на пытки и жестокое обращение, увеличилось. По сравнению с предшествующим отчетным периодом также увеличилось и число сотрудников правоохранительных органов, привлекаемых к ответственности за эти нарушения. Эти изменения обусловлены, в первую очередь, тем, что пострадавшие от пыток и жестокого обращения чаще стремятся добиться справедливости и при помощи юристов, работающих в правозащитных организациях, настойчиво требуют от компетентных органов проведения расследования.

Но достигнутые изменения не представляется возможным расценивать как однозначный прогресс России в области исполнения обязательства проводить эффективное и беспристрастное расследование по делам о пытках. Сейчас, как и в предыдущий отчетный период, органы прокуратуры зачастую не проявляют инициативы по расследованию сообщений и фактов пыток. Напротив, жертвы иногда годами вынуждены добиваться проведения расследования, оспаривая незаконные и необоснованные отказы в расследовании или решения о прекращении расследования.

Необходимо повторить, что проблема отсутствия эффективного расследования случаев пыток – это скорее проблема практики, нежели законодательства. Вместе с тем, нельзя не обратить внимание на то, что ряд нормативных актов, устанавливающих порядок работы правоохранительных органов с сообщениями о преступлениях, не учитывает специфику такого преступления как пытка, а специальных инструкций, касающихся приема и рассмотрения сообщений о пытках, в России не разработано и не утверждено.

Ниже описаны основные проблемы в области исполнения обязательства по проведению эффективного расследования пыток.

Реагирование на признаки пыток

Федеральным законом «О прокуратуре РФ», УПК РФ, нормативными актами Генерального прокурора России, прокуратуре предоставлены широкие полномочия по инициативному выявлению сведений о готовящихся, совершаемых, и совершенных преступлениях, проверке

⁵⁸ Данный раздел доклада подготовлен Фондом «Общественный вердикт» и Исследовательским центром «Демос». При написании раздела использовалась информация, полученная из СМИ и от НПО: Фонд «Социальное партнерство», Союз комитетов солдатских матерей России, Нижегородский Комитет против пыток, Красноярский Общественный комитет по защите прав человека, Пермский региональный правозащитный центр, Правозащитный Центр города Казани, Йошкар-Олинская организация «Человек и Закон», Коми региональная Комиссия по защите прав человека «Мемориал», Мордовский республиканский правозащитный центр, Институт общественных проблем «Единая Европа», Тверское региональное отделение Российского общества «Мемориал», Краснодарская организация «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных», Союз правозащитных организаций Свердловской области, Читинский правозащитный центр.

сообщений о них и проведению расследований. Эти нормы могут быть применены к пыткам таким же образом, как и к другому преступлению.

Установлен теоретически эффективный механизм надзора прокуратуры за исполнением законов о порядке приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, в том числе связанных с пытками.⁵⁹

Установлена процедура передачи информации - о фактах получения телесных повреждений - от врачей скорой помощи и травмпунктов в правоохранительные органы. Она предполагает обязанность всех лечебно-профилактических учреждений, независимо от ведомственной принадлежности и формы собственности, незамедлительно сообщать в дежурные части органов внутренних дел о всех фактах поступления граждан с телесными повреждениями, находящимися в бессознательном состоянии, а также о фактах самостоятельного обращения граждан с телесными повреждениями насильственного характера⁶⁰. Потенциально такая процедура должна обеспечивать поступление данных о пытках и жестоком и унижающем обращении в компетентные органы, однако, на практике этого не случается.

Как следует из опроса медицинского персонала, проведенного Аналитическим Центром Ю. Левады в 42 городах России по инициативе Фонда «Общественный вердикт»⁶¹, значительное число медиков сталкивались в своей практике с пациентами, получившими травмы от сотрудников правоохранительных органов (очевидно, что часть из этих травм является следствием жестокого обращения или пыток). Так, 77% опрошенных врачей бригад скорой помощи и 87% опрошенных врачей травмпунктов сообщили, что приходилось оказывать медицинскую помощь пациентам, пострадавшим от действий сотрудников правоохранительных органов. По сообщениям врачей, в каждом втором случае, если не чаще, сами пострадавшие просят не сообщать в правоохранительные органы сведения о полученных травмах. Очевидно, что лица, пострадавшие от плохого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов, считают, что сообщение об этих травмах в официальные структуры не поможет им защитить свои права, а может только повредить. Причины страха пострадавших понятны. По результатам того же опроса медицинского персонала, из всех правоохранительных органов чаще всего именно сотрудники милиции причиняют травмы гражданам. При этом, в соответствии с установленным порядком, врачи должны направлять информацию о травмах в ближайшее отделение милиции. Таким образом, информация о том, что пострадавший от действий сотрудников милиции обратился за врачебной помощью, поступает либо самим милиционерам, причинившим этот вред, либо их коллегам.

Не менее тревожным является тот факт, что 14 % опрошенных врачей сообщили о случаях, когда правоохранительные органы, органы власти или руководство лечебных учреждений требовали не фиксировать повреждения или не сообщать о зафиксированных повреждениях, предположительно причиненных сотрудниками правоохранительных органов. Факты давления на медицинский персонал, оказывающий помощь пострадавшим от пыток или жестокого обращения, были зафиксированы и правозащитными организациями.

Так, организация «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных» сообщает, что после избития сотрудниками милиции в вытрезвителе

⁵⁹ Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений»; Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 5 июля 2002 г. № 39 «Об организации прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства»; Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 21 октября 2003 г. № 45 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях» и др. нормативные акты.

⁶⁰ Инструкция о порядке взаимодействия лечебно-профилактических учреждений и органов внутренних дел Российской Федерации при поступлении (обращении) в учреждения здравоохранения граждан с телесными повреждениями насильственного характера. (Инструкция утверждена Приказом Минздрава РФ и МВД РФ 9 января 1998 г. № 4/8).

⁶¹ Опрос проводился в ноябре 2004 года.

г. Краснодара задержанный N нуждался в медицинской помощи: он истекал кровью, и у него была рвота. Сотрудники милиции вызвали скорую помощь. Сотрудники милиции требовали от врачей скорой помощи, чтобы те не фиксировали в медицинской документации травмы, а поставили диагноз - отравление алкогольным суррогатом. N был доставлен в больницу, где врачи стали оказывать ему помощь от отравления. Из-за того, что врачи получили ложную информацию от сотрудников милиции, N не получил своевременной хирургической помощи и скончался от разрыва печеночной артерии.

Таким образом, процедура информирования врачами правоохранительных органов о фактах пыток, установленная правовыми нормами, на практике не обеспечивает гарантированного поступления в прокуратуру сведений обо всех, ставших известными медицинским работникам фактах, а потому не является эффективной.

Законом и ведомственными актами предусмотрены обязательные процедуры выявления телесных повреждений, в том числе характерных для жестокого и бесчеловечного обращения и наказания, а также пыток, при поступлении задержанных за административные правонарушения и преступления в места принудительного содержания или изоляции.⁶²

Правозащитные организации отмечают, что по сравнению в предыдущим отчетным периодом персонал СИЗО и ИВС стал более активно выявлять и фиксировать телесные повреждения у задержанных, поступающих из милиции в места содержания под стражей.

Например, в июле 2005 г. администрация СИЗО г. Нижнего Новгорода зафиксировала телесные повреждения у Салихова, поступившего из отделения милиции. Согласно заявлению Салихова, эти повреждения возникли в результате пытки, примененной к нему сотрудниками милиции.

Вместе с тем, по сообщениям правозащитных организаций, в Пермском и Краснодарском краях сотрудники СИЗО и ИВС не во всех случаях соблюдают обязанности по выявлению и фиксации телесных повреждений у задержанных и арестованных.

Согласно требованиям действующего законодательства, наличие телесных повреждений у задержанного, поступившего в ИВС или СИЗО, является основанием для проведения проверки для выяснения обстоятельств получения травм. Исходя из комментариев должностных лиц, которые были собраны членами делегации МХФ при посещении следственных изоляторов г. Москвы в феврале 2004 г., если врач СИЗО обнаруживает телесные повреждения у вновь поступивших, он обязан представить докладную записку начальнику изолятора. Начальник изолятора на основании этой записки может принять решение о проведении внутренней проверки. Решение о передаче результатов внутренней проверки в прокуратуру принимается также начальником изолятора.

Отмечая улучшение ситуации с выявлением и фиксацией телесных повреждений у поступающих в СИЗО и ИВС, тем не менее, правозащитники подчеркивают, что информация о фактах возбуждения уголовных дел по сведениям о телесных повреждениях, передаваемых администрацией СИЗО и/или ИВС, - к ним не поступала. Вероятно такая ситуация обусловлена неэффективностью существующей процедуры передачи информации о телесных повреждениях. Однако бесспорно то, что улучшение ситуации с выявлением телесных повреждений при поступлении в ИВС и СИЗО помогает жертвам пыток и жестокого обращения, которые по собственной инициативе обращаются с жалобами в органы прокуратуры.

Предполагается, что сотрудник прокуратуры, посещающий отделения милиции и ИВС в рамках осуществления своих надзорных функций, а так же ведущий допрос задержанного, должен отреагировать, если поступила устная жалоба или если он сам видит следы насилия. На практике обязанность реагирования на устные жалобы исполняется не всегда.

Сотрудник прокуратуры Б. г. Набережные Челны (Республика Татарстан) 2 сентября 2003 г. при проведении обязательной прокурорской проверки камер для административно задержанных получил устное сообщение от незаконно

⁶² Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; Приказ Минздравсоцразвития России и Минюста РФ от 17 октября 2005 г. № 640/190 «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу».

содержавшегося в камере Шишкина об учиненной милиционерами над ним накануне пытке и причинении ему телесных повреждений, в том числе перелома челюсти. Отправив Шишкина в лечебное учреждение, сотрудник прокуратуры, тем не менее, не принял каких – либо мер по проверке его жалобы и закреплению имевшихся доказательств пытки. В результате до настоящего времени прокуратурой не установлены личности милиционеров, виновных в причинении Шишкину телесных повреждений.

Правозащитными организациями был зафиксирован только один случай, когда сотрудником прокуратуры был подан рапорт о том, что он выявил случай применения пыток к лицам, задержанным по подозрению в совершении преступления.

31 января 2005 г. в Бежецкую межрайонную прокуратуру Тверской области от прокурора отдела по надзору за процессуальной деятельностью органов внутренних дел и юстиции поступил рапорт о том, что 24 ноября 2004 г. в ходе реализации оперативных мероприятий сотрудниками отряда милиции спецназначения были задержаны девять граждан, шестерым из которых (Ратникову А.В., Сидоренко М.Н., Терентьеву В.Н., Зуеву Д.В., Новикову В.В., Кавунцу Р.В.) были причинены телесные повреждения различной степени тяжести, а также изъято личное имущество и деньги. В установленный законом срок 10 февраля 2005 г. Бежецкой межрайонной прокуратурой Тверской области возбуждено уголовное дело по признакам превышения служебных полномочий и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью.

В органах прокуратуры существуют специализированные подразделения, осуществляющие надзор за законностью при исполнении наказаний. Сотрудники этих подразделений регулярно посещают следственные изоляторы и исправительные учреждения. В ходе таких визитов сотрудники прокуратуры могут выявить признаки пыток или жестокого и унижающего обращения и предпринять соответствующие меры реагирования: начать проверку или полноценное расследование. Общественность получает крайне мало информации о результатах этой деятельности органов прокуратуры. В докладе о деятельности органов прокуратуры за 2004 г. Генеральный прокурор РФ сообщил некоторые сведения о грубых нарушениях условий содержания заключенных, обнаруженных прокурорами: нарушения в обеспечении заключенных питанием, факты содержания заключенных в холодных помещениях и тому подобное. При этом в докладе Генерального прокурора не содержится информации о выявленных органами прокуратуры фактах противоправного применения насилия к заключенным. Информация, поступающая в правозащитные организации от самих заключенных и их родственников, свидетельствует о том, что прокуроры, посещающие пенитенциарные учреждения, не всегда проводят тщательную проверку ситуации в учреждении и не всегда непосредственно контактируют с заключенными (Подробнее смотри статью 13 настоящего Доклада). Представляется, что сотрудники прокуратуры, не пользующиеся в должной мере полномочиями по осмотру различных помещений пенитенциарных учреждений и по непосредственному контакту с заключенными, сами лишают себя возможности выявлять признаки пыток и тех форм жестокого обращения, которые не связаны с материальными условиями содержания под стражей.

Расследование предполагаемых случаев пыток

В редких случаях органы прокуратуры самостоятельно иницируют, проводят проверки и расследования при наличии данных, указывающих на пытки. Однако чаще вопрос о проверке сообщения о пытках или о проведении расследования возникает в связи с тем, что пострадавшие или их представители самостоятельно обратились в органы прокуратуры с жалобой.

Законом установлены две стадии процесса разбирательства по жалобе: проверка и предварительное следствие. Проверка проводится для установления поводов и оснований для возбуждения уголовного дела и начала полноценного следствия. Следствие является процедурой сбора доказательств преступления и установления виновного. Оно заканчивается вынесением

обвинительного заключения (если следствие придет к выводу о наличии преступления и соберет доказательства вины конкретных лиц) или постановлением о прекращении следствия. Стадия проверки не обязательна. Если известны очевидные данные о совершении преступления, процедура следствия должна начинаться немедленно.

Основные принципы ведения расследований, закрепленные в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, в целом, соответствуют международным стандартам эффективного расследования. Так, УПК РФ устанавливает обязанность органов прокуратуры

«предпринять меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления».⁶³

Также установлено, что прокурор и следователь

должны оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.⁶⁴

УПК РФ устанавливает сроки проведения проверок и расследований по уголовным делам. Проверка по жалобе на преступление должна занимать 3 дня, а в исключительных случаях – 10 дней.⁶⁵ Срок расследования составляет два месяца, а дополнительного расследования – один месяц.⁶⁶ Продление этих сроков допускается в исключительных случаях.⁶⁷

К сожалению, официальные статистические данные о числе зарегистрированных сообщений о пытках и жестоком и унижающем обращении и о работе органов следствия по этому виду преступлений не существуют или не публикуются. В такой ситуации выводы об эффективности расследования пыток можно делать лишь на основе данных общественных организаций. В качестве иллюстрации можно привести собранные правозащитными организациями численные данные о расследованиях жалоб на пытки со стороны сотрудников милиции в 11 регионах России: Республиках Марий Эл, Коми, Башкортостан и Татарстан, Краснодарском и Пермском краях, Нижегородской, Читинской, Оренбургской, Свердловской и Тверской областях.

Так, из 76 обоснованных сообщений о пытках (при наличии медицинских документов и иных доказательств, подтверждающих версию заявителя), зарегистрированных правозащитными организациями указанных регионов в 2002 г., официальное расследование установило факт преступления и виновных только в 20 случаях. В 2003 г. официальное следствие установило факт пытки по 11 из 154 дел; в 2004 г. – по 47 из 199 дел; и, соответственно, в 2005 г. – по 33 из 114 дел.

Принимая во внимание неполноту этих данных, тем не менее, можно сделать вывод, что в среднем органы следствия устанавливают факт пыток и вину в их совершении должностных лиц по 30 % из всех направленных в эти органы обоснованных сообщений о пытках. В сравнении с данными о расследовании общеуголовных преступлений, показатели по расследованию жалоб на пытки выглядят неоправданно низкими. Например, по данным МВД России в 2005 г. были успешно расследованы и раскрыты 84 % зарегистрированных убийств и покушений на убийство и 74 % случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Представляется, что такую разницу нельзя объяснить лишь объективными трудностями, с которыми сталкиваются органы следствия при расследовании таких специфических преступлений, какими являются пытки и жестокое обращение. Информация, собранная правозащитными организациями, показывает, что официальные проверки и расследования сообщений о пытках в значительном числе случаев не соответствуют стандартам эффективности. Ниже описаны основные нарушения принципов эффективного расследования, допускаемые органами прокуратуры России.

⁶³ Ст. 21 УПК РФ.

⁶⁴ Ст. 17 УПК РФ.

⁶⁵ Ст. 144 УПК РФ.

⁶⁶ Ст. 162 УПК РФ.

⁶⁷ Ст. 162 УПК РФ.

Нарушения принципа тщательности расследования

При расследовании жалоб на пытки наблюдаются нарушения, связанные с организацией сбора доказательств. Собираение доказательств по делу – совокупность активных действий. Однако при расследовании дел о пытках и иных недозволенных формах обращения следователи прокуратуры не всегда производят действия, необходимые для сбора доказательств.

В качестве примера можно привести расследование уголовного дела о гибели Хайруллина, который в сентябре 2002 г. в состоянии комы и с телесными повреждениями был доставлен в больницу из Тукаевского отдела милиции (г. Набережные Челны, Республика Татарстан). Органы следствия в течение более чем трех лет не провели необходимых действий для установления механизма причинения Хайруллину телесных повреждений, характеристики предметов, посредством которых они были причинены; не проверяется обоснованная рядом данных версия о причинении телесных повреждений Хайруллину вследствие применения к нему, с целью удушения, маски противогаса. Обыск в помещении, где опрашивался Хайруллин, не проводился.

По жалобе на пытки Салихова (г. Нижний Новгород) 6 августа 2005 г. следователь прокуратуры Московского района вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, не опросив предварительно указанных в заявлении очевидцев (около 15 человек), не дав оценку имеющимся медицинским документам, которые свидетельствовали о наличии телесных повреждений у заявителей. По жалобе представителей Салихова вышестоящий прокурор отменил решение об отказе в возбуждении уголовного дела как незаконное и необоснованное.

В качестве примера пассивного отношения органов следствия к работе по жалобам на пытки можно привести дело Аношина (г. Нижний Новгород).

Следователь прокуратуры, ведущий расследование обстоятельств гибели Аношина от удушения в отделении милиции, обратился к адвокату – представителю вдовы Аношина, с просьбой направить ему список необходимых мер для раскрытия этого преступления.

Однако даже в тех случаях, когда заявители указывают следователям на источник доказательств и ходатайствует о проведении конкретных следственных действий, следователи не всегда проводят такие действия или проводят их несвоевременно. Случается, что следователи представляют не соответствующие действительности объяснения относительно невозможности допросить тех или иных лиц или приобщить к материалам дела те или иные документы.

Например, в ходе расследования жалоб Михеева на пытки в милиции (Нижегородская область), представители пострадавшего ходатайствовали о допросе свидетеля В., который мог бы сообщить информацию о наличии у Михеева телесных повреждений. Следователь прокуратуры согласился с ходатайством, но сам допрашивать свидетеля не стал. Он направил указание о проведении допроса в то отделение милиции, где пытали Михеева. Реализация этого указания была поручена сотруднику О., предположительно участвовавшему в пытках. Этот сотрудник доложил, что он несколько раз пытался допросить В., но не мог найти его по месту жительства. Следователь не стал перепроверять сведения, полученные от сотрудника милиции О., и принял решения о прекращении расследования. В последствии В. сообщил представителю Михеева, что постоянно находился по месту жительства, поскольку является инвалидом, пользующимся коляской. Кто-то, представившийся следователем, звонил ему один раз и говорил, что должен с ним поговорить. В. согласился ответить на вопросы, но ему никто не перезвонил, и допрос, которого он ожидал, проведен не был.

Необоснованное затягивание расследования

Действующее законодательство предоставляет прокуратуре возможности быстрого расследования случаев пыток. Но правозащитным организациям известен лишь один случай, когда органы прокуратуры обнаружили признаки состава преступления в действиях лиц, совершивших пытки, и незамедлительно возбудили уголовное преследование без обращения пострадавших или правозащитных организаций.

Так, в течение суток, после получения информации из лечебного заведения о поступлении туда и смерти от телесных повреждений, характерных для пыток, студента Лихачева, прокуратура г. Йошкар-Олы (Республика Марий Эл) установила обстоятельства совершения пытки и виновных в ней офицеров Заречного отдела милиции г. Йошкар-Олы, которые незамедлительно были задержаны, помещены в место изоляции, а после предъявления им в течение нескольких суток обвинения, - арестованы.

Примеры оперативного реагирования прокуратуры на заявления граждан о пытках, зарегистрированных правозащитными организациями, также единичны.

Так, в течение трех месяцев со дня совершения в летнем лагере отдыха пытки над несовершеннолетним подростком – воспитанником детского дома – Павловым, милиционеры Ушков и Халитов были осуждены. Уголовное дело в отношении них возбуждено органами прокуратуры незамедлительно и оперативно расследовано в установленные законом сроки (Республика Татарстан).

В иных случаях, зарегистрированных правозащитными организациями, органы прокуратуры производили расследование без надлежащей поспешности. Типичные виды отступлений от принципа быстрого расследования можно перечислить.

Так, выше уже отмечалось, что в ряде случаев следователи безосновательно откладывают осуществление необходимых следственных действий, что приводит к затягиванию срока расследования в целом.

Например, в течение полутора лет после начала расследования жалобы Михеева (г. Нижний Новгород) на пытки прокуратура отказывалась установить личности и допросить пациентов и врачей больницы, в которой пострадавшему оказывалась медпомощь. Ко времени проведения этих следственных действий, которые были исполнены после многочисленных жалоб Михеева и его представителя на бездействие прокуратуры, свидетели частично забыли подробности события.

Кроме того, нередко сотрудники прокуратуры нарушают установленные процессуальные сроки. Так, проверка жалоб на пытки зачастую проводится не в трех, а в десятидневный срок. Прокуратура не всегда соблюдает установленные сроки расследования.

Прокурором г. Павлово (Нижегородская область) трижды, 4, 12, и 24 февраля 2004 г., удовлетворялись ходатайства своего старшего помощника о продлении срока проверки сообщения Канахина (жалоба на пытки в милиции) до 10 суток. Всего предварительная проверка продолжалась в течение 31 суток, хотя в соответствии с частью 3 статьи 144 УПК РФ допускается продление срока принятия решения по сообщению о преступлении 1 раз на 7 суток (до 10 суток).

Необоснованное затягивание расследования жалоб на пытки в ряде случаев обусловлено тем, что следователи прокуратуры принимают незаконные решения о приостановлении расследования.

Например, 3 июля 2005 г. следователь прокуратуры Ингодинского района г. Читы (Читинская область) незаконно приостановил расследование жалобы несовершеннолетнего Головина на пытки. Все обстоятельства происшедшего не были

установлены в ходе расследования до прекращения работы по делу, хотя имелись все основания и возможности для проведения следственных действий. До возобновления расследования вышестоящей прокуратурой работа по делу не велась полтора месяца. Представители потерпевших не получили никаких объяснений по поводу причин приостановления расследования.

Необъективность оценки доказательств, вынесение необоснованных решений по делам о пытках

Как показывает анализ решений, выносимых органами прокуратуры по результатам расследований жалоб на пытки, сотрудники прокуратуры часто исходят из уверенности в ложности таких жалоб. При этом данные, указывающие на то, что факт пыток, возможно, имел место (например, наличие телесных повреждений), органами следствия могут игнорироваться.

В отменном судом незаконном постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела от 7 июня 2004 г. по жалобе Головиной об избиении ее сына сотрудниками милиции следователь прокуратуры Ингодинского р-на Читинской области сделал вывод, что Головина «решила оклеветать» сотрудников УБОП. В обосновании этого вывода было положено то обстоятельство, что с заявлением о незаконных действиях сотрудников милиции Головина обратилась через полтора месяца после задержания ее сына (отметим, что закон не вводит ограничения сроков для обращения с жалобой на пытки).

В постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела от 30 декабря 2002 г., вынесенном помощником прокурора г. Йошкар-Олы (Республика Марий Эл) И., жалоба Орлова о пытках отвергается на том основании, что она была написана пострадавшим на момент, когда официально он имел по уголовному делу статус обвиняемого, и расценена как способ защиты от предъявленного обвинения.

Кроме того, прокуратура в ряде случаев отклоняет как недостоверные показания свидетелей, не являющихся сотрудниками милиции, хотя одновременно некритично относится к показаниям сотрудников милиции, в том числе и тех, на которые указывает пострадавший как на участников пыток. Иногда органы прокуратуры просто игнорируют доказательства, подтверждающие версию пострадавших. В целом, выводы, которые делают органы прокуратуры по результатам расследования жалоб на пытки, не всегда дают убедительную и непротиворечивую картину произошедшего.

При расследовании жалобы на пытку Вольского прокуратура Лазаревского района г. Сочи положила в основу процессуальных решений об отклонении жалобы и отстаивании позиции в судах показания сотрудников милиции Басик и Фоменко. В своих показаниях Басик и Фоменко утверждали, что пострадавший сам нанес себе побои в их присутствии, в здании РОВД, причинив себе многочисленные ушибы различных частей тела, переломы носа и ребра.

При расследовании жалобы Очелкова на избиение в отделении милиции г. Заволжье (Нижегородская область), следователь пришел к выводу о том, что Очелкова никто не бил, а он сам ударился головой о книжную полку. При этом следователь не обратил внимание на то, что в показаниях сотрудников милиции не было каких-либо указаний на то, что задержанный Очелков в их присутствии обо что-то ударился. Кроме того, следователь проигнорировал тот факт, что судебно-медицинская экспертиза обнаружила у Очелкова не только травмы головы, но и многочисленные ушибы на руках, ногах и туловище. Очевидно, что все эти травмы не могли быть получены при однократном ударе головой о книжную полку.

Отсутствие действенных мер правовой защиты от нарушения обязательства проводить эффективное расследование: практика пинг-понга

Как уже описывается выше, проверки и расследования жалоб на пытки нередко бывают недостаточно тщательными и проводятся с необоснованными задержками. Более того, по результатам таких некачественных проверок и расследований зачастую выносятся необоснованные решения, в которых без достаточных аргументов и доказательств жалоба на пытки отклоняется.

Отсутствие надлежащего расследования или проверки, а так же необоснованное решение по жалобе на пытки может быть обжаловано в вышестоящий орган прокуратуры или в суд. Правозащитные организации отмечают, что во многих случаях высшие прокурорские инстанции и суды соглашались с позицией жалобщика, отменяют незаконные решения и направляют дело на дополнительную проверку или расследование. Нередко эти органы дают конкретные указания о том, какие следственные или проверочные действия необходимо предпринять. Эти указания выполняются далеко не всегда, дополнительные проверочные или следственные действия часто не проводятся, что не мешает следователям вновь выносить необоснованные постановления. Заявитель вновь обжалует незаконное решение, суд или вышестоящая прокуратура опять с ним соглашались и вновь возвращает дело на дополнительную проверку или расследование. Это так называемая практика «пинг-понга», когда жалоба на пытки годами перемещается из одной инстанции в другую, не находя окончательного разрешения.

Например, разбирательство по жалобе Исакова на пытки в отделе по борьбе с организованной преступностью г. Нижнего Новгорода длилось более трех лет. За это время по делу было вынесены, а затем отменены как незаконные, одно постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и четыре постановления о прекращении уголовного дела. Процесс обжалования и отмены незаконных решений по делу занял больше времени, чем было потрачено на следственные действия.

Практика «пинг-понга» во многом обусловлена безнаказанностью следователей, не соблюдающих принцип эффективного расследования. Вышестоящие прокуроры не используют всех предоставленных им Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и УПК РФ надзорных полномочий для пресечения нарушений, допускаемых подчиненными им прокурорами и следователями. Ограничиваясь отменой очевидно незаконных процессуальных решений по жалобам пострадавших, прокуроры уклоняются от исполнения установленной Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» обязанности устанавливать причины, по которым следователь или прокурор не выполнили возложенные на них законом обязанности, и при наличии вины ставить вопрос об их ответственности.

Вопрос о привлечении к ответственности должностных лиц прокуратур, виновных в принятии многочисленных незаконных процессуальных решений, существенно ущемляющих права пострадавших, обычно не ставятся. На фоне многочисленных нарушений прав граждан на эффективное расследование, правозащитными организациями (Республики Марий Эл, Коми, Башкортостан, Татарстан, Краснодарском и Пермском краях, Нижегородской, Читинской, Оренбургской, Свердловской и Тверской областях) зафиксированы единичные факты привлечения к дисциплинарной ответственности следователей и прокуроров за неоднократное принятие незаконных процессуальных решений по делам о пытках. Данные об установлении вышестоящими прокурорами причин нарушений, допускаемых их подчиненными, и сведений об этих причинах в правозащитные организации, участвующих в подготовке доклада, из официальных источников не поступали.

Независимость расследования

Причины неэффективности расследований по жалобам на пытки, совершенных сотрудниками милиции, обусловлены в первую очередь тем, что прокуратура не обладает должной степенью независимости.

Законом на прокуратуру возложены одновременно функции по уголовному преследованию и функции по надзору за законностью следствия, дознания и оперативно-розыскной деятельности (ОРД).⁶⁸ В рамках деятельности по уголовному преследованию, органы прокуратуры ведут расследование различных видов преступлений,⁶⁹ а также представляют государственное обвинение в суде, в том числе и по тем делам, по которым следствие осуществлялось другими органами (например, милицией).⁷⁰ Представляя обвинение в суде, прокурор опирается на данные, которые были получены в ходе следствия и ОРД. Выявляя нарушения (в том числе пытки) при проведении следствия и ОРД, прокуратура ставит под сомнение доказательства по уголовному делу и подрывает позицию обвинения (свою позицию) в суде.

На практике конфликт между функцией уголовного преследования и функцией надзора за дознанием и следствием чаще всего разрешается в пользу укрепления позиций обвинения, нежели разбирательства жалоб подозреваемых и обвиняемых на пытки и иные нарушения. При опросе сотрудников прокуратуры в 10 регионах России⁷¹ было установлено, что сотрудники прокуратуры своей основной задачей считают преследование преступников. Приоритетом при надзоре за законностью следствия, дознания и ОРД они считают обеспечение учета преступлений, а не борьбу с нарушениями прав подозреваемых и обвиняемых. Ряд респондентов, сотрудников прокуратуры, высказывали пренебрежительное отношение к жалобам граждан на сотрудников милиции, объясняя, что посредством жалоб (в том числе на пытки и незаконное давление) подозреваемые и обвиняемые пытаются уйти от ответственности за совершенные преступления или выражают свою обиду на то, что их привлекли к уголовной ответственности.

Эта проблема, в частности, вызвала озабоченность Комиссии по правам человека при Президенте РФ. В пояснительной записке к пакету предложений Комиссии, направленных на совершенствование государственных, судебных и гражданских (общественных) механизмов контроля и ответственности, гарантирующих соблюдение законности и прав человека в деятельности правоохранительных органов и в силовых структурах, указывается на конфликт функций прокуратуры, приводящий к безнаказанности за пытки и другие нарушения прав человека.

Таким образом, можно утверждать, что рекомендации Комитета против пыток ООН по поводу обеспечения безотлагательного, беспристрастного и исчерпывающего расследования многочисленных утверждений о применении пыток, переданных властям, а также судебное преследование и, в надлежащих случаях, наказание виновных, в полной мере Правительством России не были реализованы. Мер по повышению независимости расследования так и не было принято.

Расследование пыток в пенитенциарных учреждениях

Насилие в отношении заключенных со стороны администрации пенитенциарных учреждений, как правило, не ставит своей целью облегчить правоохранительным органам расследование общеуголовных преступлений. В связи с этим, можно было бы предполагать, что прокуратура, не имеющая иерархических или функциональных связей с пенитенциарными

⁶⁸ Ст. 1 Закона «О прокуратуре».

⁶⁹ Ст. 31 Закона «О прокуратуре», ст. 151 УПК РФ.

⁷⁰ Ст. 35 Закона «О прокуратуре», ст. 37 УПК РФ.

⁷¹ Опрос проводился Центром «Демос» и его партнерами в республиках Адыгея, Татарстан и Коми, Алтайском и Красноярском краях, а так же в Свердловской, Воронежской, Нижегородской, Тверской и Пермской областях.

органами, расследовала бы сообщения о пытках в пенитенциарных учреждениях более эффективно, чем жалобы на пытки со стороны милиции.

Так же как и в случае с расследованием жалоб на пытки в милиции, не имеется полной официальной статистики о расследовании таких жалоб в отношении сотрудников пенитенциарных учреждений. Очень немногим правозащитным организациям в регионах России удалось получить от органов прокуратуры информацию о работе с жалобами на пытки в местах заключения.

В письме, направленном прокуратурой Тверской области в ответ на запрос Тверского отделения общества «Мемориал», сообщалось, что в первом полугодии 2005 г. прокуратура получила 175 жалоб по вопросам соблюдения законности при исполнении уголовных наказаний, из которых были призваны обоснованными только шесть. По данным прокуратуры, ежегодно они получают от 15 до 20 жалоб от заключенных на жестокое обращение со стороны администрации пенитенциарных учреждений. Прокуратура также сообщила, что в 2002-2005 гг. преступления против жизни и здоровья осужденных в исправительных учреждениях Тверской области сотрудниками учреждений не совершались. Уголовные дела по этому поводу не возбуждались и на рассмотрение в суд не направлялись.

Возможно, что данная информация свидетельствует о необоснованности всех жалоб заключенных Тверской области на пытки или жестокое обращение. Однако в равной степени это может свидетельствовать об отсутствии эффективного расследования по жалобам заключенных.

Правозащитные организации в различных регионах России отметили отдельные случаи привлечения к уголовной ответственности сотрудников пенитенциарных учреждений за жестокость в отношении заключенных и иные должностные преступления. Однако такие случаи единичны, их существенно меньше, чем случаев привлечения к уголовной ответственности за пытки сотрудников милиции.

Получить более точное представление о практике расследования можно было бы, изучив конкретные примеры реакции органов прокуратуры на сообщения о пытках в пенитенциарных учреждениях. Однако правозащитные организации зачастую не располагают доступом к материалам официальных проверок и расследований и могут строить свои выводы лишь на официальных сообщениях органов прокуратуры и на повторных жалобах заключенных.

Например, по данным «Движения за права человека» 16 сентября 2002 г. сотрудники СИЗО №1 г. Иркутска во время проведения обыска избили 53 заключенных. Прокуратура Иркутской области сразу сделала заявление о том, что действия сотрудников СИЗО являются превышением должностных полномочий. Было вынесено постановление о возбуждении уголовного дела. Однако уже 20 сентября, то есть после четырех дней расследования, прокуратура признала действия сотрудников «правомерным использованием спецсредств». Остается непонятным, каким образом сотрудникам прокуратуры за этот срок удалось организовать допросы и медицинское освидетельствование 53 избитых заключенных, или же эти действия органами прокуратуры вообще не проводились.

Коми Правозащитная комиссия «Мемориал» сообщила, что прокуратура Республики Коми отказывается от серьезного расследования фактов нарушения прав человека внутри учреждений исполнения наказания. Например, по факту насилия в отношении заключенных со стороны работников УФСИН в учреждении ОС 34/1, которые имели место 3 апреля 2003 г., прокуратура Республики Коми, проведя проверку, заявила, что факты избиений после актов членовредительства не подтвердились. При этом прокуратура признала факты применения силы, но посчитала такие формы насилия, как прыгание на спинах заключенных, законными.

На основании этих и других примеров реагирования органов прокуратуры на сообщения о пытках и жестоком обращении в местах лишения свободы, можно сделать вывод, что проверки и расследования по таким сообщениям страдают теми же недостатками, что и проверки и расследования на жалобы о пытках в милиции. Такие проверки недостаточно тщательны, а их результаты выглядят предвзятыми и необубедительными. При этом, по сравнению с пострадавшими

от пыток в милиции, заключенные располагают гораздо меньшими возможностями обжаловать необоснованные решения органов прокуратуры и добиваться полноценного расследования. Заключенный находится под непосредственным контролем сотрудников пенитенциарного учреждения, которые могут блокировать подачу жалоб против них самих или оказывать давление на жалобщика (более детальная информация о возможностях заключенных подать жалобу и о практике защиты жалующихся заключенных от давления и преследований содержится в Статье 13 настоящего Доклада).

Причины низкой эффективности проверок и расследований по жалобам заключенных на пытки и жестокое и унижающее обращение обусловлены рядом факторов. В частности, медицинский персонал пенитенциарных учреждений представлен не независимыми гражданскими врачами, а служащими УФСИН, подчиненными начальнику пенитенциарного учреждения. В этих условиях сложно ожидать своевременного и полного фиксирования травм заключенных. В свою очередь, отсутствие медицинских доказательств существенно ограничивает возможности прокуратуры расследовать случаи пыток в местах лишения свободы. Помимо этого, очевидно, что в условиях закрытых учреждений прокуроры могут столкнуться с трудностями в получении свидетельских показаний. Известны случаи, когда от первоначальных объяснений отказываются как свидетели, так и сами жалобщики.

Например, в ходе расследования фактов получения телесных повреждений несовершеннолетним О. в июле 2002 г. в СИЗО г. Нижнего Новгорода, заключенный П. сообщил сотруднику прокуратуры, что применял насилие к О. по указанию одного из сотрудников СИЗО. Через несколько дней П. из СИЗО направил в прокуратуру письмо, в котором отказывался от своих показаний.

Вместе с тем, кроме объективных трудностей, негативно влияющих на эффективность прокурорского расследования случаев пыток в пенитенциарных учреждениях, правозащитные организации отмечают определенную пристрастность сотрудников прокуратуры. Создается впечатление, что сотрудники прокуратуры считают, что если заключенные – это преступники, то их жалобы заведомо ложные, и, вообще, особо заботиться о благополучии этих людей нецелесообразно. Эту позицию, в частности, отражает публикация в одной из тверских газет, в которой прокуратура рассказывала о своей работе по надзору за законностью в местах лишения свободы. В этой статье указывалось:

«О нарушениях прав осужденных сейчас принято говорить с самых высоких трибун. Целая клика правозащитников с пеной у рта повествует об ужасах, творящимися за стенами исправительных учреждений, как будто это самое большое несовершенство российской действительности. Герой дня ныне – человек, наплевавший на закон, перешагнувший социальные нормы, и в наше сознание усилено внедряется мысль о его бедственном положении...»⁷².

Расследование пыток в вооруженных силах

В соответствии с пунктом 8 статьи 48 Закона «О прокуратуре РФ»:

«Офицеры органов военной прокуратуры имеют статус военнослужащих, проходят службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, Федеральной пограничной службе Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» и обладают правами и социальными гарантиями, установленными Федеральным законом «О статусе военнослужащих» и настоящим Федеральным законом».

В соответствии с пунктом 2 статьи 49 Закона «О прокуратуре РФ»:

⁷² Виноградова Е. Вскормленный в неволе не всегда орел //Горожанин. – 2005, № 174.

«Выплата денежного довольствия производится Министерством обороны Российской Федерации, командованием Федеральной пограничной службы Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов».

Таким образом, военные прокуроры непосредственно связаны с командованием воинских подразделений.

С точки зрения Комитетов солдатских матерей, наличие таких связей умаляет независимость военной прокуратуры и негативно сказывается на качестве расследования пыток и жестокого обращения в вооруженных силах. Комитеты солдатских матерей свидетельствуют, что в большинстве случаев расследование по жалобам военнослужащих на пытки и жестокое, унижающее обращение в воинской части проводится прокурорами или следователями гарнизонной военной прокуратуры поверхностно. При этом чувствуется зависимость решений по жалобам военнослужащих, особенно на пытки со стороны офицеров воинской части, от командования воинской части и гарнизона. Командование заинтересовано в сокрытии преступлений в воинском подразделении.

На основе анализа конкретных случаев Комитеты солдатских матерей указывают на наиболее распространенные способы сокрытия пыток и жестокого обращения в армии:

- фиксирование травм как причиненных по личной неосторожности;
- фальсификация материалов расследования;
- принуждение пострадавших и очевидцев к даче ложной информации об обстоятельствах происшедшего.

Очень показательным в части ведения расследования военной прокуратурой и вынесения решения военным судом является дело по жалобе военнослужащего А. Ливенцова. А. Ливенцов обратился с жалобой в военную прокуратуру Нижегородского гарнизона на применение к нему неуставных отношений, которые могут быть признаны пыткой со стороны заместителя командира воинской части майора Мерзлякова. Он также подал иск в военный суд Нижегородского гарнизона о возмещении ему морального вреда.

В конце 2001 г., А. Ливенцов обратился в Нижегородский гарнизонный суд с иском о возмещении морального вреда и одновременно подал заявление о преступлении в военную прокуратуру Нижегородского гарнизона. В заявлении говорилось о применении к нему противоправных и жестоких методов «воспитания» со стороны майора Мерзлякова: «...Майор Мерзляков неоднократно угрожал мне физической расправой, обещал определить в психбольницу, заставлять одевать противогаз, хим.защитный костюм и в течение двух часов бегать по плацу с «вещевым мешком», в котором находились семь кирпичей...Он брал меня за ворот одежды, стягивал сильно ворот, так что трудно было дышать, и ударял об стену 3-4 раза...В конце зимы Мерзляков избил меня. Дальнейшая служба проходила под постоянными угрозами и нецензурной бранью». Прокуратура семь раз выносила решение об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобе. Данные постановления были вынесены на основании формальных проверок, проведенных в воинской части и содержали одно и то же заключение: «каких-либо данных, свидетельствующих о применении к А. Ливенцову неуставных отношений, не выявлено». При ознакомлении представителем Ливенцова с материалами этих проверок были выявлены множественные нарушения: все показания свидетелей, сослуживцев Ливенцова, были взяты самим майором Мерзляковым, все объяснительные совпадали вплоть до знаков препинания, т.е. были написаны явно под диктовку. По данному делу было направлено 19 жалоб в суд на действия и бездействия следователя и прокурора военной прокуратуры. В процессе разбирательства из материалов дела неизвестным образом исчезло часть доказательств. После четырех лет прокурорских проверок и судебных разбирательств в 2005 г. майор Мерзляков уволился с военной службы и остался невиновным во всех преступлениях, которые он совершил в воинской части. Впоследствии стало известно, что заместитель военного прокурора, который проводил все следственные мероприятия по делу майора Мерзлякова, и командир воинской части, где служил Мерзляков, были хорошими приятелями и жили по соседству на одной площадке в доме, расположенном на территории воинской части Нижегородского военного гарнизона. Нижегородский гарнизонный суд отказал в возмещении морального

вреда Ливенцову, которого воспитательные методы Мерзлякова довели до психического заболевания, и он был уволен по этому заболеванию с военной службы.

По мнению Комитетов солдатских матерей, военная прокуратура по-разному относится к делам о применении пыток военнослужащими по призыву и кадровыми офицерами. Дела по применению пыток военнослужащими по призыву чаще расследуются и передаются в суд, а дела по применению пыток офицерами в большинстве случаев закрываются на стадии предварительного расследования за отсутствием состава преступления. Командование, не принимающее в своем воинском подразделении мер по предотвращению пыток, привлекается к ответственности только тогда, когда случаи пыток стали достоянием гласности и получили широкий общественный резонанс.

Статья 13⁷³

Каждое государство-участник обеспечивает любому лицу, которое утверждает, что оно было подвергнуто пыткам на любой территории, находящейся под юрисдикцией этого Государства, право на предъявление жалобы компетентным властям этого Государства и на быстрое и беспристрастное рассмотрение ими такой жалобы. Предпринимаются меры для обеспечения защиты истца и свидетелей от любых форм плохого обращения или запугивания в связи с его жалобой или любыми свидетельскими показаниями.

В 2002 г. Комитет ООН против пыток, рассмотрев Третий периодический доклад РФ о соблюдении Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, в частности, рекомендовал обеспечить защиту лиц, представивших жалобы о применении пыток, и их свидетелей от преследований.

Право на подачу жалобы на пытки

Действующее законодательство РФ представляет пострадавшим от пыток, а так же их родственникам и представителям, обращаться к органам государства с жалобами на пытки и жестокое и унижающее обращение. В рамках российской правовой системы эти нарушения, как правило, рассматриваются как уголовно-наказуемое превышение должностных полномочий, следовательно, исходя из смысла действующих законов, органы власти должны рассматривать жалобы на пытки как сообщения о совершении преступлений.

Право на подачу жалобы в государственные органы и право на защиту законом от злоупотреблений должностных лиц, а также доступ к правосудию, закреплены конституционными нормами. Установлено, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, в том числе посредством обращения в суд, а также прибегнуть к квалифицированной юридической помощи, в том числе и бесплатно в случаях, установленных законом. Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.⁷⁴

Порядок реализации гражданином права на обращение в компетентные государственные органы за защитой прав, нарушенных в результате преступлений, и обязанности государственных органов и должностных лиц осуществлять эффективную защиту прав граждан, - предусмотрены, в частности, действующим УПК РФ, Гражданским кодексом России (ГК РФ) и гражданско-процессуальным законодательством, а также законодательством, определяющим статус, права и обязанности ряда государственных органов⁷⁵, а также целым рядом ведомственных нормативно-правовых актов⁷⁶.

⁷³ Данный раздел доклада подготовлен Фондом «Общественный вердикт» и Исследовательским центром «Демос». При написании раздела использовалась информация, полученная из СМИ и от НПО: Фонд «Социальное партнерство», Союз комитетов солдатских матерей России, Нижегородский Комитет против пыток, Красноярский Общественный комитет по защите прав человека, Пермский региональный правозащитный центр, Правозащитный Центр города Казани, Йошкар-Олинская организация «Человек и Закон», Коми региональная Комиссия по защите прав человека «Мемориал», Мордовский республиканский правозащитный центр, Институт общественных проблем «Единая Европа», Тверское региональное отделение Российского общества «Мемориал», Краснодарская организация «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных», Союз правозащитных организаций Свердловской области, Читинский правозащитный центр.

⁷⁴ Ст. ст. 17, 18, 19, 24, 29, 45, 46, 47, 48, 50, 52, 53, 55, 56 Конституции Российской Федерации.

⁷⁵ Законы «О милиции», «О Прокуратуре РФ».

⁷⁶ Например, приказ Генерального прокурора РФ от 26 июня 1997 г. № 34 «Об организации работы органов прокуратуры по борьбе с преступностью».

Расследование преступлений (включая пытки), совершенных сотрудниками правоохранительных органов, находится в компетенции органов прокуратуры. Законом «О прокуратуре РФ»⁷⁷ и УПК РФ⁷⁸ прокуратуре предоставлены широкие полномочия по проверке сообщений о преступлениях и проведению расследований. Закон запрещает прокуратуре пересылать жалобы в орган или должностному лицу, решения либо действия которых обжалуются. Закон устанавливает обязанность прокуратуры рассмотреть и принять решения по каждой жалобе на преступление, включая жалобы на пытки. В соответствии с УПК РФ, органы прокуратуры могут возбудить уголовное дело по жалобе на пытки, равно как и по другому сообщению о преступлении. Если жалоба не содержит достаточной информации, указывающей на признаки преступления, органы прокуратуры могут провести проверку. Установленный законом срок проверки равен 3 дням. В исключительных случаях он может быть увеличен до 10 дней. Проверка по заявлению о совершении преступления, в ходе которой решается вопрос о возбуждении уголовного дела, носит предварительный характер. Если в ходе проверки будут получены данные, указывающие на признаки преступления, то органы прокуратуры должны принять решение о возбуждении уголовного дела и начать расследование. В противном случае выносится решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

В соответствии с действующими правовыми нормами прокуратура должна давать мотивированный ответ на заявление, жалобу и иное обращение (в том числе на обращение о пытках). Если в удовлетворении заявления или жалобы отказано, заявителю должны быть разъяснены порядок обжалования принятого решения, а также право обращения в суд, если таковое предусмотрено законом.

Для того чтобы обеспечить право на подачу жалобы о преступлении даже в тех случаях, когда конкретный заявитель имеет трудности с доступом к органам прокуратуры, ведомственными нормативными актами установлен порядок, при котором лицо круглосуточно может подать жалобу на пытки в любой правоохранительный орган, полномочный проводить расследования, независимо от его ведомственной принадлежности. Урегулированы правила, обеспечивающие своевременную передачу жалобы на преступление в надлежащий орган (прокуратуру) с учетом ее подследственности.⁷⁹

Законодательство предусматривает дополнительные гарантии права на подачу жалобы для лиц, находящихся в ИВС, СИЗО и местах отбывания наказаний.

Так, в соответствии с действующими правилами, администрации места лишения свободы запрещено цензурировать заявления и жалобы заключенных, адресованные прокурору, в суд или иные органы государственной власти, которые имеют право контроля за местами лишения свободы. 8 декабря 2003 г. в УИК РФ и Закон «О содержании под стражей...» были введены нормы, согласно которым, заявления и жалобы, адресованные Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъектах Российской Федерации, в Европейский Суд по правам человека, также не подлежат цензуре. Несомненно, эти нововведения способствуют обеспечению прав лиц, лишенных свободы, обращаться с жалобами, в том числе и с жалобами на пытки.

Вместе с тем, установленная процедура подачи заключенным жалоб в контролирующие органы и в органы защиты прав человека не позволяет полностью исключить возможность вмешательства представителей администрации в виде ознакомления с содержанием жалобы и уклонения от передачи жалобы адресатам. В соответствии с пунктом 91 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы⁸⁰, прием жалоб и заявлений заключенных осуществляет сотрудник администрации СИЗО, и именно администрация переправляет жалобы заключенных адресату. При этом заключенный не обладает реальной возможностью проверить, насколько добросовестно администрации учреждения следует запрету на цензуру жалоб и выполняет обязанности по направлению жалоб адресатам. Аналогичным образом урегулирован порядок подачи жалоб заключенных, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

⁷⁷ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре РФ».

⁷⁸ Ст. 151 УПК РФ.

⁷⁹ Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России и др. от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений».

⁸⁰ Утверждены Приказом Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189.

Кроме жалоб в органы, обладающие правом контроля над местами содержания под стражей, заключенные вправе направлять свои жалобы в другие органы государственной власти и местного самоуправления, а так же отсылать корреспонденцию своему адвокату. По действующим правилам, эта корреспонденция подлежит цензуре со стороны администрации места лишения свободы. Администрация должна рассмотреть эти сообщения и направить по принадлежности не позднее трех дней с момента их подачи заключенным. Приказом Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189 были утверждены новые Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы. В пункт 96 этих Правил включена норма, позволяющая сотрудникам администрации СИЗО не отправлять жалобу заключенного в иные органы власти, если администрация может решить вопрос сама на месте. Круг вопросов, которые администрация может назвать «решаемыми на месте», не определен. Потенциально к этому кругу могут быть отнесены все жалобы, в том числе жалобы на пытки и жестокое обращение, заключенных на администрацию СИЗО в целом или на ее отдельных сотрудников. Таким образом, это правило предоставляет недобросовестным сотрудникам возможность не направлять жалобы заключенных за пределы СИЗО. В пункте 96 указывается, что жалобы, которые могут быть разрешены на месте, не направляются адресату при согласии автора жалобы. Вместе с тем, представляется, что администрация СИЗО, в случае необходимости, может получить формальное согласие от заключенного, находящегося под ее полным контролем.

В течение отчетного периода были доработаны нормы, связанные с возможностью заключенных получать ответы на жалобы. Так, 8 июля 2002 г. Приказом Минюста России № 191 в Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений были внесены изменения, устанавливающие гарантии получения и право хранения осужденными ответов на жалобы, а также регламентирующие период (три дня после поступления в учреждение), в течение которого ответ должен быть предоставлен заключенному.

Кроме возможности подать письменную жалобу, заключенные в ИВС, СИЗО и местах отбывания наказания могут лично озвучить или передать жалобу чиновникам министерств или прокуратуры, которые посещают места лишения свободы с целью выявления и устранения нарушений закона и прав заключенных.

Как и другие граждане России, военнослужащие могут обратиться в органы прокуратуры с жалобой на совершенные в их отношении преступления. Кроме того, действующее законодательство России содержит ряд дополнительных положений, касающихся подачи жалоб военнослужащими.

Так, в соответствии со статьей 116 Главы 5 Дисциплинарного устава, в случае подачи военнослужащим жалобы командиру (начальнику), командир «должен чутко и внимательно отнестись к поступившей жалобе. Он несет личную ответственность за своевременное рассмотрение жалобы». А в соответствии со статьей 21 Закона № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г., военнослужащий, пострадавший от противоправных действий сослуживцев, имеет право на обращение в суд в защиту своих прав и законных интересов.

Практическая возможность подать жалобу на пытки. Имеющиеся трудности

Законодательное закрепление права и возможности лица, подвергнувшемуся пытке, подать жалобу в любое время в любой государственный правоохранительный орган, а также ознакомиться с материалами расследования и обжаловать принятое решение, в том числе и в судебном порядке, на практике влечет за собой то обстоятельство, что воспрепятствование гражданину со стороны представителей государства в подаче жалобы обычно носит явно противоправный характер.

Правозащитными организациями известны случаи, когда сотрудники милиции препятствовали пострадавшим обратиться с подобного рода жалобами. В частности, были отмечены случаи нарушения порядка передачи поданной жалобы на рассмотрение надлежащему органу (прокуратуре) в виде оказания прямого физического противодействия, в виде применения незаконного административного задержания, а также в виде дискредитации лица, пытающегося

подать жалобу на пытки или жестокое или унижающее обращение со стороны сотрудников милиции. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры:

Видякин был жестоко, с применением гаечного ключа, избит офицером милиции Кашиным отдела милиции на станции Серов Свердловской области. При помощи избия Кашин пытался воспрепятствовать обращению Видякина с жалобой на милиционера Егорова. Когда же Видякин обратился с заявлением о его избии милиционером Кашиным в территориальное управление внутренних дел, должностные лица, обязанные законом передать его заявление на рассмотрение прокурору, передали сообщение о преступлении на рассмотрение начальнику Кашина и препроводили к нему Видякина. В результате, объяснения Видякина о происшедшем были изложены в искаженном виде.

Для воспрепятствованию Сажину, прибывшему в УВД Республики Коми подать жалобу на жестокое обращение, которому он был подвергнут накануне сотрудниками милиции при незаконном помещении его в медицинский вытрезвитель, он был незаконно задержан милиционерами и насильно препровожден в приемник-распределитель, где содержался без объяснения причин в течение четырех часов, а также был незаконно привлечен к административной ответственности. Только после этого Сажин смог подать прокурору заявление о бесчинствах милиционеров.

С целью предупредить обращение Горбуля (г. Нижний Новгород) и Куманькова (г. Казань, Республика Татарстан) с жалобами на избия милиционерами, они были ложно обвинены в оскорблении сотрудников милиции и нападении на них.

Несмотря на наличие специальных гарантий для подачи жалоб, которые закон представляет заключенным, на практике лица, находящиеся в изоляции, испытывают в ряде случаев трудности в подаче жалобы либо не имеют такой возможности вообще.

Лица, помещенные в ИВС, могут столкнуться с проблемами как при попытке подать жалобу на пытки или жестокие действия сотрудников ИВС, так и на пытки, совершенные сотрудниками милиции до того, как задержанный был переведен из отделения милиции в камеру ИВС. Это связано, в частности, с тем, что ИВС и милиция принадлежат к одному ведомству. ИВС нередко располагается непосредственно в отделении милиции, а сотрудники милиции имеют доступ к помещенным туда задержанным. Например:

Милиционер Лапин (г. Грозный, Чеченская Республика), препятствуя подвергнутому им пытке Мурдалову обратиться с жалобой в правоохранительные органы, сфальсифицировал заявление от имени пострадавшего, заведомо ложно указав иные обстоятельства причинения ему телесных повреждений, другие процессуальные и служебные документы, а также вывез Мурдалова из ИВС в «неизвестном направлении». Местонахождение Мурдалова и его судьба до настоящего времени не установлены.

Следует отметить, что сотрудники прокуратуры, надзирающие за соблюдением прав задержанных в ИВС, не всегда должным образом реагируют на устные жалобы задержанных:

Гражданин Шишкин в своем заявлении о расправе над ним, учиненной 1 сентября 2003 г. сотрудниками Автозаводского РОВД г. Набережные Челны (Республика Татарстан), указал, что после пытки он был помещен в камеру. Находясь там, он слышал разговор между милиционерами, которые решили, что его надо убить, с тем, чтобы он не смог обратиться с жалобой на пытки. После этого они дважды насильно, с целью удушения, вводили ему в рот тряпку. Для спасения своей жизни Шишкин посчитал за благо «притвориться мертвым». Его устная жалоба на пытки, заявленная 2 сентября 2003 г. прокурору, была оставлена прокурором без надлежащего реагирования.

Лица, находящиеся в СИЗО и местах отбывания наказаний, обычно не сталкиваются с трудностями при направлении жалоб на пытки или жестокое обращение, которое имело место до

помещения в СИЗО или направления в исправительное учреждение. Вместе с тем, такие заключенные на практике, случается, сталкиваются с трудностями при попытке подать жалобу на администрацию пенитенциарного учреждения или ее сотрудников. В частности, в правозащитные организации от заключенных и их родственников поступают сообщения о том, что сотрудники администрации мест лишения свободы препятствуют подаче жалоб от заключенных:

Заключенные исправительного учреждения ИК-6 (Республика Марий Эл), жаловались на то, что сотрудники администрации этого учреждения препятствуют отправке их жалоб. Начальники отрядов не всегда регистрируют в журналах принятые от осужденных обращения в государственные органы, иногда отказывают в приеме обращений.

В январе 2004 г. Юрий Козлов, заключенный ИК № 1 в поселке Б. Перемерки (Тверская область), предпринял попытку отправить жалобу на неоказание ему администрацией учреждения медицинской помощи при приступах бронхиальной астмы. Сотрудники учреждения не отправили его жалобу по назначению, а самого Козлова водворили в штрафной изолятор на 15 суток. Козлов был вынужден обратиться к родственникам, чтобы они подали жалобу от его имени.

По мнению правозащитных организаций, осуществляющих регулярные посещения пенитенциарных учреждений и работающих с обращениями заключенных в Тверской и Пермской областях, в Республиках Коми и Татарстан, осужденные не обладают реальной возможностью обратиться с жалобой на пытки или жестокое и унижающее обращение со стороны администрации. Это несмотря на то, что закон запрещает подвергать цензуре письма осужденных, направляемых в органы прокуратуры, вышестоящие органы системы исполнения наказаний, уполномоченным по правам человека. В исправительных учреждениях, как правило, досматриваются все заявления и жалобы, направляемые в контролирующие органы. Как правило, такие жалобы передаются неофициальным путем (через родственников, адвокатов, освобождающихся из заключения и т. п.).

Вместе с тем, в некоторых регионах администрация пенитенциарных учреждений предпринимает меры для того, чтобы предотвращать препятствия к подаче заключенными жалоб со стороны отдельных сотрудников мест лишения свободы.

В исправительных учреждениях Краснодарского края были установлены почтовые ящики для обращений к Уполномоченным по правам человека.

Эффективность внутриведомственных инспекций мест лишения свободы, проводимых управлениями ФСИН России, различна в разных регионах страны. В частности, в некоторых регионах управления Федеральной службы исполнения наказаний (УФСИН) предпринимают усилия к тому, чтобы получать больше информации, заявлений и обращений от самих заключенных.

В Республике Марий Эл помощник начальника УФСИН по правам человека совместно с сотрудниками правозащитной организации «Человек и Закон» ежемесячно объезжает все пенитенциарные учреждения на территории республики и проводит личный прием осужденных, что способствует получению информации о нарушении прав человека в пенитенциарной системе и быстрому реагированию на жалобы заключенных.

Оценить качество ведомственного контроля за соблюдением прав и свобод заключенных в других регионах зачастую можно только на основании статистических данных.

Например, по запросу Мордовского республиканского правозащитного центра УФСИН по Республике Мордовия сообщил сведения о полученных жалобах заключенных и результатах их рассмотрения. Так, за 9 месяцев 2005 г. управление получило 160 заявлений и жалоб осужденных на действия сотрудников УИС, а за 9 месяцев 2004 г. – 116 заявлений и жалоб. По всем обращениям проведены проверки, которые показали, что факты, изложенные в жалобах, не подтвердились.

По мнению Фонда «Социальное партнерство» - организации, входящей в состав Общественного совета при Министре юстиции РФ и осуществляющей регулярные посещения мест лишения свободы, - эффективность деятельности органов прокуратуры, надзирающих за законностью при исполнении наказаний и законностью в СИЗО и местах отбывания наказаний, нельзя назвать высокой. Систематические проверки, которые прокуратура проводит в местах лишения свободы, направлены в основном на оценку качества оформления документов администрацией пенитенциарного учреждения. При этом реальное положение с правами заключенных остается без должного внимания.

Низкое качество работы органов прокуратуры по надзору за реализацией прав заключенных, в частности, выяснилось в ходе расследования массовых протестов в исправительном учреждении ОХ-30/3 в г. Льгов Курской области. В ночь на 27 июня 2005 г. свыше 200 осужденных совершили акты членовредительства, мотивируя свои действия протестом против систематического нарушения их прав со стороны администрации учреждения. Впоследствии к акции присоединились еще более 100 осужденных. Всего за медицинской помощью в медицинскую часть учреждения обратился 361 осужденный. К расследованию этого инцидента был привлечен Уполномоченный по правам человека в РФ и представители правозащитных организаций, включая сотрудников Фонда «Социальное партнерство». В ходе посещения учреждения были осмотрены журналы, в которых сотрудники прокуратуры должны были делать отметки о посещениях штрафных изоляторов. В журнале штрафного изолятора была обнаружена только одна запись проверяющего прокурора, в то время как по закону он должен посещать штрафной изолятор ежемесячно. Единственная запись была произведена в июне 2005 г. и констатировала отсутствие каких бы то ни было происшествий, хотя за 10 дней до этого более десятка заключенных нанесли себе порезы в знак протеста против произвола администрации. При наличии должной тщательности проверяющий прокурор не мог этого не заметить. В рамках расследования протестов заключенных была проведена встреча областного прокурора с осужденными. На этой встрече присутствовали представители правозащитных организаций. Во время встречи осужденные указывали на то, что некоторые заключенные применяют насилие по указанию администрации и указывали на конкретных виновников. Однако областной прокурор не только не реагировал на эти обращения, но и выражал агрессию в адрес тех, кто жаловался.

Результаты опроса бывших заключенных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях Тверской области, проведенном в 2003 г. Тверским отделением общества «Мемориал», свидетельствуют, что во время плановых проверок исправительного учреждения, прокурор не заходит в жилые сектора, не общается с заключенными. Сам визит длится недолго и обычно заканчивается обедом с офицерами из администрации исправительного учреждения.

Вместе с тем, по свидетельствам правозащитных организаций, в отдельных регионах страны работа органов прокуратуры по надзору за соблюдением прав заключенных является эффективной.

В частности, Красноярский «Общественный комитет по защите прав человека» указал, что работу органов прокуратуры Красноярского края можно оценить как удовлетворительную. Переправленные в прокуратуры жалобы осужденных, связанные с отбыванием наказания в виде лишения свободы, проверяются и по результатам проверки принимаются надлежащие меры прокурорского реагирования.

Аналогичную оценку деятельности органов прокуратуры Краснодарского края дала Межрегиональная общественная организация «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных»

Из приведенных примеров видно, что качество работы механизмов, предусмотренных для обеспечения возможности подать жалобу заключенному на пытки и жестокое обращение, равно

как и на другие нарушения, допускаемые в их отношении, зависят преимущественно от добросовестности и порядочности конкретных должностных лиц, выполняющих контрольные функции в конкретных регионах. Представляется, что система гарантий подачи жалоб на пытки со стороны заключенных должна быть усовершенствована с тем, чтобы она обеспечивала защиту заключенных вне зависимости от личных качеств и убеждений контролирующих чиновников.

Солдаты, проходящие военную службу по призыву, так же сталкиваются с проблемами, затрудняющими подачу жалоб на пытки и жестокое обращение. Однако эти трудности отличаются от тех проблем, с которыми могут столкнуться, например, заключенные.

В частности, военнослужащий не всегда может подать жалобу командиру своего подразделения, поскольку порою командующий состав сам осуществляет жестокое обращение по отношению к рядовым, или же терпимо относится к насилию между рядовыми, рассматривая эту практику как способ поддержания дисциплины в подразделении.

Использование возможности обратиться в прокуратуру, по мнению Комитетов солдатских матерей, существенно ограничивается крайне низким уровнем правовых знаний рядовых военнослужащих, а так же страхом давления и преследований в связи с поданной жалобой. Следует отметить, что солдаты боятся не только мести со стороны непосредственных виновников пыток или жестокого обращения, но и осуждения не причастных к таким нарушениям сослуживцев. Как отмечают представители Комитетов солдатских матерей, армейская субкультура такова, что к молодому солдату, направившему в соответствии с законодательством и Уставом жалобу, прочно прикрепляется звание «стукача», и все его сослуживцы начинают относиться к нему как к неприкасаемому, что делает дальнейшую службу солдата невыносимой в моральном плане. В качестве иллюстрации можно привести выдержки из письма, направленного 24 октября 2005 г. в Нижегородский Комитет солдатских матерей Владимиром Ереминым, военнослужащим воинской части 41684 (г. Подольск, Московская область):

«После чего я рассказал о случившемся (издевательствах) заму по воспитательной работе майору Козеку, была составлена бумага, но не сразу, а на следующий день. По этому поводу ничего не было предпринято, а на до мной стали издеваться еще больше за то, что рассказал... начали говорить, что я стукач... На какие бы мы работы ни шли, везде меня заставляли делать двойную работу. Затем начались рукоприкладства и издевательства...»

Разбирательство по жалобам на пытки и жестокое обращение.

Практика необоснованных отказов

Поскольку пытки и жестокое обращение рассматриваются российским законодательством как уголовно наказуемое превышение должностных полномочий, жалоба на пытки должна рассматриваться как сообщение о преступлении. Если сама жалоба и прилагаемые к ней материалы указывают на признаки преступления, должно быть принято решение о возбуждении уголовного дела и проведении расследования с целью точного установления обстоятельств дела. Если поданное сообщение о преступлении не содержит достаточной информации, компетентные органы могут провести проверку с целью уточнения данных о наличии признаков преступления. Проверка по заявлению о совершении преступления, в ходе которой решается вопрос о возбуждении уголовного дела, носит предварительный характер. Все противоречия и неточности, выявленные проверкой, должны проверяться и устраняться в ходе предварительного следствия.

Между тем, как отмечают правозащитные организации, занимающиеся юридической защитой жертв насилия со стороны милиции, работники прокуратуры в ряде случаев отказывают в возбуждении уголовного дела, несмотря на наличие в материалах проверки данных, указывающих на признаки преступления (например, медицинской документации, подтверждающей причинение телесных повреждений в период нахождения под стражей). При этом они ссылаются на недостаток данных, подтверждающих вину конкретных сотрудников милиции. Вместе с тем исходя из смысла действующего уголовно-процессуального законодательства, данные проверки и

не должны доказывать чью-либо виновность или противоправность чьих-либо действий. Вопрос о виновности конкретных лиц должен решаться в ходе расследования и судебного разбирательства.

Нередко необоснованные решения об отказе в возбуждении уголовного дела отменяется вышестоящей инстанцией. Однако в таких случаях следователи и районные прокуроры иногда вновь проводят проверку вместо возбуждения уголовного дела. Не возбуждая уголовного дела, сотрудники прокуратуры сами лишают себя процессуальной возможности для установления четкой картины происшедшего и устранения противоречий, возникших на стадии проверки. В результате ситуация, когда жалоба на пытки не находит законного разрешения, порой длится годами.

По уголовным делам по обвинению сотрудников милиции Гарифуллина, Сметанина (Республика Татарстан), Четвертакова (Нижегородская область) в должностных преступлениях, связанных с совершением насилия над гражданами и причинении им телесных повреждений, а также преступлениями против личности, были вынесены приговоры, подтверждающие факт их вины. Однако прежде чем начать расследование по этим делам, органы прокуратуры принимали незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовных дел за отсутствием в действиях должностных лиц правоохранительных органов состава преступления. Если бы заявители не обжаловали решения об отказе в возбуждении уголовного дела, указанные сотрудники милиции не предстали бы перед судом и ушли бы от ответственности за пытки.

Прокуратура г. Сыктывкара (Республика Коми) трижды незаконно отказывала в возбуждении уголовного дела по жалобам Сажина в отношении сотрудников милиции, указывая в своих постановлениях – «за отсутствием состава преступления». Все названные процессуальные решения отменялись по жалобам Сажина вышестоящей прокуратурой и судом. При принятии названных решений причинение телесных повреждений Сажину несостоятельно объяснялось правомерным применением к нему физической силы сотрудниками милиции в медвытрезвителе, а также действиями самого Сажина при его агрессивном поведении и оказании сопротивления.

Дважды следователем прокуратуры Первомайского р-на г. Ижевска (Республика Удмуртия) выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению Пасынкова о причинении ему телесных повреждений сотрудниками милиции.

При разрешении жалобы Очелкова, подвергавшегося пыткам в милиции, прокуратурой г. Балахны (Нижегородская область) было вынесено 9 незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, начиная с 2002 года. Каждое из этих постановлений отменялось вышестоящими инстанциями. Однако несмотря на это, прокуратура г. Балахны не предпринимала мер по возбуждению уголовного дела и проведению полноценного расследования и продолжала отказывать в возбуждении уголовного дела. Причем каждый последующий отказ по тексту совпадал с предыдущим и не содержал никаких аргументов, кроме тех, которые вышестоящая прокуратура уже признавала недостаточными и необоснованными.

В отменном судом незаконном постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела от 7 июня 2004 г. по жалобе Головиной об избииении ее сына сотрудниками милиции следователь прокуратуры Ингодинского р-на Читинской области сделал вывод, что Головина «решила оклеветать» сотрудников УБОП. В обосновании этого вывода положено то обстоятельство, что с заявлением о незаконных действиях сотрудников милиции Головина обратилась через полтора месяца после задержания ее сына, хотя закон какими-либо сроками подачу жалобы на пытки не ограничивает.

Аналогичные отказы в возбуждении уголовных дел имеют место в случае подачи жалоб заключенных на жестокое обращение и пытки со стороны администрации пенитенциарных учреждений. При этом заключенные, пострадавшие от действий администрации, имеют гораздо меньшие возможности обжаловать необоснованные отказы в проведении расследования, так как сталкиваются с серьезными препятствиями при попытке подать жалобу.

Например, по данным работающей в Орловской области правозащитной организации Институт «Единая Европа» в 2005 г. заключенный С., содержащийся в СИЗО г. Орла обратился в прокуратуру с заявлением о возбуждении уголовного дела по факту избияния его сотрудником СИЗО. Прокуратура Орловской области без рассмотрения направила его заявление в УФСИН Орловской области, где заявление о возбуждении уголовного дела также не было рассмотрено. Только несколько месяцев спустя было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом было возбуждено уголовное дело в отношении самого заявителя.

При наличии сообщений о недостаточно мотивированных отказах в возбуждении уголовных дел и отказах в проведении полноценных расследований, из некоторых регионов России поступают единичные сообщения о фактах возбуждения уголовных дел в отношении сотрудников пенитенциарных учреждений за противоправное насилие в отношении заключенных.

Так, Правозащитный Центр г. Казани сообщил, что в Республике Татарстан в 2005 г. было возбуждено уголовное дело в отношении двух сотрудников одной из исправительных колоний строгого режима по факту применения насилия к осужденным по части 3 статьи 286 УК РФ.

Единичные свидетельства о возбуждаемых уголовных делах по жалобам заключенных и данные о необоснованных отказах в возбуждении уголовных дел не позволяют в целом оценить эффективность и качество работы органов прокуратуры по жалобам заключенных на насилие и пытки.

Доступ заявителей к расследованию

УПК РФ предоставляет потерпевшему от преступления (в том числе от пыток) или его представителю возможность ходатайствовать о проведении тех или иных следственных действий, право принимать участие в следственных действиях с разрешения следователя, право представлять доказательства, право быть уведомленным о принятых по делу решениях, право знакомиться с материалами расследования и пр.⁸¹ Лицо, подавшее жалобу на пытки или иное преступление, не становится потерпевшим автоматически. Статус потерпевшего присваивается лицу постановлением следователя.

Предоставление УПК РФ права на ознакомление с материалами расследования исключительно участникам уголовного судопроизводства, в том числе потерпевшему, в совокупности с правовой нормой, освобождающей прокурора и следователя от обязанности давать каких-либо объяснения по существу находящихся в их производстве дел и материалов, а также предоставлять их кому бы то ни было для ознакомления иначе как в случаях и порядке, предусмотренных федеральным законодательством⁸², фактически ограничивает лицо, подавшее жалобу на пытку, в возможности ознакомиться с материалами расследования, в случаях, если по жалобе принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, а пострадавший не признан участником уголовного судопроизводства (потерпевшим).

В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях⁸³ признал, что по смыслу, придаваемому названным положениям закона правоприменительной практикой, органы прокуратуры во всех случаях приходят к отказу предоставить гражданину для ознакомления материалы, непосредственно затрагивающие его права и свободы, без предусмотренных законом надлежащих оснований, связанных с содержанием указанных материалов, что создает препятствия судебной проверке обоснованности таких отказов.

Конституционный Суд подтвердил, в частности, право гражданина свободно знакомиться с материалами, собираемыми органами государственной власти и их должностными лицами,

⁸¹ Ст. 42 УПК РФ.

⁸² П. 2 ст. 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

⁸³ Постановление КС РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П и от 4 ноября 2004 г. № 430-О.

непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Причем законодатель обязан гарантировать соразмерность такого ограничения конституционно признаваемым целям его введения. Государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры. Реализация права на обжалование тех или иных процессуальных решений предполагает обеспечение заинтересованному лицу права ознакомиться с самими этими решениями. Таким образом, благодаря решениям Конституционного Суда РФ были укреплены гарантии доступа к расследованию.

К сожалению, несмотря на правовые гарантии доступа к расследованию, требования закона нарушаются сотрудниками прокуратуры. Несвоевременное уведомление пострадавших и их представителей о решениях, принятых на жалобы, в том числе и о пытках, или неуведомление их вовсе, лишает пострадавших возможности своевременно обжаловать незаконные решения по их жалобам, затрудняет их доступ к правосудию, а фактически является одним из средств сокрытия допущенных нарушений закона.

Представитель Очелкова, подавшего жалобу на пытки в милиции, адвокат Сидоров (г. Нижний Новгород) в течение 2002-2-03 гг. четырежды вынужден был обжаловать вышестоящим прокурорам действия сотрудников прокуратуры, не уведомлявших его о принятых решениях по названной жалобе. Аналогичные нарушения в том же регионе допущены прокуратурой и по делу заявителя Фоломкина.

Обеспечение безопасности жертв и свидетелей

Национальным законодательством установлены меры защиты потерпевших и свидетелей. При наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности: невнесение в протокол данных об их личности, контроль и запись телефонных и иных переговоров, проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, проведение закрытого судебного заседания, проведение допроса судом без оглашения подлинных данных о личности свидетеля, в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, а также личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице, переселение на другое место жительства, замена документов, изменение внешности, изменение места работы (службы) или учебы, временное помещение в безопасное место⁸⁴. Запрещается преследование в любой форме подозреваемых и обвиняемых за обращение с предложениями, заявлениями или жалобами в связи с нарушением их прав и законных интересов. Должностные лица мест содержания под стражей, виновные в таком преследовании, несут ответственность в соответствии с законом⁸⁵.

Однако случаев применения предусмотренных законами мер защиты в отношении обратившихся в прокуратуру жертв пыток, в том числе несовершеннолетних и женщин, даже при наличии к тому оснований, правозащитными организациями не зафиксировано. Сведения о личности жалобщиков и свидетелей сотрудниками прокуратуры не скрываются. В результате, эти сведения нередко становятся известны подозреваемым в пытках, которые являются сотрудниками правоохранительных органов, или их сослуживцам. В результате, случается, что лицо, обратившееся с жалобой на пытки, а так же свидетели, становятся жертвами преследований или

⁸⁴ Ст. 11. УПК РФ и Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

⁸⁵ УПК РФ и Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей...».

давления со стороны должностных лиц, причастных к пыткам, или их коллег. Такие случаи, в частности, были зафиксированы общественной организацией «Человек и Закон» в Республике Марий-Эл, Правозащитным Центром г. Казани в Республике Татарстан, Союзом правозащитных организаций Свердловской области в Свердловской области, Читинским правозащитным центром в Читинской области, Нижегородским Комитетом против пыток в Нижегородской области и другими организациями.

Тверским отделением общества «Мемориал» зафиксирован случай, когда в ходе расследования пыток в отношении Ивана Васильева, сотрудники Московского РОВД г. Твери несколько месяцев преследовали потерпевшего, оказывая психологическое давление на него, а также на врачей больницы, где он проходил лечение. Все эти действия, по мнению потерпевшей стороны, были направлены на то, чтобы воспрепятствовать нормальному ходу следствия.

В процессе расследования жалоб несовершеннолетних Петрова и Нуриева (Республика Татарстан) на пытки, совершенные милиционерами, на Нуриева совершили нападение неизвестные лица и требовали от него «не ходить в суд». К дому Петрова приходил один из обвиняемых в пытках сотрудников милиции в сопровождении нескольких мужчин. Петров вынужден был скрываться у знакомых.

По сообщению несовершеннолетних Абросимова и Туловчикова (Республика Марий Эл) в ходе следствия по уголовному делу в отношении избивавших их сотрудников милиции, их пытались подкупить участвовавшие в расправе над ними стажеры отдела милиции.

Накануне вынесения приговора по уголовному делу в отношении милиционера Кашина, избившего Видякина, коллеги Кашина - сотрудники Серовского ГРУВД (Свердловская область) - являлись ночью на квартиру родителей, заявив, что намерены «допросить» его.

Угрозы расправой неоднократно высказывались Головиной, заявившей жалобу на пытку в отношении ее сына подростка (Читинская область). По месту ее работы сотрудники правоохранительных органов провели внеплановую проверку, при этом они дали понять работодателю, что причина проверки - обращение Головиной с жалобой.

В упомянутых выше случаях давления на пострадавших от пыток Петрова и Нуриева, Видякина и Головину, такое давление стало возможным не только потому, что к пострадавшим не применялись меры защиты, но и потому, что обвиняемые в пытках и жестоком обращении должностные лица не были на время расследования отстранены от исполнения обязанностей. Вообще, известны единичные случаи, когда должностные лица, заподозренные в пытках, отстранялись от службы или помещались под арест на время расследования.

По ходатайству следственных органов 20 мая 2004 г. Йошкар-Олинский городской суд (Республика Марий Эл) избрал меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении двух сотрудников милиции, причастных к применению жестокого обращения и пыток к Абросимову, Туловчикову и Лихачеву.

28 октября 2003 г. в отделение милиции пос. Вершино-Дарасунский Тунгокоченского района Читинской области были доставлены местные жители Сергей Степанов и Игорь Гудков. Более 9 часов заместитель начальника отдела милиции Олег Иванов и оперуполномоченной уголовного розыска Юрий Князев применяли к ним пытки, принуждая сознаться в одном из нераскрытых преступлений. Через 2 часа Степанов умер от тяжелых телесных повреждений. После возбуждения уголовного дела оба сотрудника милиции были взяты под стражу.

Лица, пострадавшие от пыток или жестокого обращения со стороны сотрудников мест лишения свободы, находятся в еще более уязвимом положении, чем пострадавшие от пыток, находящиеся на свободе. Вместе с тем, на практике защите заключенных, жалующихся на пытки и жестокое обращение, не уделяется должного внимания.

В качестве примера можно привести ситуацию заключенного Князева. Он – один из заключенных исправительного учреждения г. Льгова (Курская область), который обратился с требованием о возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников администрации исправительного учреждения, которые его избивали. Прокуратура Курской области отказала ему в возбуждении уголовного дела. После этого при помощи адвоката он обратился в Европейский Суд по правам человека. Жалобе Европейским Судом был дан приоритет в соответствии с Правилем 41 Правил Суда и до 20 января 2006 г. Правительство РФ должно было ответить на вопросы, поставленные Европейским Судом. После подачи жалобы в Европейский Суд, Князев подвергся давлению со стороны сотрудников УФСИН. По словам Князева, его неоднократно избивали. Князев и его адвокат подавали заявления об этих избиениях в прокуратуру, однако, в возбуждении уголовного дела было также отказано. Князева путем избиений вынуждали отказаться от жалобы в Европейский Суд и от адвоката, представляющей его интересы. Князев написал такой отказ, однако 11 августа 2005 г. в ходе посещения его адвокатом в СИЗО г. Брянска, просил уведомить Европейский Суд о том, что такой отказ был вынужденным, полученным под пытками и просил рассматривать его жалобу, поданную в Европейский Суд.

Представляется, что компетентные российские власти должны уделять больше внимания защите жертв и свидетелей пыток от возможного давления и преследований, особенно в случаях, когда свидетели и жертвы находятся в заключении. В настоящее время боязнь преследований и отсутствие практики защиты жалующихся приводит к тому, что заключенные часто не пользуются предоставленным законом правом на подачу жалобы.

По мнению сотрудников Комитетов солдатских матерей, только единицы из тысяч военнослужащих, столкнувшихся с жестоким обращением в армии, пользуются правом на подачу жалобы. Основной причиной этого является страх мести со стороны солдат или офицеров, против которых была направлена жалоба.

Законом № 119-ФЗ от 20 августа 2004 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» были предложены методы защиты военнослужащих – жертв или свидетелей преступлений – от давления. Так, статья 13 этого Закона устанавливает следующие меры защиты:

- 1) командирование защищаемого лица в другую воинскую часть, другое военное учреждение;
- 2) перевод защищаемого лица на новое место военной службы, в том числе в воинскую часть или военное учреждение другого федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба (по согласованию между соответствующими должностными лицами федеральных органов исполнительной власти);
- 3) командирование или перевод военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, от которого может исходить угроза защищаемому лицу, в другую воинскую часть, другое военное учреждение.

Однако на практике органы следствия не всегда прибегают к этим мерам, даже при наличии просьб об их применении со стороны жертв или свидетелей пыток и жестокого обращения.

Например, с отказом в предоставлении меры защиты столкнулся военнослужащий срочной службы Юрий Николаев. Из его обращения в Нижегородский Комитет солдатских матерей следует, что его сослуживец К. причинил ему серьезные травмы. По делу было начато расследование. Пока Николаев находился на лечении в военном госпитале к нему приходили сослуживцы и угрожали расправой, если К. привлекут к уголовной ответственности. Николаев был отправлен в г. Ярославль для дальнейшего лечения. Однако по завершении лечения он был обязан вернуться на военную службу. В военной прокуратуре г. Ярославля Николаев написал объяснительную, в которой просил не возвращать его в ту воинскую часть, где он был подвергнут жестокому обращению. Однако 14 мая 2005 г. Николаев получил в прокуратуре предписание вернуться в прежнюю воинскую часть.

Представляется, что компетентные органы власти должны более внимательно подходить к вопросу о защите военнослужащих, жалующихся на жестокое обращение и пытки со стороны сослуживцев и активнее использовать меры защиты, предлагаемые российским законодательством.

Статья 14⁸⁶

1. Каждое Государство-участник обеспечивает в своей правовой системе, чтобы жертва пыток получала возмещение и имела подкрепляемое правовой санкцией право на справедливую и адекватную компенсацию, включая средства для возможно более полной реабилитации. В случае смерти жертвы в результате пытки право на компенсацию предоставляется его иждивенцам.
2. Ничто в настоящей статье не затрагивает любого права жертвы или других лиц на компенсацию, которое может существовать согласно национальному законодательству.

Реабилитация жертв незаконного уголовного преследования и ее отношение к реабилитации жертв пыток

В пунктах 121-124 Четвертого периодического доклада РФ в качестве сведений об исполнении положений статьи 14 Конвенции приведено описание процедуры реабилитации, предусмотренной статьей 133 УПК РФ и приводится пример применения судом норм о реабилитации.

Признавая важность введения указанных норм в российское законодательство, тем не менее, нельзя не указать, что они практически не имеют отношения к тому, что в современном мире понимается под реабилитацией жертв пыток. Российский уголовно-процессуальный закон под реабилитацией понимает порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию (обвинению, осуждению, применению ареста или иных мер пресечения). Этот порядок предусматривает возмещение имущественного вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, устранение последствий морального вреда (в т. ч. принесение реабилитированному за причиненный ему вред официальных извинений прокурора от имени государства, а также направление в установленный законом сжатый срок письменных сообщений о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или месту жительства) и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.⁸⁷

Однако уголовно-процессуальный закон не называет факт применения пытки среди оснований для реабилитации. То есть даже доказанный официальным расследованием факт применения пытки не влечет за собой применения к ее жертве процедуры реабилитации, предусмотренной УПК РФ. Пострадавший от пыток может рассчитывать на возмещение причиненного вреда в порядке реабилитации лишь в том случае, если он так же пострадал от незаконного или необоснованного уголовного преследования. Однако и в этих случаях ему будет возмещен не вред, причиненный пыткой, а вред от последствий незаконного или необоснованного уголовного преследования.

То, что заложенный в УПК РФ порядок реабилитации не предусматривает компенсации и извинений за пытки, доказывается практикой:

⁸⁶ Данный раздел доклада подготовлен Фондом «Общественный вердикт». При написании раздела использовалась информация, полученная из СМИ и от НПО: Нижегородский Комитет против пыток, Красноярский Общественный комитет по защите прав человека, Пермский региональный правозащитный центр, Правозащитный Центр города Казани, Йошкар-Олинская организация «Человек и Закон», Коми региональная Комиссия по защите прав человека «Мемориал», Мордовский республиканский правозащитный центр, Институт общественных проблем «Единая Европа», Тверское региональное отделение Российского общества «Мемориал», Краснодарская организация «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных», Союз правозащитных организаций Свердловской области, Читинский правозащитный центр.

⁸⁷ П. 34 ст. 5 и Глава 18 УПК РФ.

12 октября 2004 г. и в последующие дни Майнингер, задержанный в административном порядке, подвергался физическому и психическому воздействию (пытке) со стороны оперативных сотрудников Комсомольского РУВД г. Тольятти (Самарская область). С помощью пытки они добились от Майнингера ложного признания в совершении убийства гражданина С. Суд оправдал Майнингера. Решением суда в порядке реабилитации с Министерства финансов РФ в пользу Майнингера взысканы денежные суммы в компенсацию морального вреда за ложное обвинение и год, проведенный в следственном изоляторе, - в счет возмещения неполученной зарплаты. При этом компенсация вреда, причиненного пыткой, не была назначена, поскольку процедурой реабилитации она не охватывается.

Кроме того, практика показывает, что в тех случаях, когда жертвы пыток могли бы рассчитывать на применение норм о реабилитации за незаконное уголовное преследование, компетентные государственные органы не всегда предлагают им воспользоваться этим правовым механизмом:

Подростки Петров и Нуриев были заподозрены в хищении чужого имущества, в связи с чем в отношении них было возбуждено уголовное дело и применена мера пресечения. Как впоследствии было установлено, основанием для уголовного преследования Петрова и Нуриева стало ложное признание в совершении преступления, полученное от них под пыткой. Поэтому 20 мая 2003 г. следователь УВД Советского р-на г. Казани (Республика Татарстан) принял решение о прекращении уголовного преследования Петрова и Нуриева и отменил наложенные на них меры процессуального принуждения. Однако следователь право на реабилитацию в порядке Главы 18 УПК РФ за пострадавшими противоправно не признал.

Что касается программ медицинской, психологической и социальной реабилитации жертв пыток, то государственные органы России их не осуществляют и не финансируют. Некоторые усилия по медицинской, психологической и социальной реабилитации жертв пыток предпринимают общественные организации за счет средств благотворителей и Фонда поддержки жертв пыток ООН.

Право жертв пыток на компенсацию, доступность процедуры обращения за компенсацией

Если в отношении жертвы пыток уголовное преследование не возбуждалось и не осуществлялось, процессуальный порядок реабилитации оказывается неприменимым. Возмещение вреда в таком случае регулируется не специальными правовыми нормами о реабилитации, а общими положениями законодательства об обязательствах, возникающих из факта причинения вреда.

Так, конституционными нормами⁸⁸ и нормами законов Российской Федерации гарантируется право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц органов государственной власти. Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме. Суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации морального вреда, в случае причинения гражданину морального вреда, который рассматривается законом как физические или нравственные страдания. Вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, либо должностных лиц этих органов, - подлежит возмещению и возмещается соответственно за счет казны России, казны субъекта федерации или казны муниципального образования.⁸⁹ Эти общие нормы также применимы к лицам, пострадавшим от пыток.

⁸⁸ Совокупность норм ст. ст. 17, 18, 21, 23, 46, 52, 53 Конституции Российской Федерации.

⁸⁹ Ст. ст 151, 1064, 1069 ГК РФ.

Законом предусмотрены процедуры, которые могут применяться при компенсации причиненного вреда в ходе уголовного и гражданского процессов. В рамках уголовной процедуры по конкретному уголовному делу может рассматриваться иск о компенсации вреда, причиненного преступлением. Кроме того, иск о компенсации вреда может быть рассмотрен в рамках гражданского процесса.

Таким образом, исходя из действующего законодательства, в случаях привлечения к уголовной ответственности конкретных должностных лиц, виновных в пытке, жертва пытки вправе заявить гражданский иск о возыскании в свою пользу причиненного вреда в рамках уголовного процесса. Этот иск может рассматриваться вместе с уголовным делом и разрешаться при постановлении приговора суда. На возможность его заявления и принятия судом к рассмотрению не действуют правила об исковой давности. При заявлении иска истец в уголовном процессе освобождается от уплаты государственной пошлины. Поскольку право заявить такой иск возникает в связи с совершенным в отношении истца преступлением, обязанность представления суду доказательств возлагается на государственные правоохранительные органы. То есть, совокупность доказательств, добытая при официальном расследовании уголовного дела, служит одновременно и доказательственной базой заявленного иска⁹⁰.

Процедура рассмотрения иска в рамках уголовного процесса является наиболее предпочтительной для жертвы пыток. В этом случае государство, как и потерпевший, выступает в процессе на стороне обвинения, и поэтому не препятствует, а даже способствует реализации права на получение компенсации. Однако возможность заявить иск в рамках уголовного процесса может возникнуть у жертвы пыток, только если государственные органы провели расследование жалобы на пытку и приняли решение о привлечении должностных лиц, виновных в пытке, к уголовной ответственности. Если эффективное расследование жалобы на пытки по тем или иным причинам не было проведено, жертва пыток не имеет доступа к описанной процедуре компенсации.

Как уже отмечалось выше, жертва пытки может обратиться в суд за назначением компенсации вреда и в порядке гражданского судопроизводства. Это можно сделать, в том числе и после окончания уголовного процесса, если в ходе него гражданский иск о назначении компенсации не был предъявлен. В этом случае государство становится ответчиком в гражданском процессе. Таким образом, жертва пыток должна самостоятельно, без помощи государственных органов, доказывать обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований о компенсации. По установленным правилам доказывания, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу. Приговоры суда по уголовному делу имеют преюдициальное значение для гражданского дела по вопросам, имело ли место противоправное деяние и совершено ли оно данным лицом. Все другие факты подлежат доказыванию по общим правилам.⁹¹ Таким образом, при наличии приговора, которым признается вина конкретного должностного лица в причинении пыток, жертва пыток в рамках гражданского процесса должна доказывать лишь размер причиненного вреда.

Однако не смотря на то, что наличие вступившего в законную силу приговора суда в отношении конкретных виновников пытки, должно существенно облегчить бремя доказывания гражданского иска, суды в таких случаях не всегда удовлетворяют требования жертв пыток о компенсации.

16 декабря 2004 г. Приволжский районный суд г. Казани (Республика Татарстан) необоснованно отказал в иске ИONOBA к Министерству финансов Республики Татарстан о выплате компенсации вреда, причиненного ему пыткой, факт которой и учинивший ее конкретный сотрудник милиции были установлены приговором суда, вступившим в законную силу. Суд, рассматривавший иск о компенсации, указал, что казна Республики Татарстан не должна нести ответственности за действия сотрудника милиции потому, что при применении физической силы к пострадавшему милиционер вышел за пределы предоставленных ему законом полномочий. Между тем именно это обстоятельство и накладывало на государственный орган обязанность по возмещению причиненного вреда. В последствии отказ в удовлетворении иска ИONOBA был отменен вышестоящим судом.

⁹⁰ Ст. 44 УПК РФ.

⁹¹ Ст. ст. 3, 56, 61 ГПК РФ.

В случаях, когда факт пыток и конкретные виновные должностные лица не были установлены приговором суда, жертва пыток формально имеет возможность обратиться с иском о компенсации. Однако в этом случае жертва пыток сталкивается с необходимостью самостоятельно искать и представлять суду доказательства факта пытки, вину должностных лиц и причинную связь между пыткой и полученным материальным и моральным вредом. Более того, если ранее по жалобе на пытки органы следствия приняли решение об отсутствии преступления, жертве пыток придется опровергать это решение. Назначение компенсации вреда в такой правовой ситуации на практике маловероятно. По данным, собранным правозащитными организациями в 11 регионах России (республиках Марий Эл, Коми, Башкортостан и Татарстан, Краснодарском и Пермском краях, Нижегородской, Читинской, Оренбургской, Свердловской и Тверской областях), не зафиксировано ни одного случая обращения жертв пыток в судебные органы для взыскания компенсации при отказе в привлечении к уголовной ответственности конкретных виновных.

Таким образом, возможность жертвы пыток получить компенсацию практически полностью зависит от эффективности расследования жалобы на пытки органами прокуратуры. Практика неэффективного и длительного расследования жалоб на пытки (Подробнее см.: Статьи 12 и 13 настоящего Доклада) является для жертвы пытки существенным препятствием доступа к компенсации.

Прецедентом Европейского суда по правам человека (дело Aksoy v. Turkey) предусмотрено, что бремя доказывания переносится с заявителя на Государство в тех случаях, когда человек был взят под стражу здоровым, а в момент освобождения у него были обнаружены травмы. При таких обстоятельствах Государство обязано представить правдоподобное объяснение причин травм, если же оно не может этого сделать, то возникает основание говорить об ответственности Государства за эти травмы. Хотя правозащитными организациями зафиксировано множество случаев неэффективного и длительного расследования жалоб на пытки (Подробнее см.: Статьи 12 и 13 Доклада), когда решения по жалобам не принимаются годами, а принятые решения не содержат указания на причины травм, причиненных во время лишения свободы, случаи применения названного прецедента Европейского суда в практике российских судов при рассмотрении требований жертв пыток о компенсациях, - не известны. ГПК РФ не содержит изъятий в обязанности истца (в рассматриваемой проблеме - жертвы пытки) по доказыванию фактических и юридических оснований иска о компенсации. Также ГПК РФ не содержит возможности признания презумпции вины государства в причинении вреда, когда человек был взят под стражу здоровым, а в момент освобождения у него были обнаружены травмы.

Практика назначения компенсации по делам о пытках

Как уже было сказано выше, если пострадавшему от пыток удалось добиться проведения расследования по своей жалобе и признания уголовным судом вины конкретных должностных лиц, то, как правило, он может рассчитывать на назначение компенсации в рамках рассмотрения уголовного дела или в рамках гражданского процесса. Анализируя судебные решения по делам о назначении компенсации жертвам пыток и жестокого обращения, можно отметить, что в последние годы наметилась тенденция увеличения размеров компенсации материального ущерба и морального вреда. Возможно, что наблюдаемый рост компенсационных выплат свидетельствует о том, что, судебные органы осознали серьезность такого нарушения прав и свобод граждан, каким является пытка. С другой стороны, наблюдаемый рост может быть обусловлен инфляционными процессами и ростом уровня жизни населения.

По имеющимся в Фонде «Общественный вердикт» сведениям (гг. Казань, Нижний Новгород и Екатеринбург, Читинская область) о назначении судами в 2004-2005 гг. компенсации вреда 15 лицам, пострадавшим от пыток, или их представителям (в случаях наступления смерти), размер сумм, подлежащих взысканию, варьируется в зависимости от характера и тяжести вреда и составляет от 7 до 280 тысяч рублей. При этом практика определения судами размера компенсационных сумм неоднородна.

Компенсация в размере 100 000 рублей, подлежащая взысканию с осужденных сотрудников милиции, назначена пострадавшему от пытки подростку Павлову, а

несовершеннолетнему Петрову, пострадавшего при аналогичной ситуации, - в размере 80 000 рублей – с казны субъекта федерации (г. Казань, Республика Татарстан).

В республике Марий Эл городской суд г. Йошкар-Олы обязал власти выплатить 280 000 рублей Лихачевой - матери молодого человека, погибшего в результате пыток в отделении милиции.

Кабаковой (г. Чита) – в счет компенсации морального вреда, причиненного избиеием ее сына, которое повлекло за собой его гибель, - назначена компенсация в размере 200 000 рублей, подлежащая взысканию с сотрудников милиции. При этом, в той же г. Чите Степановой в качестве компенсации морального вреда, причиненного смертью брата, скончавшегося от телесных повреждений, нанесенных в процессе пытки, назначена компенсация в два раза меньше – в размере 100 000 рублей. Читинский правозащитный центр отмечает, что компенсация, назначенная Степановой, представляется незначительной в сравнении с компенсацией морального вреда, которую суд назначил двум милиционерам за недостоверную публикацию о них в местной газете. Милиционеры получили по 70 000 рублей каждый.

Сложности в получении компенсации, назначенной судебным решением

Необходимо отметить, что жертвы пыток, выигравшие иски о компенсации материального и морального вреда, сталкиваются с существенными сложностями в получении компенсационных выплат. Несомненным является тот факт, что практика исполнения судебных решений по таким искам не соответствует требованию статьи 14 Конвенции против пыток.

Следует отметить, что преимущественно трудности в получении компенсации, назначенной судом, обусловлены недостатками действующего законодательства об исполнении судебных решений.⁹² Установленный законом порядок получения компенсаций из государственного или муниципального бюджета (а компенсации жертвам пыток по действующему законодательству и судебной практике обязаны выплачивать в первую очередь государственные органы), обязывает взыскателя самостоятельно представлять в бюджетные органы необходимые документы. Далее взыскатель может лишь ожидать выплаты компенсационных сумм. При этом у взыскателя нет права на обращение к судебным приставам и на принудительное исполнение судебного решения. В результате взыскатели, каковыми являлись и жертвы пыток, не имеют возможности получить назначенные судом компенсации в разумный срок.

По информации правозащитных организаций, в течение 2003-2005 гг. по исковым требованиям граждан, в том числе и жертв пыток, к Российской Федерации судебные приставы-исполнители, со ссылкой на нормы закона, составляли акты о невозможности взыскания соответствующих сумм, а исполнительные листы возвращались взыскателям с разъяснениями о том, что они вправе самостоятельно предъявить исполнительные листы в Минфин России для исполнения.

В июне 2005 г. Конституционный Суд России признал недопустимым ухудшение положения взыскателя из-за того, что ответчиком по иску является публичная власть, а также ситуации, при которой ссылка на отсутствие денежных средств у государственного органа становится препятствием для исполнения судебных решений. В результате, Конституционный Суд своим постановлением признал правовые нормы, определявшие вышеописанный порядок взыскания назначенных компенсаций, противоречащими Конституции Российской Федерации и

⁹² Отдельные положения федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 г., на 2004 г. и на 2005 г. и постановление правительства РФ «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти».

не подлежащими к исполнению с 1 января 2006 года⁹³. О новой практике выплаты компенсаций сведений пока нет.

⁹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 8-П.

Статья 15⁹⁴

Каждое государство-участник обеспечивает, чтобы любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства, за исключением случаев, когда оно используется против лица, обвиняемого в совершении пыток, как доказательство того, что это заявление было сделано.

Требования статьи 15 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания предполагают не только установление соответствующего правового запрета в национальном законодательстве государства-участника Конвенции, но и принятие этим государством мер, которые бы максимально обеспечивали соблюдение указанного запрета. В частности, национальное законодательство должно предусматривать процедуры (механизмы), которые бы юридически и фактически позволяли исключать из процесса доказывания в ходе судебного разбирательства по делу любые заявления, которые являются результатом пыток.

Конституция Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г., вступивший в силу с 1 июля 2002 г. (далее – УПК РФ), содержат абсолютный запрет на использование в качестве доказательства в ходе судебного разбирательства всякого заявления, которое было сделано под пыткой (ст.21 и ч.2 ст.50 Конституции РФ, ст.9 и ст.75 УПК РФ). Соблюдение указанного правового запрета обеспечивается следующим образом.

Если в процессе судебного разбирательства по уголовному делу сторона обвинения представляет суду какое-либо доказательство, представляющее собой, по сути, заявление обвиняемого, а сторона защиты (обвиняемый, его защитник) утверждает, что это доказательство было получено под пыткой, то суд обязан рассмотреть обоснованность указанного утверждения стороны защиты и решить в связи с этим вопрос о допустимости спорного доказательства. При этом в силу ст.14 УПК РФ, закрепляющей принцип презумпции невиновности, сторона обвинения в лице государственного обвинителя (прокурора) должна представить доказательства в опровержение выдвинутого защитой довода о пытках, а сторона защиты вправе представить доказательства в обоснование своего довода.

Одновременно, в силу положений ст.144 УПК РФ, государственный обвинитель (далее – прокурор) обязан зафиксировать заявление о пытках и обеспечить проведение по нему проверки как по сообщению о преступлении. Проверка проводится соответствующим должностным лицом прокуратуры, как правило, следователем. Если ранее такая проверка по аналогичному заявлению обвиняемого уже проводилась, то повторного её проведения не требуется. Если в ходе проверки будут получены достаточные данные, указывающие на признаки пытки, то по её результатам должно быть вынесено постановление о возбуждении уголовного дела и начато предварительное расследование факта пыток. В противном случае по результатам проверки должно быть вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Соответствующее постановление, вынесенное по результатам проверки, должно быть представлено прокурором суду в целях рассмотрения и разрешения последним выдвинутого стороной защиты довода о пытках.

Рассмотрев представленные сторонами доказательства относительно довода (заявления) о пытках, суд должен признать указанный довод обоснованным либо необоснованным и признать спорное доказательство соответственно недопустимым, исключив его из процесса доказывания, либо допустимым.

Если довод о пытках приводился стороной защиты в форме ходатайства о признании соответствующего доказательства обвинения недопустимым, то решение суда по результатам рассмотрения указанного довода должно иметь форму мотивированного постановления или определения об удовлетворении ходатайства или об отказе в удовлетворении ходатайства. Вместе с тем, независимо от формы довода защиты о пытках отдельно оценка ему должна быть дана при анализе доказательств в итоговом решении суда по делу – в приговоре, кроме случаев

⁹⁴ Данный раздел подготовлен Пермским региональным правозащитным центром.

рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, так как в приговоре данного суда анализ доказательств приводиться не должен.

Так в общих чертах УПК РФ определяется процедура рассмотрения судом в процессе судебного разбирательства по уголовному делу заявлений (доводов) о пытках в отношении обвиняемого. Однако для того, чтобы выявить реальное значение этой процедуры как средства (механизма) устранения из процесса доказывания по уголовному делу заявлений обвиняемого, полученных под пытками, необходимо обратиться к практике её применения.

На практике у рассматриваемой процедуры обнаруживаются следующие характерные черты.

По результатам проведённой прокуратурой в порядке ст.144 УПК РФ проверки нередко выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в котором утверждается, что заявление о пытках подтверждения не нашло⁹⁵. Именно это постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и представляется прокурором суду в качестве главного доказательства несостоятельности заявления обвиняемого о пытках. Дополнительно, в целях опровержения заявления обвиняемого о пытках, прокурор обычно представляет суду свидетелей из числа должностных лиц соответствующих правоохранительных органов, которые работали с обвиняемым в ходе предварительного расследования. Принимая во внимание тот факт, что пытки применяются обыкновенно на самых ранних стадиях следствия, а судебное исследование доказательств происходит не ранее чем через полгода после начала следствия, эти свидетели при допросе в суде обычно уже не помнят подробностей своей работы с обвиняемым. Однако, как правило, они уверенно утверждают, что каких-либо незаконных мер воздействия к обвиняемому не применялось, обращение с ним было предельно корректным. Таких доказательств суду обычно оказывается вполне достаточно для того, чтобы признать сделанное обвиняемым в суде заявление о пытках несостоятельным и опровергнутым стороной обвинения, независимо от того, насколько убедительные доказательства привела в обоснование заявления обвиняемого о пытках сторона защиты.

Избегая предположений о том, чем руководствуются суды, рассматривая заявления обвиняемых о пытках указанным выше образом⁹⁶, отметим следующие моменты, относящиеся к этой практике:

1) суды не учитывают изначально уязвимое положение жертвы пыток, в частности, нахождение ее в период пыток и длительное время после этого под полным контролем должностных лиц (включая тех, кто участвовал в применении пыток);

2) суды не учитывают, что у обвиняемого нередко отсутствует свободный доступ к квалифицированной медицинской и юридической помощи;

3) суды не учитывают заведомо ограниченных возможностей обвиняемого и стороны защиты в целом по доказыванию факта пыток;

4) суды игнорируют вопрос о том, были ли обвиняемому предоставлены эффективные средства правовой защиты в связи с его заявлением о пытках, в частности: было ли ему своевременно обеспечено право на подачу жалобы, была ли проведенная по ней проверка быстрой, тщательной и беспристрастной, является ли вынесенное по итогам указанной проверки постановление обоснованным;

5) суды отказываются признавать соответствующее заявление обвиняемого недопустимым доказательством при наличии данных, указывающих на высокую степень вероятности применения к обвиняемому пытки, во всех случаях требуя от стороны защиты убедительных доказательств, на основании которых можно было бы сделать однозначный вывод о факте пыток; при этом представляемые стороной защиты доказательства факта пыток суд оценивает по тем же строгим правилам, которые применяются при доказывании факта преступления, включая правила оценки доказательств, вытекающие из принципа презумпции невиновности;

⁹⁵ Составителям настоящего доклада не известно ни одного случая, когда бы сделанное обвиняемым заявление о пытках по результатам проведенной по нему прокуратурой проверки было признано обоснованным, и в связи с этим было бы вынесено постановление о возбуждении уголовного дела и начато расследование факта пыток. Следует также обратить внимание, что о таких случаях не содержится каких-либо данных и в Четвертом периодическом докладе Российской Федерации о соблюдении Конвенции. Основные недостатки проверок, проводимых компетентными органами по жалобам на пытки, представлены в ст. 13 Доклада российских неправительственных организаций.

⁹⁶ Определённого ответа на этот вопрос не содержится ни в законодательстве РФ ни в соответствующих судебных решениях.

б) все сомнения относительно того, что факт пыток имел место, вытекающие из представленных сторонами доказательств, толкуются судом против обвиняемого и его доводов о применении пыток.

Указанные выше особенности рассматриваемой процедуры относятся в равной мере ко всем судам общей юрисдикции, включая суды с участием присяжных заседателей. В связи с этим следует отметить, что вопреки утверждению, содержащемуся в параграфе 116 Четвертого периодического доклада Российской Федерации о соблюдении Конвенции, в УПК РФ отсутствуют нормы, которые бы обеспечивали более тщательное рассмотрение заявления обвиняемого о пытках в суде с участием присяжных заседателей по сравнению с другими судами. В действительности, специфика суда присяжных применительно к рассматриваемой процедуре согласно УПК РФ заключается в следующем. В присутствии присяжных заседателей никто из участников судебного разбирательства не вправе делать заявлений о пытках или иных заявлениях, ставящих под сомнение допустимость представляемых сторонами и исследуемых судом доказательств. На время рассмотрения заявления обвиняемого о пытках и вопроса о допустимости соответствующих доказательств присяжные заседатели удаляются из зала судебного заседания, и указанные вопросы рассматриваются и разрешаются единолично профессиональным судьей, председательствующим по делу, в соответствии с описанной выше процедурой (ст.334, ч.6 и ч.7 ст.335 УПК РФ).

Таким образом, следует признать, что предусмотренная действующим УПК РФ процедура рассмотрения в ходе судебного разбирательства по уголовному делу заявлений обвиняемого о пытках и практика её применения судами не обеспечивают должным образом юридически и фактически возможности исключения из процесса доказывания по делу заявлений обвиняемого, данных под пытками. Эта процедура в действительности не более чем формальность в том смысле, что её результат заранее известен всем участникам судебного разбирательства. Этот результат предопределяется небеспристрастной позицией прокуратуры, которая поддерживает государственное обвинение в суде и в то же время проводит проверку по заявлению обвиняемого о пытках.

Изложенное выше применительно к рассмотрению судами заявлений обвиняемого о пытках в основном применимо и к аналогичным заявлениям со стороны свидетелей.

Явная неэффективность описанной выше процедуры могла бы быть частично компенсирована закреплением в УПК РФ и применением на практике более жёстких и недвусмысленных требований (норм), определяющих допустимость доказательств, которые позволяли бы исключать из процесса доказывания в суде любые сомнительные заявления обвиняемого, сделанные в ходе предварительного расследования по уголовному делу. Например, учитывая, что обеспечение подозреваемому и обвиняемому своевременного и беспрепятственного доступа к квалифицированной юридической помощи (к защитнику) является необходимой мерой предотвращения пыток, в УПК РФ можно было бы закрепить норму о недопустимости в качестве доказательства любого заявления, сделанного подозреваемым или обвиняемым в отсутствие защитника в ходе предварительного расследования по уголовному делу, и не подтверждённого им в ходе судебного разбирательства по уголовному делу.

В п.1 ч.2 ст.75 УПК РФ содержится норма, согласно которой *признаются недопустимыми доказательствами показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденные им в суде.*

Указанная норма в практике органов, осуществляющих уголовное преследование, и судов толкуется ограничительно. Буквальное толкование и применение нормы п.1 ч.2 ст.75 УПК РФ означает, что она распространяет своё действие только на *показания* подозреваемого и (или) обвиняемого, под которыми согласно статьям 76 и 77 УПК РФ понимаются сведения, сообщенные подозреваемым, обвиняемым в ходе проведения такого специфического строго регламентированного УПК РФ следственного действия, как *допрос подозреваемого* и (или) *обвиняемого*. Соответственно сведения (заявления), сообщенные (сделанные) подозреваемым или обвиняемым в отсутствие защитника при производстве любых других следственных действий, предусмотренных УПК РФ (осмотр места происшествия, проверка показаний на месте, очная ставка), а также в результате проведения так называемых «бесед» или при каких-либо иных

обстоятельствах, под действие п.1 ч.2 ст.75 УПК РФ не подпадают, однако они могут использоваться в ходе судебного разбирательства в качестве доказательств.

Такое толкование нормы п.1 ч.2 ст.75 УПК РФ сводит к минимуму ее практическое значение как средства устранения из процесса доказывания по уголовному делу заявлений подозреваемого или обвиняемого, полученных под пытками. Указанная норма имеет скорее декоративное значение, поскольку её жёсткие требования имеют очень узкую сферу применения, оставляя широкие возможности для использования в ходе уголовного судопроизводства в качестве допустимых доказательств различных заявлений (таких как «явка с повинной», пояснения, объяснения и т.п.) подозреваемого и (или) обвиняемого, которые не имеют формальных признаков *показаний подозреваемого* или *показаний обвиняемого*. Этой узаконенной возможностью в целях восполнения недостаточной доказательственной базы в отношении подозреваемых и обвиняемых активно пользуются правоохранительные органы, участвующие в уголовном преследовании.

В ч.3 ст.7, в ч.1 и в п.3 ч.2 ст.75 УПК РФ содержится норма, согласно которой признаются недопустимыми любые доказательства, полученные с нарушением требований (норм) УПК РФ. Эта норма, по идее, предоставляет дополнительные возможности для исключения из процесса доказывания по уголовному делу сомнительных доказательств, в том числе сделанного обвиняемым под пыткой заявления, даже при отсутствии достаточных доказательств самого факта пытки, но при наличии достаточных доказательств нарушения какого-либо иного требования УПК РФ.

Однако в судебной практике указанная выше норма также толкуется ограничительно. Считается, что далеко не всякое нарушение требований УПК РФ может повлечь за собой признание полученного с нарушением доказательства недопустимым. Доказательство может быть признано недопустимым лишь при таком нарушении требований УПК РФ, *в результате которого при непосредственном собирании доказательств фактически оказалось нарушенным какое-либо право участника судопроизводства*, в чьих интересах заявляется ходатайство о признании соответствующего доказательства недопустимым⁹⁷. При этом, бремя доказывания указанных выше обстоятельств возлагается на сторону, заявившую ходатайство о признании соответствующего доказательства недопустимым. В результате такого подхода, господствующего в судебной практике, изначально заложенная в УПК РФ идея о необходимости в упрощенном порядке признавать недопустимыми доказательства, которые, как установлено, были получены с нарушением требований УПК РФ, полностью нивелируется, а правовые возможности по признанию соответствующих доказательств недопустимыми фактически оказываются иллюзорными.

При таких обстоятельствах следует признать, что норма УПК РФ о необходимости признания недопустимыми любых доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, по смыслу, придаваемому ей в судебной практике, не является эффективным механизмом устранения из процесса доказывания по уголовному делу заявлений подозреваемого, обвиняемого или свидетеля, полученных под пытками.

Приведённый выше анализ положений УПК РФ и судебной практики по их применению показывает следующее:

1) в настоящее время в российском уголовном судопроизводстве отсутствует какая-либо процедура, которая позволяла бы в рамках судебного разбирательства по уголовному делу объективно и беспристрастно проверить поступившее от участника судебного разбирательства заявление о пытках, установить факт пыток и признать на этом основании недопустимым соответствующее доказательство, либо признать доказательство недопустимым на основании данных, указывающих на высокую вероятность того, что факт пыток имел место;

2) существующая в настоящее время процедура рассмотрения судом заявлений о пытках является крайне формальной и неэффективной с точки зрения соблюдения требований ст.15 Конвенции, поскольку в рамках этой процедуры итоговое решение суда по результатам рассмотрения заявления о пытках полностью предопределяется позицией органа прокуратуры, который осуществляет уголовное преследование обвиняемого и поддерживает против него

⁹⁷ Сведения о таком толковании и применении судами нормы о недопустимости доказательств, полученных с нарушением требований (норм) УПК РФ, и о поддержке такого подхода Верховным Судом РФ содержатся в одном из выпусков официального издания «Бюллетень Верховного Суда РФ» (Некоторые вопросы практики применения судами уголовно-процессуальных норм при осуществлении правосудия // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004 г. №8. С.27).

государственное обвинение, вследствие чего указанная позиция органа прокуратуры по вопросу о применении пытки к обвиняемому не может быть объективной и беспристрастной;

3) специальные нормы УПК РФ, определяющие допустимость доказательств, по смыслу, придаваемому им судебной практикой, не предоставляют в дополнение к указанной выше процедуре достаточных гарантий в целях надлежащего соблюдения требований ст.15 Конвенции.

Статья 16⁹⁸

1. Каждое государство-участник обязуется предотвращать на любой территории, находящейся под его юрисдикцией, другие акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, которые не подпадают под определение пытки, содержащееся в статье 1, когда такие акты совершаются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В частности, обязательства, содержащиеся в статьях 10, 11, 12 и 13, применяются с заменой упоминаний о пытке упоминаниями о других видах жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания.

2. Положения настоящей Конвенции не наносят ущерба положениям любых других международных договоров или национального законодательства, которые запрещают жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание или касаются выдачи или высылки.

Условия содержания в следственных изоляторах

Рассматривая Третий периодический доклад РФ, Комитет против пыток выразил обеспокоенность ужасающими условиями содержания под стражей до суда, усугубляемые широким распространением туберкулеза и других заболеваний, а также практикой установки металлических заслонок на окна камер, что препятствуют проникновению в камеры естественного света и сокращает доступ воздуха. Комитет рекомендовал улучшить условия содержания в тюрьмах и центрах содержания под стражей до суда с тем, чтобы они отвечали требованиям Конвенции против пыток.

Компетентные власти России признали остроту проблемы и в течение последних четырех лет предприняли комплекс мер, направленных на улучшение ситуации. Следует отметить, что усилия по сокращению численности заключенных под стражу до суда, постройка новых и ремонт старых помещений СИЗО, а так же увеличение бюджетных расходов на содержание заключенных, - дали ощутимые результаты. Правозащитники, посещающие пенитенциарные учреждения (Республики Коми, Марий Эл, Мордовия и Татарстан; Краснодарский, Красноярский и Пермский край, Иркутская и Орловская области), отмечают улучшение ситуации.

Правозащитный центр г. Казани, в частности, сообщает, что в Республике Татарстан во всех следственных изоляторах республики с окон сняты металлические жалюзи (реснички), что обеспечивает приток свежего воздуха и естественного освещения в камерах.

В Республике Мордовия в последние 2-3 года построен новый корпус СИЗО-13/1, в котором оборудованы камеры на 2-4 человека, выдерживается норматив по площади (не менее 4 квадратных метров на человека). Имеется хорошее медицинское оборудование (флюорограф, зубоучастковый кабинет и др.). Также фонд «Социальное

⁹⁸ Данный раздел доклада подготовлен Исследовательским центром «Демос». При написании раздела использовалась информация, полученная из СМИ и от НПО: Всероссийское движение «За права человека», Фонд «Социальное партнерство», Союз комитетов солдатских матерей России, Нижегородский Комитет против пыток, Красноярский Общественный комитет по защите прав человека, Пермский региональный правозащитный центр, Правозащитный Центр г. Казани, Йошкар-Олинская организация «Человек и Закон», Коми региональная Комиссия по защите прав человека «Мемориал», Мордовский республиканский правозащитный центр, Институт общественных проблем «Единая Европа», Краснодарская организация «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных», Союз правозащитных организаций Свердловской области.

Партнерство» и Мордовский правозащитный центр отмечают, что отношение сотрудников к арестованным и осужденным значительно улучшилось.

Правозащитная организация «Человек и закон» сообщает, что в Республике Марий Эл в следственных изоляторах содержится меньше заключенных, чем возможно по установленному лимиту вместимости.

Вместе с тем, информация, поступающая из органов власти, от посещающих места лишения свободы общественных организаций, от заключенных, а так же их родственников и адвокатов, свидетельствует о том, что по многим параметрам условия содержания в следственных изоляторах остаются несоответствующими принципам гуманности и уважения к человеческому достоинству.

Проблема переполненности СИЗО

Несмотря на усилия по сокращению численности заключенных и создание новых следственных изоляторов, проблема переполненности мест содержания под стражей не была полностью решена. На эту проблему указывают, в первую очередь, сами органы власти. Так, Генеральный прокурор России в докладе о деятельности органов прокуратуры в 2004 г. сообщил, что в Республиках Бурятия, Чувашия и Тыва, Нижегородской, Московской, Читинской областях, в Москве и Санкт-Петербурге и других местах отдельные изоляторы и камеры по-прежнему переполнены в полтора-два раза.

Необходимость дальнейших мер по решению проблемы переполненности следственных изоляторов очевидна. 17 марта 2006 г. Директор ФСИН России Калинин Ю.И. в докладе по итогам работы службы в 2005 г. и задачах на 2006 г.⁹⁹ сообщил, что ФСИН России планирует развитие программ по расширению и реконструкции СИЗО. Одновременно Калинин сообщил, что в 2005 г. рост численности заключенных в СИЗО значительно превысил прогнозируемые показатели, и к концу года численность заключенных увеличилась на 15 тысяч человек. По его словам, интенсивный рост численности заключенных в СИЗО продолжается и в 2006 г.: за январь-февраль она увеличилась еще на 5,6 тысячи человек. Калинин выразил озабоченность сложившейся судебной практикой применения содержания под стражей в качестве меры пресечения за малозначительные преступления. Таким образом, для улучшения ситуации в СИЗО российские власти должны принимать меры для изменения судебной практики.

Плохие условия содержания в СИЗО

В целом, оценивая результаты программ по реновации старых зданий СИЗО и постройке новых, можно назвать их положительными, но не разрешившими окончательно проблемы приведения условий содержания в соответствие с требованиями поддержания здоровья заключенных и уважения их человеческого достоинства. Все проекты по постройке новых зданий СИЗО и реновации старых ориентированы на установленную действующим законом¹⁰⁰ норму санитарной площади в камере на одного человека в 4 кв. м., в то время как Европейский комитет по предотвращению пыток говорит, что норма площади на человека в камерах учреждений для предварительного заключения должна быть не менее 6 кв. м. Более того, принятая в России норма в 4 кв. м. тем более неприемлема, поскольку в камере СИЗО заключенный проводит целые сутки за исключением полутора часов, выделенных на прогулку, а сроки нахождения в СИЗО часто превышают год.

Тем не менее, при реновации помещений СИЗО даже установленный российским законодательством стандарт не всегда учитывался.

При посещении СИЗО №2 «Бутырки» г. Москвы в феврале 2004 г. делегация МХФ осмотрела только что отремонтированную камеру предварительного заключения. Отметив достаточность освещения дневным светом, хорошую вентиляцию и обогрев, а также новую мебель, делегация констатировала, что в камере площадью примерно

⁹⁹ Опубликовано на официальном сайте ФСИН России. <http://www.fsin.su/main.phtml?aid=514>

¹⁰⁰ Ст. 23 Закона «О содержании под стражей...».

45—50 кв. м на двух ярусах находились 22 кровати. Размеры камеры явно недостаточны для такого числа заключенных — на каждого придется примерно по 2 кв. м.¹⁰¹ К тому же, несмотря на то, что сейчас в камерах СИЗО принято отделять перегородкой жилую часть камеры от туалета и умывальника, тем не менее, туалет по-прежнему не изолирован от жилых помещений.

Также необходимо отметить, что к настоящему времени далеко не все помещения СИЗО прошли реновацию. В старых помещениях, используемых для содержания заключенных, наблюдается теснота, грязь, отсутствует надлежащая вентиляция и дневной свет. Такое положение было засвидетельствовано Комиссаром по правам человека Совета Европы при посещении России в июле и сентябре 2004 года.¹⁰²

В следственных изоляторах по-прежнему полностью не решены проблемы с соблюдением санитарно-гигиенических норм, с обеспечением заключенных постельными принадлежностями, питанием, медицинской помощью.

Так, по данным общественной организации «За права человека», в СИЗО № 69/1 г. Твери систематически нарушаются санитарные нормы содержания заключенных. В конце 2004 г. представители этой организации побывали в следственном изоляторе. В ходе посещения они выявили, что освещенность камер такова, что долгое пребывание в них может привести к потере зрения у подследственных. Камеры не проветриваются. Воздух в камерах тяжелый, в том числе и потому, то баки для мусора освобождаются крайне нерегулярно.

По данным Тверского отделения общества «Мемориал», проводившего в 2003 г. мониторинг мест содержания под стражей, СИЗО № 2 в г. Кашин Тверской области занимает здание постройки 1640 г., основной корпус СИЗО № 1 г. Тверь был построен в 1812 г., здание СИЗО № 3 в г. Ржев строилось в 1880-х годах. Эти помещения не соответствуют современным стандартам. Питание заключенных не сбалансировано по углеводам и белкам. По свидетельству бывших заключенных следственных изоляторов, питались они в основном теми продуктами, которые получали из дома или покупали на свои средства. В СИЗО № 1 г. Твери душевых установок в камерах и старого, и нового корпусов нет, как нет и горячей воды. Раз в неделю обвиняемых водят в баню. Пропускная способность банных помещений недостаточна.

По данным организации «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных» заключенные СИЗО г. Краснодар страдают от вшей и чесотки.

Мордовский правозащитный центр при посещении следственных изоляторов в Республике Мордовия отметил нехватку постельных принадлежностей.

А вот как описывает ситуацию недавно побывавший под арестом в московском СИЗО-5 Павел Люзаков – журналист, главный редактор издания «Свободное слово»:

«Сегодня выдают только матрас и кружку с маленькой пластмассовой одноразовой ложкой. Это все. Выживай, как хочешь. В камерах в конце января, начале февраля был дикий холод. На 14 спальных мест - 23 человека. Спать приходится посменно на невозможно грязных матрацах. Практически в каждой камере - вши. Бороться с этой напастью можно лишь непрерывной стиркой белья, но вода из-под крана течет ледяная, а кипятить ее по очереди времени всем не хватает. Стены нашей камеры когда-то были зелеными. Теперь они разноцветные, местами коричневые, местами черные от сажи, где-то проступает даже серый бетон. На двери надписи, датированные 1984 годом.¹⁰³

¹⁰¹ Полный текст отчета (на английском языке) о посещении размещен на сайте МХГ. <http://www.mhg.ru/files/knigi/visiting.doc>

¹⁰² См. CommDH(2005)2, С. 35.

¹⁰³ Люзаков П. Тюрьма российская. 17 февраля 2005 г. <http://control.hro.org/okno/pen/2005/02/17-1.php>

Адвокат Анна Ставицкая сообщает:

«В следственном изоляторе «Лефортово» (г. Москва) сейчас нет зубного врача. Он посещает СИЗО один раз в месяц. Врач может прийти лечить зубы, рассверлить зуб - и уйти. Вернуться только через месяц, поставить пломбу. В такой ситуации оказался мой клиент Игорь Сутягин. Иначе чем пытку такое обращение квалифицировать нельзя. В изоляторе № 4 в Медведкове (г. Москва) нет врача, который смог бы сделать флюорографию. Поэтому заключенных шесть месяцев возят на флюорографию в «Матросскую Тишину». Выглядит это так. В пять часов вечера предыдущего дня заключенных помещают в бокс, там они сидят всю ночь, рано утром везут в «Матросскую Тишину». Процедура занимает максимум 15 минут. Людей везут обратно только поздно вечером. Таким образом, они находятся без пищи более суток. Добиться посещения врача крайне сложно. У врача обычно есть только одно лекарство – анальгин».

Условия содержания в исправительных учреждениях

Правозащитные организации отмечают, что усилия ФСИН по улучшению условий содержания в исправительных учреждениях дали определенные положительные результаты. Однако пенитенциарная система России огромна. Она включает в себя более 800 исправительных учреждений, в которых содержится более 600 000 человек. Финансовых ресурсов и организационных усилий, затраченных ФСИН России, оказалось недостаточно для того, чтобы привести условия содержания во всех исправительных учреждениях в соответствие с принципом уважения к человеческому достоинству заключенных. Генеральный прокурор России в докладе о деятельности органов прокуратуры в 2004 г. указывал на плохие условия содержания в исправительных учреждениях и приводил конкретные примеры.

Представители общественных организаций, посещающие исправительные учреждения, констатируют определенные улучшения в условиях содержания заключенных, однако, одновременно отмечают большое число проблем и указывают ФСИН России на необходимость продолжать работу по приведению условий содержания заключенных (в частности, помещений для содержания заключенных, санитарно-гигиенических приспособлений, условий труда заключенных, уровня медицинского обслуживания и качества питания) в соответствие с принципом гуманности.

Состояние помещений исправительных учреждений

Правозащитные организации, посещающие исправительные учреждения, свидетельствуют, что в некоторых из них за последние годы были произведены ремонтные работы.

В последние два года в исправительных учреждениях Тверской области стали приводиться в порядок жилые корпуса. Практически во всех колониях региона налажено отопление в холодное время года. В исправительных учреждениях в целом соблюдаются нормы жилой площади на человека.

Например, в ИК-27 г. Красноярска (мужская колония общего режима) создан отряд льготных условий содержания: комнаты на два человека, одноярусные деревянные кровати, своя столовая в корпусе, душ. В Каннской воспитательной колонии сданы в эксплуатацию новая трехэтажная кирпичная школа и новая деревянная церковь.

Вместе с тем, в некоторых учреждениях УИС помещения, где живут заключенные, находятся в плачевном состоянии.

Фонд «Социальное партнерство» сообщает, что в Орловской области в женской колонии № ИК-6 при плановой численности в 910 заключенных содержится

1600 человек: на одну заключенную приходится (в разные периоды в зависимости от наполнения колонии) до 2,2 кв.м. жилой площади. А в колонии г. Льгов Курской области, в отряде №3, в комнате площадью 40 кв. м. жили 60 человек, кровати почти всюду стояли в два яруса.

Фонд «Социальное партнерство», чьим сотрудникам удалось посетить исправительные учреждения в разных регионах России, отмечают, что помещения штрафных изоляторов (ШИЗО) и помещения камерного типа (ПКТ), куда заключенных водворяют за дисциплинарные нарушения, почти повсеместно не соответствуют национальным санитарным требованиям, а также международными стандартам. В этих помещениях часто фиксируется повышенная влажность, значительный дефицит естественного освещения, холод. Например, в штрафном изоляторе в женской колонии около г. Тосно Ленинградской области женщины спасаются от холода, затыкая тряпками огромные щели в окне.

Санитарно-гигиенические условия в исправительных учреждениях

Статья 11 УИК РФ, а также «Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений», требуют от заключенных соблюдать правила санитарии и гигиены. Вместе с тем, в законодательстве не установлена обязанность администрации исправительных учреждений обеспечивать необходимые для этого условия.

Как свидетельствуют правозащитные организации, в колониях нередко санузлы расположены в специальных помещениях, отделенных от жилых. Однако оборудование санузлов не позволяет заключенным беспрепятственно удовлетворять гигиенические нужды. Часто не выдерживаются нормы, которые предписывают иметь как минимум один водопроводный кран на десять заключенных. В некоторых колониях кранов изначально было недостаточно, а в других они сломались в ходе эксплуатации и не ремонтируются.

В Льговской колонии Курской области на отряд из 120-150 заключенных кранов для умывания было 6-8, то есть в 2 раза меньше предельно допустимой нормы.

В редких случаях в пенитенциарных учреждениях конструкция и оборудование отхожих мест соответствует общим представлениям о благопристойности и минимальном комфорте. Зачастую отхожие места представляют собой так называемые «туалеты азиатского типа», причем количество «очков» зачастую намного меньше нормы, они расположены друг против друга и не имеют перегородок. Нередко отхожие места расположены в отдалении от жилых помещений и не обогреваются в зимнее время, что в ряде местностей с особо суровым климатом создает большие неудобства для заключенных и может угрожать их здоровью.

В Новооскольской воспитательной колонии для девочек туалеты в помещении оборудованы, но они в течение ряда лет закрыты на ключ, а девочкам надлежит пользоваться туалетом устаревшей конструкции на улице, в том числе и в морозы.

Питание осужденных

По утвержденным нормам питания осужденному полагается в месяц: по 7,5 кг хлеба ржаного и белого, около 4 кг разных круп, 1,4 кг сахара, по 3 кг мяса и рыбы, 15 кг картофеля, 0,5 кг сливочного масла. В 2005 г. норма потребления мяса для заключенного увеличена до 100 гм в сутки.

Нормативами ФСИН России предусмотрены особые нормы продовольственного обеспечения для страдающих от туберкулеза и других заболеваний, требующих соблюдения диеты. Однако существующие нормативы не предусматривают особых норм питания для тех заключенных, которые придерживаются определенной диеты по религиозным соображениям.

В целом в последние годы уровень обеспеченности заключенных питанием улучшился. В некоторых учреждениях улучшение питания заключенных связано не только с увеличением финансового обеспечения пенитенциарной системы, но и с активной работой администрации пенитенциарных учреждений.

Правозащитный центр г. Казани (Республика Татарстан), в частности, сообщает, что в республике, за счет улучшения финансирования, создания собственных подсобных хозяйств и производства продуктов, в исправительных учреждениях решена проблема с обеспечением осужденных продовольствием в соответствии с нормами, установленными действующим законодательством.

Однако несмотря на введение в действие более адекватных норм питания, качество пищи для осужденных оставляет желать лучшего. По свидетельству заключенных, они не могут поддерживать свои силы без дополнительных продуктов, получаемых из дома или приобретенных на собственные средства в магазинах пенитенциарных учреждений.

Условия труда осужденных

Правовые нормы, регламентирующие труд заключенных, в последние годы были усовершенствованы и стали в большей степени соответствовать международным стандартам. Вместе с тем, представители правозащитных организаций отмечают, что в этих нормах остались определенные противоречия.

Статья 103 УИК РФ говорит, что

«каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений»... «производственная деятельность осужденных не должна препятствовать выполнению основной задачи исправительных учреждений — исправлению осужденных».

При этом УИК РФ не предполагает возможности выбора заключенными вида работ. Так же в Кодексе отсутствует указание на обязанность администрации пенитенциарного учреждения организовывать труд таким образом, чтобы осужденные получали полезные навыки и квалификацию.

В пункте 6 статьи 103 УИК РФ устанавливается, что

«осужденным запрещается прекращать работу для разрешения трудовых конфликтов. Отказ от работы или прекращение работы являются злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания и могут повлечь применение мер взыскания и материальную ответственность».

Таким образом, реализация заключенных своего права на приемлемые условия труда или на справедливую оплату на практике может повлечь применение к ним дисциплинарных наказаний.

Согласно статье 106 УИК, осужденные в течение двух часов в неделю могут привлекаться без оплаты труда к выполнению работ по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий. В остальных случаях труд заключенных оплачивается. Статья 105 УИК РФ устанавливает, что размер оплаты труда заключенного не может быть меньше установленного минимального размера оплаты труда в стране, с условием, что заключенный соблюдает нормативы по производительности труда. Эти нормативы устанавливает сама администрация предприятий пенитенциарных учреждений. На практике размеры оплаты труда заключенных существенно занижаются по сравнению с рыночными расценками. Это во многом обусловлено тем, что производственные предприятия пенитенциарных учреждений находятся под налоговым прессом, не имеют должной государственной поддержки и вынуждены конкурировать с коммерческими структурами, хотя в отличие от обычных коммерческих производств они осуществляют социально-значимые функции социальной адаптации и воспитания заключенных.

В соответствии со статьей 107 УИК РФ заработанные осужденными средства расходуются на выплаты по их обязательствам (алименты на содержание детей, компенсация ущерба, причиненного преступлением). После этого из заработка осужденных вычитаются средства на их содержание в исправительных учреждениях. Кодекс устанавливает лимит на взыскание средств из заработка осужденных. На лицевой счет осужденных независимо от всех удержаний зачисляется не менее 25 % начисленных им заработной платы, пенсии или иных доходов. На лицевой счет осужденных мужчин старше 60 лет, осужденных женщин старше 55 лет, осужденных,

являющихся инвалидами первой или второй группы, несовершеннолетних осужденных, осужденных беременных женщин, осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка исправительного учреждения, - не менее 50 % начисленных им заработной платы, пенсии или иных доходов.

В итоге, реальные доходы осужденных в ряде регионов и учреждений оказываются смехотворно малы.

Сотрудники Пермского регионального правозащитного центра в ходе поездок по исправительным учреждениям Пермской области установили, что зарплата заключенных меньше минимального размера оплаты труда, который сегодня равняется 720 рублям. В некоторых колониях, расположенных в г. Кунгуре, например, до сих пор зарплата не превышает 600 рублей. Заключенные работают в цехах по металло-, деревообработке и шьют спецодежду и белье для своих нужд. Однако часто производства нерентабельны, и начальники колоний не могут «дотянуть» зарплату своих подопечных до минимального размера, установленного законом. Предприятия просто «задыхаются» от налогов, работая на изношенном оборудовании. Кстати, стоимость минимального набора продуктов на конец 2004 г. в среднем по России составляла 34 рубля 73 копейки в сутки, а на заключенных федеральный бюджет выделил в 2005 г. по 27 рублей 29 копеек. Но при такой зарплате на еду, табак и гигиенические средства осужденным остаются копейки, так как 75 % от зарплаты вычитается на содержание.

Стандарты по обеспечению безопасности труда осужденных подробно отражены в законодательстве. Так, УИК РФ (ст. 104) распространяет на учреждения УИС все нормативы, касающиеся «продолжительности рабочего времени, правил охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии». Кроме того, учитывается трудовой стаж и гарантируется предоставление отпуска. Статья 98 УИК РФ устанавливает порядок обязательного государственного социального страхования осужденных и возмещения вреда, что соответствует трудовому законодательству России. Согласно последнему признается и определяется компенсация за производственную травму.

На практике обложение предприятий пенитенциарной системы налогами и отсутствие государственной поддержки этих предприятий не позволяет обновить оборудование и приблизить условия труда к современным стандартам. Правозащитные организации получают жалобы на антисанитарные условия труда и производственный травматизм в исправительных учреждениях.

Пермский региональный правозащитный центр зарегистрировал два обращения по поводу производственных травм. Случаи имели место в 2002 г. и в 2004 году. В обоих случаях не было организовано медицинского освидетельствования пострадавших, что лишает их возможности получить предусмотренную законом компенсацию.

Заключенные исправительного учреждения ЮУ 323/Т –2 г. Елец в 2003-2004 гг. жаловались, что рабочие камеры не оборудованы окнами, вентиляция не работает, в воздухе большая концентрация пыли, кислорода не хватает. Впоследствии совокупность этих проблем приводит к заболеванию легочной и дыхательной системы.

Медицинское обеспечение заключенных

Медицинская помощь заключенным оказывается в первую очередь медицинским персоналом исправительных учреждений и специализированными лечебными учреждениями системы исполнения наказаний. Последние годы ФСИН России предпринимал усилия для обеспечения исправительных учреждений медицинским оборудованием и лекарствами, что способствовало повышению качества медицинской помощи. Особенно значимый прогресс был достигнут в области борьбы с туберкулезом. По данным ФСИН России за последние пять лет количество больных активной формой туберкулеза уменьшилось более чем вдвое - со 100 до 48 тысяч человек.

Правозащитные организации свидетельствуют, что в Красноярском и Краснодарском краях, в республиках Татарстан и Мордовия, в Орловской области ситуация с медицинским обеспечением заключенных удовлетворительная.

По данным правозащитной организации Институт «Единая Европа», в Шаховской колонии ИК-6 (Орловская область) медсанчасть оборудована лучше, чем в районном центре.

Вместе с тем, в ряде регионов уровень медицинской помощи остается существенно ниже стандарта, существующего за пределами мест лишения свободы.

Коми правозащитная комиссия «Мемориал», чьи представители посещают пенитенциарные учреждения в Республике Коми, дает следующую характеристику качеству медицинского обслуживания заключенных в их регионе:

«Судя по общению с администрациями колоний, с медицинскими работниками и заключенными, существует ряд общих для всех учреждений проблем. Прежде всего, колонии не полностью обеспечены лекарствами, специалистами и оборудованием. Количество поставляемого в колонии лекарства увеличилось, но по утверждениям врачей, бывает так, что одного лекарства поставят сверхмеры, а другого, наоборот, совсем мало. Например, в колонию № 22 поставили большое число психотропных лекарств, вместе с тем не хватает антигрибковых мазей и лекарств для борьбы с аллергией. Специалистов различных медицинских отраслей не хватает даже в специализированных колониях-больницах. Основная проблема – это низкие зарплаты, на которые специалисты не хотят идти. В частности, в колонии-больнице № 18 нет врача эндокринолога, хотя вакансия имеется. В колонии № 3, где содержатся больные туберкулезом, нет хирурга. За последние два года в колонии республики было поставлено новое оборудование. Но все равно есть проблемы. В частности в колонии № 22 из-за нехватки зубоврачебного кресла без стоматологического обслуживания остаются заключенные, больные СПИДом».

Пермский региональный правозащитный центр отметил, что в межрегиональной областной больнице МОБ-9 г. Соликамск (Пермская область) врач-онколог фактически отсутствует. Основная причина заключается в том, что заработная плата не выплачивается.

Из-за нехватки медицинского персонала заключенные не всегда могут своевременно получить помощь.

Организация «Человек и закон» сообщает, что в учреждении ИК – 6 Республики Марий-Эл стоматолог приходит один раз в неделю. От осужденных очень много жалоб на то, что не все желающие могут обратиться за медицинской помощью и получить ее. Кроме того, неоднократно поступали просьбы пригласить в ИК-6 уролога, однако, до настоящего времени этого не было сделано. Жалобы также поступают от ВИЧ-инфицированных, которые не получают помощи врача-специалиста.

Очевидно, что основная масса проблем с медицинским обслуживанием заключенных связана с недостаточным финансированием, включая низкую оплату работы врачей, препятствующую привлечению квалифицированного медицинского персонала в достаточном количестве. Кроме того, некоторые проблемы вызваны тем, что медицинский персонал исправительных учреждений находится в прямом подчинении администрации мест лишения свободы. В ходе всероссийского мониторинга положения заключенных, проведенного в 2002 - 2003 гг. Московской Хельсинкской группой и ее партнерскими организациями, были зафиксированы факты вмешательства в работу медицинского персонала, что, в некоторых случаях, приводило к отказу в медицинской помощи.¹⁰⁴

¹⁰⁴ <http://www.mhg.ru/english/1EBB5B4>

Осужденные в России имеют право получить медицинскую помощь у гражданских врачей. Однако приглашение гражданского специалиста возможно только с разрешения администрации учреждения.

Организация «Человек и закон» сообщает, что в учреждении ИК – 6 Республики Марий-Эл заключенный Зайнутдинов Р.Ш. пытается добиться независимой врачебной экспертизы, но ему это право не предоставлено.

Кроме того, заключенный обязан оплачивать медицинские услуги гражданского врача из своих средств. Лишь очень незначительное число заключенных может это сделать.

Меры социальной адаптации заключенных

В последние годы пенитенциарные власти уделяют много внимания различным мерам социальной адаптации заключенных, в особенности несовершеннолетних.

В частности, расширяются возможности получения заключенными образования, в том числе и высшего. В исправительных учреждениях стало проводиться больше культурно-просветительских мероприятий: различные смотры - конкурсы самодеятельности заключенных, КВН, турниры по футболу и волейболу. Такие мероприятия стимулирует развитие творческих способностей заключенных.

В системе исполнения наказаний была создана психологическая служба и служба социальных работников. Работа этих служб имеет большое значение как для минимизации конфликтов внутри пенитенциарных учреждений, так и для профилактики рецидивов. Вместе с тем, по данным ФСИН России на 2005 г. в учреждениях УИС работало 1300 социальных работников и 2 252 психологов. Принимая во внимание тот факт, что в исправительных учреждениях содержится более 600 000 человек, то на одного социального работника приходится около 460 заключенных, а на одного психолога – около 230 заключенных. Возникают сомнения в том, что действующий штат социальных работников и психологов может обеспечить помощью всех заключенных, которые в ней нуждаются.

Кроме того, значительные усилия пенитенциарных властей по подготовке заключенного к освобождению и включению в нормальную жизнь, к сожалению, не поддерживаются другими государственными органами. Государственных программ ресоциализации лиц, освободившихся из исправительных учреждений, нет. Отдельные частные благотворительные инициативы помощи таким людям, например, в оформлении документов, в поиске работы и жилья, в налаживании отношений с родственниками, - не могут охватить всех, кому эта помощь требуется. В отсутствии широкомасштабных и эффективных программ социальной адаптации освободившихся возрастает риск повторных преступлений.

Положение отдельных групп заключенных

В целом, условия отбывания наказания в исправительных учреждениях нельзя в полной мере назвать гуманными. Между тем, отдельные категории заключенных находятся в еще более тяжелом положении, чем остальное большинство. К таким категориям, в частности, относятся инвалиды, ВИЧ-инфицированные.

По данным Фонда «Социальное партнерство», в местах лишения свободы обычно не создаются специальные условия содержания, которые соответствовали бы их физическому состоянию. Хотя пенитенциарным властям удалось добиться общего улучшения ситуации с занятостью заключенных, трудоустройство инвалидов составляет большую проблему.

Таблица 4. Численность ВИЧ- инфицированных в местах лишения свободы

По состоянию на:	Численность ВИЧ-инфицированных
-------------------------	---------------------------------------

	в исправительных учреждениях	в СИЗО и тюрьмах
1 января 2001 г.	7187	7915
1 января 2002 г.	21633	12081
1 января 2003 г.	30097	6249
1 января 2004 г.	28964	6253
1 января 2005 г.	25718	5286

В системе исполнения наказаний выявление ВИЧ-инфицированных заключенных организовано хорошо. Каждый вновь в поступивший обследуется на ВИЧ в обязательном порядке. При подтверждении диагноза им прописывается специальная диета и витамины.

Процесс перехода ВИЧ-инфекции к заболеванию СПИДом отслеживается – раз в полгода проводятся периодические обследования. При подтверждении диагноза «СПИД» осужденные получают статус больных. В случаях тяжелых клинических проявлений заболевания их могут поместить в тюремную больницу. При особо тяжелых клинических проявлениях вопрос об освобождении из колонии передается на решение суда. Суд, изучая медицинские материалы, принимает решение. Практика показывает, что суды нередко недооценивают тяжесть заболевания таких заключенных.

Противовирусная терапия в отношении ВИЧ-инфицированных ведется не всегда, потому что финансовые органы не выделяют исправительным учреждениям средства для закупки специальных лекарственных препаратов.

Деньги на программы по работе с ВИЧ-инфицированными в местах лишения свободы Республики Марий Эл были в 2004 г. заложены в республиканский бюджет, однако до настоящего времени деньги не были перечислены.

Законодательство предусматривает содержание ВИЧ-инфицированных совместно с другими заключенными. Однако практически до 2005 г. этот принцип не соблюдался. В последний год пенитенциарные власти, во избежание дискриминации ВИЧ-инфицированных, предпринимают меры, чтобы не отделять их от других категорий заключенных. По свидетельству правозащитных организаций в Республике Марий Эл, в Красноярском, Краснодарском и Пермском краях ВИЧ-инфицированные содержатся совместно с другими заключенными. Но, например, в республиках Коми и Татарстан эту категорию заключенных предпочитают концентрировать в одном-двух исправительных учреждениях.

На положение ВИЧ-инфицированных влияет недостаток медицинского оборудования. В некоторых учреждениях медицинская помощь им не оказывается из-за недостатка одноразовых медицинских приспособлений (шприцов, перчаток, масок и пр.).

В некоторых случаях положение ВИЧ-инфицированных очень тяжелое из-за предрассудков других заключенных и сотрудников исправительных учреждений.

Например, члены Общественного Совета при Минюсте России ознакомились с положением ВИЧ-инфицированных заключенных в колонии общего режима в пос. Горный Смоленской области. Поводом послужили жалобы родителей ВИЧ-инфицированных заключенных. В ходе посещения члены Совета выявили грубейшие нарушения по отношению к этой категории заключенных. Во-первых, не выполнялись требования диеты. ВИЧ-инфицированным не давали более полугода молока, вместо мяса и полноценной рыбы давали черную жижу из мелкой кильки. Места в общей столовой им не предоставили. Заключенные вынуждены были питаться в спальном помещении. Во-вторых, им не оказывалась стоматологическая помощь. Требовали, чтобы они приносили свои стоматологические инструменты и перчатки. Не выдавали в срок положенные им витамины. Лекарства, передаваемые родителями, по месяцу и

больше не передавали адресатам. Начальник медсанчасти, который должен был по должности помогать им, настроен был крайне агрессивно и был одним из злейших их врагов. Если кто-то из них нечаянно ранился, все тут же разбежалось в разные стороны, и никто не оказывал ВИЧ-инфицированным медицинскую помощь. В-третьих, на работу их не брали под предлогом опасности производственных травм. Это обусловило нищенское существование заключенных, не зарабатывающих никаких средств. В-четвертых, за незначительные нарушения ВИЧ-инфицированных помещали в ПКТ (помещения камерного типа) на период до 6 месяцев. Причем неоднократно. Условия в ПКТ не соответствовали требованиям стандартов. В камеры практически не проникал естественный свет и свежий воздух. Понятно, что в этих условиях состояние ВИЧ-инфицированных резко ухудшалось и могло привести к серьезным последствиям. Надо сказать, реакция областного руководства УИН была незамедлительной и серьезной. Когда члены комиссии через год посетили эту колонию, обнаружили устранение многих недостатков. Начальник медсанчасти был уволен.

Условия содержания в изоляторах временного содержания (ИВС) МВД России

Обвиняемые и подозреваемые содержатся не только в следственных изоляторах, находящихся под контролем ФСИН Минюста России, но и в изоляторах временного содержания (ИВС), находящихся в ведении МВД России. Подозреваемые и обвиняемые, в соответствии с требованиями закона, могут находиться в этих учреждениях в течение 10 дней до перевода в следственные изоляторы. После перевода в СИЗО подозреваемые и обвиняемые могут возвращаться в ИВС в случаях, когда это необходимо для выполнения следственных действий, судебного рассмотрения дел за пределами населенных пунктов, где находятся следственные изоляторы, но не более чем на десять суток в течение месяца.

Если проблема плохих условий содержания в СИЗО была признана компетентными властями уже достаточно давно, и для улучшения ситуации были предприняты меры, то на условия содержания в ИВС обратили внимание только недавно. Отчасти это связано с тем, что буквально до 2005 г. в ИВС не допускали независимых наблюдателей.

По описаниям должностных лиц и правозащитников, условия в ИВС далеки от гуманных и в некоторых случаях хуже, чем условия в СИЗО. Уполномоченный по правам человека Свердловской области Татьяна Мерзлякова в своем докладе «О нарушении прав подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в ИВС» сообщает:

«Подавляющее большинство ИВС расположены в приспособленных для этих целей полуподвальных и подвальных помещениях зданий отделов внутренних дел, которые построены в прошлом веке и ранее. Проверкой выявлен ряд нарушений Федерального закона “О содержании под стражей...” от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ, “Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел” от 22 ноября 2005 г. № 950, таких как право на получение бесплатного трехразового питания, материально-бытового, медико-санитарного обеспечения, ежедневную прогулку.

Проверка показала, что администрацией только 16 ИВС области обеспечивается содержащимся там лицам трехразовое питание, в четырех ИВС – двухразовое, в остальных 28 изоляторах временного содержания питание организовано только один раз в сутки. Возможность пользоваться индивидуальным спальным местом предоставлена подозреваемым и обвиняемым в 34 ИВС области. В остальных же изоляторах временного содержания люди спят в камерах на деревянных настилах. Постельные принадлежности и постельное белье отсутствуют в 20 ИВС. Обеспечены матрасами, одеялами, постельным бельем 17 изоляторов временного содержания. В остальных ИВС, за исключением Артинского, Ивдельского ОВД, где содержащиеся в ИВС пользуются и постельными принадлежностями, и постельным бельем, в наличии имеются либо постельные принадлежности, либо постельное белье. Не выполняются

требования закона об оборудовании камер ИВС столом, скамейками, шкафом для хранения продуктов, санитарным узлом, краном с водопроводной водой, бачком для питьевой воды, радиодинамиком. Только в 5 ИВС области в камерах имеются столы и скамейки. В 27 изоляторах временного содержания эти необходимые предметы обихода вообще отсутствуют. В таких условиях подготовиться к судебному разбирательству по делу, написать жалобу, письмо родственникам, да и просто нормально принять пищу весьма и весьма затруднительно.

Камеры всего лишь 10 ИВС области оснащены радиоточками, электророзетки имеются в камерах только 23 изоляторов, нет периодической печати в 8 ИВС, настольных игр в 9 изоляторах области.

В 40 изоляторах временного содержания области отсутствуют санпропускники, в 44 – дезинфекционные камеры, в 25 ИВС - отдельные оборудованные медицинские кабинеты. Данное положение свидетельствует о том, что практически во всех ИВС области отсутствует необходимое медико-санитарное обеспечение подозреваемых и обвиняемых, которое должно предупредить возникновение инфекционных заболеваний.

Анализ технического состояния ИВС, непосредственные выезды и осмотры ИВС показали, что в 30 изоляторах временного содержания области из-за отсутствия прогулочных дворов либо их несоответствия требованиям безопасности ежедневные прогулки содержащимся там лицам, в том числе несовершеннолетним и женщинам, не предоставляются. В ИВС Кушвинского, Красноуфимского ОВД подозреваемые и обвиняемые не выводятся на прогулки из-за нехватки сотрудников конвойных подразделений, занятых на доставлении обвиняемых для участия в судебных процессах.

Превышение лимита наполняемости и, как следствие, нарушение права подозреваемого и обвиняемого на соблюдение нормы санитарной площади в размере 4 квадратных метров на одного человека, установлено в ИВС УВД Каменска-Уральского, Первоуральска, ИВС Асбестовского, Ачитского, Кировградского, Красноуфимского, Невьянского, Режевского отделов внутренних дел. Ситуация с превышением лимита наполняемости ИВС усугубляется еще и тем, что для содержания лиц, арестованных в административном порядке, из режимных зон изоляторов выделена часть камер. Всего по области для отбывания административного ареста из изоляторов временного содержания выведено 30 камер».

Правозащитная комиссия «Мемориал» Республики Коми сообщает об условиях содержания в ИВС Корткеросского отдела внутренних дел (ОВД) Республики Коми:

«Подозреваемые и обвиняемые не обеспечиваются индивидуальными спальными местами и вынуждены либо спать по очереди, либо спать сидя, либо лежа на полу. На спальных местах заключенные лежат без постельных принадлежностей, без постельного белья. Заключенные не имеют возможности помыться, так как в камеры не подается даже холодная вода. В здании ИВС нет душевых. На прогулки заключенных почти не выводят из-за отсутствия штатных работников для сопровождения. В камерах отсутствуют туалеты, заключенные вынуждены справлять нужду в выносные баки, от этого в камере стоит тяжелый запах. Так как все камеры в ИВС переполнены и нет прогулок, заключенные сообщают, что дезинфекцию хлоркой проводят в камерах в присутствии заключенных. На стенах и полу камеры грязь и копать. Так как в окнах в камере отсутствуют стекла, они забиты снаружи деревянными досками, а изнутри - железным листом. Так что естественное освещение в камере отсутствует полностью. Камера освещается одной тусклой лампой в 40 Вт. Из-за выбитых стекол и отсутствия отопления температура в камерах поднимается не выше 5-10 градусов Цельсия. А так как верхняя одежда в камерах запрещена, заключенные постоянно мерзнут. В медицинской ИВС не хватает необходимых медикаментов».

Аналогичные проблемы выявили сотрудники Пермского регионального правозащитного центра при посещении 10 следственных изоляторов Пермской области.

Условия содержания в пунктах для мигрантов¹⁰⁵

В России существуют два типа учреждений для содержания мигрантов. Во-первых, это центры временного размещения мигрантов, куда помещаются лица, чей статус подлежит определению, а также места, куда помещают мигрантов с целью обеспечения их выдворения за пределы страны.

Центры временного размещения мигрантов

В России существует всего три государственных учреждения, находящихся в ведении Федеральной миграционной службы РФ (ФМС России) и носящих название «Центр временного размещения иммигрантов»: «Очер» (г. Очер, Пермская область), «Горячий Ключ» (г. Горячий Ключ, Краснодарский край), «Дон» (с. Синявское, Неклиновский район Ростовской области).

Центры были организованы в 1996 г. согласно Постановлению Госкомсанэпиднадзора РФ от 12 января 1996 г. № 1 и предназначены для размещения и временного проживания иностранных граждан, лиц без гражданства и беженцев на срок от нескольких дней до 3 месяцев до определения их правового статуса на территории России или до выезда транзитных лиц за ее пределы.

Условия проживания в центрах вполне приемлемые. Однако вместимость этих центров невелика – всего около 500 мест, но и они остаются незанятыми, поскольку лица, ищущие убежища, не получают туда направления. Это положение вполне укладывается в общую политическую тенденцию отказа в предоставлении убежища.

В настоящее время в трех центрах живет всего 180 человек. В центре «Дон», долгое время стоявшем пустым, идет ремонт. Там проживает один человек (гражданин Грузии Масхулия), обжалующий утрату статуса. В «Горячем Ключе» также нет жильцов, исключая небольшой штат сотрудников. В «Очере» проживают остальные 179 человек, ожидающих определения статуса, из них 15 человек оспаривают утрату временного убежища. Вместимость центра «Очер» составляет более 300 мест, но он не заполнен, поскольку миграционные органы очень неохотно дают туда направления, а иногда и беженцы отказываются ехать туда из страха перед суровым северным климатом.

Абсолютное большинство ищущих убежища лиц предоставлены сами себе. Их не распределяют по субъектам Федерации. Прибывшие авиатранспортом, как правило, оказываются в г. Москве и обращаются в органы миграции г. Москвы или Московской области. Никто из них не имеет права на работу, обучение, медицинское обслуживание (кроме срочной помощи), пенсии или пособия на детей.

Центры для выдворяемых

В соответствии с пунктом 5 статьи 32.10 КоАП, мигрант, в отношении которого судом было принято решение о выдворении, может быть помещен под стражу.

«Статья 32.10. Порядок исполнения постановления об административном выдворении за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства

5. До административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранный гражданин или лицо без гражданства по решению суда могут содержаться в специальных помещениях, предусмотренных статьей 27.6 настоящего Кодекса»

¹⁰⁵ Данный подраздел доклада подготовлен Комитетом «Гражданское содействие» и ПЦ «Мемориал». Все данные для данного раздела получены при посещении центров размещения лиц, ищущих убежища, спецприемников для задержанных, а также в результате работы общественной приемной Комитета «Гражданское содействие» и Сети «Миграция и Право» ПЦ «Мемориал».

Как можно видеть, обстоятельства, при которых выдворяемое лицо заключается под стражу, не уточняются. При этом срок содержания под стражей до выдворения неограничен, что не может считаться нормальным. Реальный срок заключения иногда исчисляется годами. Таким образом, мера, обеспечивающая решение суда превращается в наказание в виде заключения под стражу на неопределенный срок, часто во много раз превышающий 30 суток – максимальный срок административного наказания в виде ареста.

Можно отметить, что число соответствующих судебных решений приблизительно на 15-20% больше числа выдворенных. Часть выдворяемых, незаконных под стражу, откупается, остается в России и проживает нелегально, поскольку теряет все возможности легализации.

В последние два года в регионах РФ стали активно организовываться центры для депортируемых и выдворяемых мигрантов. Нормативных документов, определяющих правовой статус подобных мест заключения, не существует. Они образуются по распоряжению местной администрации. Предложения по принятию соответствующих дополнений в КоАП вносятся в Государственную думу постоянно, но они пока не приняты.

Под г. Москвой в пос. «Северный» уже давно функционирует центр, куда свозят лиц, в отношении которых судами Московского региона принято решение о выдворении. Условия жизни в центре крайне тяжелые: унижительное обращение (обыск перед помещением в центр, запрет на письменные принадлежности, телефонные звонки и письма), недостаточное число спальных мест, отсутствие постельного белья и возможности мыться. На питание одного задержанного отводится 12 рублей в день, при этом пища не только скудная, но и очень плохого качества, не хватает столовых приборов. Задержанные едят, используя вместо ложки корку хлеба, или лакая из миски по-собачьи.

В других регионах положение в приемниках еще хуже: у некоторых заключенных даже нет матрацев.

Из-за отсутствия связи с внешним миром обжаловать решение о помещении в центры для выдворяемых чрезвычайно трудно. За редким исключением, такое обжалование оказывается возможным исключительно при условии, если родственники, общественные организации или УВКБ ООН осведомлены о задержанном и приглашают для него адвоката.

Существуют малочисленные случаи, когда задержание на неограниченный срок удавалось обжаловать и добиться освобождения лиц, ищущих убежища.

Материально-бытовые условия прохождения военной службы

Военнослужащие по призыву находятся в ведении военных властей. Последние несут ответственность за обеспечение военнослужащих по призыву питанием, медицинской помощью и пр. По данным Комитетов солдатских матерей, призванные на военную службу не всегда получают тот уровень бытового и медицинского обеспечения, который можно было бы назвать соответствующим принципу запрета унижающего и бесчеловечного обращения.

Рацион питания военнослужащих установлен Уставом внутренней службы и приказом Министра обороны РФ от 22 июля 2000 г. № 400 в редакции приказа Министра обороны № 344 от 29 октября 2004 г. «Об утверждении Положения о продовольственном обеспечении Вооруженных Сил РФ на мирное время». Установленная этими документами норма суточного общеевойскового рациона составляет 60 рублей, который на 70% состоит из хлеба, овощей и круп. Практика работы с военнослужащими по призыву и их родителями, обращающимися в комитеты солдатских матерей, и исследования, проводимые в 2001-2003 гг. Хьюман Райтс Вотч, подтвердили, что реальное питание солдат далеко не соответствует даже тому скудному рациону, который предусмотрен нормативами.

Ряд факторов в воинских подразделениях негативно сказываются на обеспечении солдат питанием. По мнению Комитетов солдатских матерей, к таким факторам относится кража продуктов с интендантских складов и из войсковых столовых. Из-за дискриминационных порядков в воинских частях больше всех страдают из-за недостатка пищи, а попросту голодают, солдаты первого года службы.

Из заявления от 6 июня 2005 г. в Нижегородский областной комитет солдатских матерей рядового воинской части 95105 (г. Выборг) Антона Кошелева: «Питание мне назначено повышенное, но в части это роли не играло. Сначала накладывали себе еду сержанты, а потом, что осталось, мы делили между собой. По команде сержантов мы заканчивали прием пищи, не успевая доест. На человека приходилось по полпорции».

Из обращения 29 ноября 2005 г. в Нижегородский областной комитет солдатских матерей матери рядового воинской части 45935 (г. Санкт-Петербург) Валерия Бойцова: «Вместо учебы их посылали на разгрузку КАМАЗов в колхозы. Во время работы они оставались голодные, их не кормили до вечера».

Недостаток питания, который особенно остро испытывают на себе военнослужащие первого года службы, приводит наряду с другими причинами к ухудшению состояния здоровья солдат по призыву. Сохранение и укрепление здоровья военнослужащих по призыву является в соответствии со статьей 326 Устава внутренней службы

«одной из основных обязанностей командира в деятельности по обеспечению постоянной боевой готовности...»

Статья 334 Устава обязывает каждого военнослужащего

«заботиться о сохранении своего здоровья, не скрывать болезней, строго соблюдать правила личной и общественной гигиены...».

Все действия, предусмотренные данной статьей Устава практически невозможно выполнить военнослужащему первого года службы, так как условия, в которых он оказывается, всячески препятствуют этому. Попадая в казарму, новобранец в первый же день лишается всех вещей, которые он взял с собой из дома, в том числе предметов личной гигиены, так как их открыто или скрытно отбирают старослужащие. Препятствуют соблюдению личной гигиены и такие явления дискриминации молодых солдат, как ограничение времени мытья в бане. (В воинских частях установлен банный день, как правило, один день в неделю). Традиция в большинстве воинских частей такова, что сначала моются старослужащие, а потом оставшееся время (до 10 минут) 40- 50 солдат первого года призыва, при том, что для мытья отведены места только в четырех-пяти душевых кабинах. Таким образом, на солдата-первогодка приходилось по одной минуте.

О неудовлетворительных санитарных условиях в казармах говорят также заявления военнослужащих и их родителей, которым удалось вывезти своих сыновей из воинской части. В заявлениях они указывают, что в форме и нательном белье солдат водятся бельевые вши.

Из заявления в Нижегородский областной комитет солдатских матерей от 23 июня 2005 г. рядового воинской части 42710 (г. Новочеркасск) Ивана Каравашкина: «Нам дали кровати с грязными одеялами, рваные матрасы и подушки...Не меняли портянки, ходили в грязных, работали без выходных. Не хватало времени постирать форму, помыть ноги, лицо, побриться».

Самым распространенным заболеванием новобранцев является заболевание нижних конечностей, вызванное незначительными потертостями из-за неудобной обуви. Эти небольшие потертости при невозможности соблюдать правила личной гигиены (ежедневное мытье ног, предусмотренное статьей 335 Устава внутренней службы) из боязни вызвать неудовольствие старослужащих с последующими «воспитательными» мерами в виде жестоких избиений, превращается в серьезное заболевание, требующее стационарного лечения. По неписанным правилам внутренней жизни казарм молодой солдат не имеет права войти в туалетную комнату вечером, чтобы совершить вечерний туалет, так как там находятся старослужащие.

Статьи 347-349 Устава внутренней службы предписывает военнослужащему при заболевании немедленно доложить об этом непосредственному начальнику и с его разрешения обратиться за медицинской помощью в медпункт полка. Следует отметить, что командование совместно с медицинским персоналом воинского подразделения обязано проводить профилактику

и своевременное выявление заболеваний солдат, проводя периодические телесные осмотры и медицинские обследования не менее двух раз в год (ст.ст. 341-342 Устава внутренней службы). В действительности, проверка здоровья солдат проводится формально или совсем не проводится.

Солдатам, особенно первого года службы, чинятся всевозможные препятствия для обращения за медицинской помощью в медпункт воинской части. Из-за недоступности медицинской помощи незначительные расстройства здоровья солдат, оставаясь длительное время без терапии, часто развиваются в серьезные заболевания.

Примером может служить история сержанта Топкова из воинской части 96160 (г. Буйнакск, Дагестан), рассказанная его матерью в заявлении в Нижегородский областной комитет солдатских матерей. «...С августа (2001 г.) от сына стали приходиться тревожные письма, жаловался на сильные боли в почках. Алешка горстями глотал таблетки и, как только боль немного отступала, опять оказывался в сыром окопе. ...Врачи в в/ч толком и не осматривали, говорили – мышцы застудил. ...В декабре я приехала в часть. Сына своего я не узнала, до того он изменился. Я умоляла начальство отпустить сына в госпиталь, но мне лишь отвечали, что с ним все в порядке. Буквально выкрыв сына из части, я с трудом добилась его госпитализации. ...В госпитале моему 19-летнему сыну поставили страшный диагноз – злокачественная опухоль 3-й стадии. ...В апреле 2002 г. его комиссовали, определили первую группу инвалидности...». В июне 2002 г. сержант Топков умер.

В воинских частях среди офицеров сложилось устойчивое отношение к тем, кто жалуется на свое здоровье, как к желающим просто отдохнуть от службы на госпитальной койке. Это является одной из причин запрета со стороны сержантов – руководителей подразделений - обращаться солдатам-новобранцам за медицинской помощью. Если солдат все же смог обратиться в медпункт, то на практике нет гарантий, что ему будет оказана квалифицированная медицинская помощь. Врачи, работающие в медицинских подразделениях воинских частей, часто без должной ответственности относятся к здоровью военнослужащих, заранее уверенные в том, что солдаты просто не хотят служить, поэтому ищут способы уйти из казармы. Это нередко приводит к серьезным последствиям.

Из заявления 11 января 2005 г. матери рядового воинской части 71523 (г. Дмитров, Московская область) Михаила Крылышкова: «Вечером 15 декабря 2004 года сына ударили в казарме сзади по голове. Он потерял сознание, очнулся на полу. Какое время был без сознания - не помнит. Добрался до туалета. Там несколько раз вырвало. Утром обратился в санчасть. Там сказали, что за полтора года его вылечат, и помощи не оказали». После вмешательства Нижегородского областного комитета солдатских матерей, он был госпитализирован в психоневрологический диспансер и комиссован.

Многие военнослужащие, особенно призванные на военную службу с хроническими заболеваниями, не надеясь на помощь со стороны военных медиков, при обострении заболевания просили родителей выслать им необходимые лекарства. В письмах родным военнослужащие часто жалуются на невозможность получить медицинскую помощь в воинской части.

Жалобы на плохие бытовые условия, плохое питание и не оказание медицинской помощи комитеты солдатских матерей регистрируют практически во всех военных округах и во всех видах и родах войск.

Существует еще одна проблема, которая усугубляет положение больных солдат в армии, - это неоправданно длительное прохождение медицинских документов по инстанциям для разрешения вопроса о комиссовании больного военнослужащего. Процедура утверждения решения нижестоящей комиссий вышестоящей, процедура досрочного увольнения с военной службы по состоянию здоровья занимают от одного до трех месяцев. Все это время больной солдат вынужден находится в расположении воинской части, вызывая зависть и неприязненное отношение к себе остальных военнослужащих.

Военнослужащие, столкнувшиеся с невыносимыми материально-бытовыми условиями службы или с отказом в медицинской помощи, имеют право направить жалобу в соответствии со статьей 110 раздела V Дисциплинарного устава ВС РФ, утвержденного Указом Президента РФ № 2140 от 14 декабря 1993 г. с изменениями от 3 июня 2002 г.

«110. Каждый военнослужащий имеет право подавать жалобу лично или уполномочивать на это другое лицо о незаконных в отношении его действиях командиров (начальников) или других военнослужащих, о нарушении установленных законами прав и преимуществ, а также о неудовлетворении его положенным довольствием».

Обязанности командира по рассмотрению жалобы содержит статья 116 Дисциплинарного Устава

«116. Командир (начальник) должен чутко и внимательно относиться к поступившим предложениям, заявлениям и жалобам. Он несет личную ответственность за своевременное их рассмотрение и принятие мер.

Командир (начальник) обязан рассмотреть полученное предложение (заявление, жалобу) в трехдневный срок и, если предложение (заявление, жалоба) будет признано правильным, немедленно принять меры для выполнения предложения или к удовлетворению просьбы подавшего заявление (жалобу); принимать меры по выявлению и устранению причин, вызывающих обоснованные жалобы военнослужащих и других граждан, полнее использовать содержащуюся в них информацию для изучения положения дел в подразделениях».

Кроме того, военнослужащие, являясь гражданами России, имеют право обратиться в суд в соответствии со статьей 4 Федерального закона № 4866-1 от 27 апреля 1993 г. в редакции № 197-ФЗ от 14 декабря 1995 г. «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»:

«Военнослужащий вправе в порядке, предусмотренном настоящей статьей, обратиться в военный суд с жалобой на действия (решения) органов военного управления и воинских должностных лиц, нарушающие его права и свободы».

Военнослужащий также имеет право обратиться с жалобой в прокуратуру и просить прокурора о применении мер прокурорского реагирования в отношении лиц, нарушивших его права, или о возбуждении уголовного дела в случае причинения ему вреда.

Однако военнослужащие по призыву утверждают, что практически никто не обращается с жалобой на плохие материально-бытовые условия и плохое медицинское обслуживание по нескольким причинам. Во-первых, солдатам с первого дня нахождения в воинской части внушается, что они должны стойко выносить все тяготы военной службы, к которым офицеры относят и материально-бытовую неустроенность военной службы, причем не временную при проведении полевых учений, а ежедневную в стационарных казармах в течение всего срока прохождения военной службы. Во-вторых, руководствуясь ложным пониманием тягот военной службы, сослуживцы – солдаты и офицеры воинской части - негативно относятся к тем военнослужащим, которые в соответствии с Уставом направили жалобы: на отсутствие условий для поддержания необходимого уровня здоровья; на недостаточность питания; на отсутствие возможностей поддерживать личную гигиену. В-третьих, направить жалобу в вышестоящие военные организации или в военную прокуратуру солдаты решаются, только покинув воинскую часть, в противном случае, их ожидают разбирательства с вероятным рукоприкладством со стороны сослуживцев и офицеров.

Даже если жалоба военнослужащего была принята к рассмотрению вышестоящей военной организацией или прокуратурой, то это не гарантирует объективного разбирательства и принятия законных решений. Жалоба для проверки направляется к командованию воинской части, т.е. к лицам, заинтересованным в сокрытии своей собственной несостоятельности в обеспечении нормальных условий прохождения военной службы во вверенной им воинской части.

Таким образом, возможность обжалования, предусмотренная законами и Уставом, в условиях безответственности и круговой поруки в армии и органах военной юстиции, не является эффективным способом борьбы за право на достойные материально-бытовые условия и на сохранение здоровья во время прохождения военной службы.

Ситуация в медицинских вытрезвителях¹⁰⁶

Медицинские вытрезвители в Российской Федерации сохранились со времени существования СССР. Сегодня в России, по информации МВД, насчитывается около тысячи вытрезвителей. Они действуют на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 мая 1985 г. "О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения", который не утратил силу и подлежит применению. Согласно этому Указу, "в медицинский вытрезвитель могут помещаться лица, находящиеся в общественных местах в средней или тяжелой степени опьянения, если они утратили способность самостоятельно передвигаться либо могут причинить вред окружающим или себе".

Порядок работы вытрезвителей регулируется приказом МВД СССР от 30 мая 1985 г. N 106 "Об утверждении Положения о медицинском вытрезвителе при горрайоргане внутренних дел и Инструкции по оказанию медицинской помощи лицам, доставленным в медицинский вытрезвитель". В шести пунктах приказа сформулированы основания для помещения гражданина в вытрезвитель.

В частности, для принятия решения о помещении человека в вытрезвитель сотруднику милиции достаточно застать его нетрезвым и убедиться, что тот непристойно высказывается; находится в общественном месте в неопрятном виде; показывает непристойные жесты; допускает грубые крики; назойливо пристаёт к окружающим; имеет неустойчивую походку. При этом, действующие нормативные акты и судебная практика не дают четких и непротиворечивых указаний, что именно следует считать грубым криком или неприличным жестом. Кроме того, человек может быть направлен в вытрезвитель, даже если он не совершает вышеперечисленных действий, но находится в средней и тяжелой степени опьянения (средняя степень – это 50–100 г чистого алкоголя, то есть 1,5 л вина или 150–300 мл водки или коньяка). При этом точно установить степень опьянения может только медицинский работник, проводя химический анализ содержания алкоголя в крови в соответствии с Указом Минздрава СССР от 2 сентября 1988 года. Между тем, решение вопроса о доставлении в вытрезвитель на практике принимается сотрудником милиции до того, как будут произведены соответствующие медицинские исследования.

Идентификацию пьяных и их доставку в вытрезвители осуществляет патрульно-постовая служба (ППС) МВД. Сотрудники ППС патрулируют улицы и доставляют в вытрезвители всех кто с их субъективной точки зрения является «достаточно» пьяным. Поскольку основой для доставления в вытрезвитель служат субъективные критерии, нередко нарушения, например:

«В Ставрополе два пожилых пенсионера были задержаны на улице нарядом вневедомственной охраны и доставлены в медвытрезвитель. Анализ показал отсутствие в их организмах алкоголя. Доставить их обратно милиционеры отказались и предложили им подписать бумагу, якобы, что задержанные не имеют претензий, а на самом деле – протокол об административном правонарушении, выразившееся в нахождении в нетрезвом виде в общественном месте. Пенсионеры ничего подписывать не стали и впоследствии подали жалобу начальнику ГУВД Ставропольского края А.Сапрунову. В ответе значилось, что по результатам проведенной проверки действия сотрудников милиции признаны правомерными. Как оказалось впоследствии, медвытрезвитель в связи с переподчинением его УВД г. Ставрополя уже месяц осуществлял свою работу без соответствующей лицензии, разрешающей осуществление медицинской деятельности»¹⁰⁷.

«К Уполномоченному по правам человека РФ обратился адвокат Н. с жалобой на действия сотрудников дорожно-патрульной службы и отдела внутренних дел "Войковский" г. Москвы (вх. N Н-358). Адвокат вместе с коллегой П. возвращался с работы на своем автомобиле, которым управлял П. Сотрудники дорожно-патрульной службы, остановив машину, необоснованно изъяли у заявителя водительское удостоверение и другие документы. В ответ на отказ подписать протокол об

¹⁰⁶ Данный подраздел подготовлен Коми региональной Комиссией по защите прав человека «Мемориал».

¹⁰⁷ Босенко И. «Хорошо, хоть не избил!» // Ставропольская правда, 17 июня 2003 г.; Босенко И. «Нелегальный» вытрезвитель? // Ставропольская правда, 24 июня 2003 г.

административном правонарушении Н. был доставлен в ОВД "Войковский", а затем в вытрезвитель, где в отношении него было применено насилие, пытки и причинен вред здоровью»¹⁰⁸.

В законе «О милиции» такое подразделение, как медицинские вытрезвители не предусмотрено. В 1992 году Правительство (постановление от 17 сентября 1992 г. № 723) постановило передать их Министерству здравоохранения, и официально «дома трезвости» стали называться «медицинскими вытрезвителями». Но до настоящего времени (т.е. через 14 лет после принятия соответствующего постановления) фактической передачи этих учреждений Минздраву не произошло, и они продолжают оставаться под контролем МВД. При этом постановление правительства от 7 декабря 2000 г. временно (до перехода вытрезвителей в ведение Минздрава) причислило медвытрезвители к структуре милиции общественной безопасности.

Медвытрезвители содержатся за счет регионального и муниципального бюджетов (Приказ МВД от 6 апреля 2005 года № 246). В каждом из них введена плата за содержания, размер которой определяется местными властями. На начало 2006 года данная плата составляет от 100 (во Владивостоке) до 400 рублей (в Вологде). В соответствии с письмом Минфина РФ от 26 апреля 2006 г. данные выплаты подлежат зачислению в бюджеты региона или муниципалитета, но распоряжаются этими средствами органы МВД.

Чаще всего вытрезвители находятся в здании милиции, в тех же помещениях где находятся и изоляторы для правонарушителей. Вследствие этого, вытрезвители оснащены системами безопасности, полагающимися не столько для медицинских учреждений, сколько для мест содержания под стражей. Людей поступивших в вытрезвитель помещают в камеры с тяжелыми дверями, с решетками на дверях и окнах. Нередко вытрезвители находятся в подвальных и полуподвальных помещениях. Например вытрезвитель Октябрьского района г. Новосибирска находится в подвале здания постройки конца 19 века. Вытрезвитель Эжвинского района г. Сыктывкара так же находится в подвале. Условия содержания человека, попавшего в вытрезвитель, не всегда соответствуют принципу уважения человеческого достоинства: помещенным туда не предоставляют постельного белья или выдают грязное, доступ к туалету ограничен, питание и питье не предоставляется¹⁰⁹.

С 2002 года было зафиксировано множество фактов насилия в вытрезвителях России:

В период нахождения в медицинском вытрезвителе при Вахитовском районном управлении внутренних дел г. Казани милиционерами был избит студент Казанского государственного университета гражданин С., который в результате черепно-мозговой травмы потерял память. Заявитель был вынужден длительное время находиться на лечении и не смог должным образом продолжать учебу. После вмешательства Уполномоченного по правам человека в Республике Татарстан решением суда в пользу С. взыскана денежная сумма за нанесение материального ущерба и морального вреда¹¹⁰.

Доставленный в медвытрезвитель РУВД г. Белорецка А.В. Козлов был избит шестью работниками милиции, в результате чего стал инвалидом. При этом Козлов, по заключению врача вытрезвителя, был трезв, а, значит, вообще не нуждался в услугах этого заведения. Другой задержанный - А.П. Леженин в том же вытрезвителе был подвергнут бесчеловечному обращению, и через два дня после выхода из вытрезвителя умер от полученных побоев¹¹¹.

Обычной практикой в вытрезвителях является применение для удержания буйных клиентов особого рода кровати с ремнями. Несмотря на то, что данные повязки должны быть щадящими и не наносить вред клиенту, работниками милиции применяются ремни, которые причиняют травмы. При этом иногда используются специальные методы привязывания, в том числе привязывание к кровати лицом вниз с заламыванием рук и ног.

¹⁰⁸ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ в 2003 году.

¹⁰⁹ Доклад МХГ «Права человека в регионах РФ» 2002 г.

¹¹⁰ Вагизов Р.Г. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Татарстан в 2002 году. Казань, 2003 г., стр. 65.

¹¹¹ Доклад МХГ «Права человека в регионах РФ» (Республика Башкортостан) 2003 г.

Например, А.А. Моисеева после доставления в вытрезвитель в Хабаровске сначала вела себя спокойно, но после помещения её в палату стала кричать, стучать в двери. На требование успокоиться – не реагировала. С целью успокоения Моисеевой и для того, чтобы она не причинила себе телесные повреждения, было принято решение связать её. Наутро её выпустили из вытрезвителя с кровоподтеками обеих рук и плечевого сустава, что подтверждено актом судебно-медицинского освидетельствования...»¹¹².

В г. Сыктывкаре Максим С. был помещен в вытрезвитель без оснований. Что в последствии было установлено судом. Максим выразил своим возмущение необоснованным помещением в вытрезвитель. В ответ на это сотрудники вытрезвителя привязали его лицом в низ к кровати и продержали в такой позе около двух часов¹¹³.

Проблемы предотвращения жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения и наказания в психиатрических стационарах России¹¹⁴

Правила и стандарты, а также правовые принципы организации и оказания психиатрической помощи в России утверждены специальным законом Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», принятом в 1992 году.

В Законе отсутствует прямой запрет на пытки и жестокое обращение. Право на уважительное и гуманное отношение, исключающее унижение человеческого достоинства находятся в ряду основных прав, которые перечислены в статье 5 Закона. В Законе отдельно выделена группа прав, которыми обладают пациенты психических клиник в дополнение к тем правам, которые относятся ко всем лицам, страдающим психическими расстройствами. Права тех, кто получает психиатрическую помощь стационарно, зафиксированы в статье 37 Закона.

Для психиатрии обеспечение уважительного и гуманного отношения неотъемлемо от принципа оказания психиатрической помощи в наименее ограничительных условиях. В соответствии с действующим российским законом этот принцип имеет приоритетное значение (статья 5 Закона).

Но на практике придерживаться этого принципа не всегда получается. Существуют объективные сложности, связанные с устаревшим устройством стационарной помощи, неразвитостью амбулаторной службы, низким уровнем финансирования психиатрии, сложностями с привлечением на работу в стационары квалифицированных специалистов, недостаточным развитием немедикаментозных средств терапии, сохраняющейся на практике установкой на институционализацию и изоляцию лиц, страдающих психическими расстройствами.

Правительство России провозгласило курс на деинституционализацию психиатрической помощи. Однако этот процесс только начался. Сейчас в стране идет постепенное сокращение мест в психиатрических стационарах (в настоящее время 166 тыс. коек вместо 192 тыс. в 2003 г.), отделения перепрофилируются под дневные или ночные полустационары, зафиксированы единичные случаи создания психиатрических отделений в общесоматических больницах.

Процесс сокращения коек пока не имеет серьезных отрицательных последствий, за исключением случаев, когда закрывается целая больница, у которой нет альтернативы в данном регионе. Так, например, случилось в Ростовской области, когда одну из больниц закрыли в связи с недопустимыми условиями пребывания пациентов.

Однако не произошло переориентирования финансовых потоков внутри психиатрии: больницы по-прежнему получают основную часть денег. Амбулаторная психиатрическая служба в России сосредоточена в поликлиниках и диспансерах. Обеспечение амбулаторной службы остается неудовлетворительным, из-за чего в поликлиниках часто отсутствует квалифицированный специалист, а диспансеры плохо обеспечены медикаментами.

¹¹² Газета «Тихоокеанская звезда», 30 января 2003 г.

¹¹³ Доклад КПК «Мемориал» о состоянии с правами человека в Республике Коми 2004 год.

¹¹⁴ Раздел подготовлен Центром «Демос» и Независимой психиатрической ассоциацией России при поддержке Бюро независимых экспертиз «Версия». Материалы предоставлены НПА России, Московской Хельсинкской группой, Бюро независимых экспертиз «Версия».

Амбулаторная помощь развивается очень медленно, практически отсутствуют какие-либо социальные службы для людей с психическими расстройствами. В связи с этим стационары продолжают оставаться основой оказания психиатрической помощи в России. На практике складывается ситуация, при которой стационарная психиатрическая помощь оказывается доступнее и эффективнее.

Неразвитость амбулаторной службы приводит к перегруженности многих стационаров и противоречит принципу оказания помощи в наименее ограничительных условиях. Еще одним следствием являются длительные сроки лечения в стационарах.

Мониторинг¹¹⁵ зафиксировал, что врачи стационаров намеренно задерживают выписку, зная, что амбулаторно пациент не сможет закончить начатого курса лечения. Бывший пациент стационара не может получить адекватной терапии амбулаторно, он вынужден оплачивать медицинские препараты, которыми его лечили в стационаре бесплатно. Для многих бывших пациентов это непосильная трата.

Средний срок лечения в большинстве стационаров составляет 35-40 дней, что вполне достаточно для подбора адекватной терапии и лечения. Но в некоторых стационарах сроки нахождения в них больных и сроки лечения являются чрезмерными. Мониторинг зафиксировал, что:

В Калмыцком республиканском психоневрологическом диспансере, функционирующем также как стационар, средний срок нахождения и лечения составляет 358 дней. В Троицкой психиатрической больнице (Республика Бурятия) – 332 дня, во Владимирской областной психиатрической больнице №4 – 135 дней.

В соответствии с принятой в России практикой, стационары не выписывают пациента, если у него нарушены социальные связи, отсутствует жилье. В таких ситуациях больница должна определить пациента в психоневрологический интернат – учреждение, совмещающее в себе больницу и общежитие, или в социальные общежития, которые должны быть построены в каждом регионе России (ст. 16 Закона). Социальные общежития предусмотрены для тех пациентов, которые потеряли социальные связи, но могут проживать самостоятельно.

На практике во многих регионах мест в психоневрологических интернатах не хватает, и пациенты вынуждены ждать очень продолжительное время перевода в интернат, а социальные общежития созданы лишь в четырех регионах: г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, Республика Башкортостан, Свердловская область. Незрелость социальных служб также сильно затрудняет возможность пациентов, признанных недееспособными, жить дома под опекой кого-то из близких людей. Пациентам стационаров, утратившим социальные связи, ничего не остается, как рассчитывать на появление места в интернате, ожидая которого они продолжают находиться в стационаре.

Например, именно этим – отсутствием мест в интернате – объясняется несравненно большая продолжительность нахождения в психоневрологическом диспансере Калмыкии. 40% пациентов находились в стационаре только из-за того, что ждали освобождения места в интернате, при этом они не нуждались в активном лечении.

Такая практика нарушает российское законодательство, в частности, часть 2 статьи 5 Закона, которая предписывает «содержание в психиатрическом стационаре только в течение срока, необходимого для обследования и лечения».

Незрелость амбулаторной помощи и социальных служб создают ситуацию, когда в большинстве стационаров часть пациентов находится без медицинской необходимости. Длительное нахождение в стационаре усиливает эффект институционализации и способствует последующей социальной дезадаптации пациентов.

Институционализация и изоляция пациентов, а также нарушения прав сотрудников стационаров усиливаются из-за недостаточного распространения практик гражданского контроля за деятельностью психиатрических стационаров.

¹¹⁵ Правозащитное мониторинговое исследование в психиатрических стационарах России было проведено Московской Хельсинкской группой, Независимой психиатрической ассоциацией и сетью региональных правозащитных организаций летом 2003 г. Результаты исследования были представлены в сборнике «Права человека и психиатрия в РФ» (М., Московская Хельсинкская группа, 2004).

Мониторинг подтвердил предположение правозащитников, что провести независимое наблюдение в психиатрических стационарах будет сложнее, чем в пенитенциарных учреждениях. В некоторых регионах даже письмо Минздрава России, поддерживающее проведение мониторинга психиатрических стационаров, не помогло правозащитникам получить согласие администраций больниц на проведение независимого наблюдения. Мониторинг подтвердил, что психиатрия остается одной из наиболее закрытых сфер для гражданского контроля.

Отсутствие полноценной опоры на общество, неразвитость практик волонтерской работы в психиатрических стационарах, отказ от внешнего независимого контроля за деятельностью психиатрических стационаров в сочетании с тем, что большая часть стационаров расположена в рекреационных зонах, указывает на то, что у компетентных властей отсутствует стремление снижать негативные последствия крайностей медицинской институционализации. Установившаяся практика контактов с внешней средой пока еще не выполняет функции превентивной меры от злоупотреблений.

Поэтому пациенты психиатрических стационаров изолированы от общества и на них распространяется режим ограничений, принятый в клиниках.

Необходимо учитывать, что многие больницы строились в советский период и в своей архитектуре отразили представления того времени о психиатрии и психиатрической службе. Это крупные больницы, рассчитанные на одновременный прием большого числа пациентов. В этих больницах развита профилизация отделений, но отделения рассчитаны в среднем на 80 человек. Приоритет при планировании и организации жизненного пространства в таких больницах отдавался изоляции пациентов и возможностям прямого контроля и наблюдения за ними.

Поэтому устройство большого числа стационаров в России не позволяет развивать социальные навыки больных и индивидуализировать лечение. Больницы устроены таким образом, что свободное перемещение пациентов серьезно ограничено, в том числе в пределах отделения.

Мониторинг зафиксировал, что все наружные двери отделений, а также двери всех кабинетов закрывались на специальные ключи, и во многих психиатрических стационарах пациенты не могли самостоятельно пройти ни в одно из помещений, включая комнату отдыха. Режим открытых дверей существовал только в некоторых санаторных отделениях, где лечатся люди с пограничными расстройствами.

Распоряжение Минздрава России №92 от 11 апреля 1995 года предписывает переоборудовать окна в психиатрических стационарах. Согласно Распоряжению решетки на окнах должны быть демонтированы, а стекла заменены на специальное небьющееся стекло.

Только в 30 обследованных стационарах из 93 решетки на окнах были демонтированы. В остальных стационарах этого не могут сделать из-за отсутствия финансовых средств на демонтаж решеток и оборудование окон небьющимся стеклом. Некоторые врачи и персонал больниц выражали неудовлетворение переоборудованием окон. Они опасаются, что не смогут обеспечить безопасность больных, так как отсутствие решеток может приводить к росту побегов и суицидам.

Мониторинг подтвердил, что установка на максимальное ограничение самостоятельной активности пациентов в целях безопасности сохраняется в российской психиатрической службе. Это приводит к ограничениям, унижающим человеческое достоинство.

В Калининградской городской психиатрической больнице, Кировской областной психиатрической больнице, Ухтинской городской психиатрической больнице Республики Коми, Читинской областной психиатрической больнице №2, Ульяновской областной психиатрической больнице им. Карамзина окна в палатах для проветривания открывает медицинский персонал.

Применяющиеся ограничения затрагивают, в том числе и вопросы самоидентификации пациентов. Причем ограничения носят не индивидуализированный характер, а распространяются на всех пациентов стационара.

Например, в ходе мониторинга стало известно, что в некоторых стационарах всем поступившим мужчинам вне зависимости от наличия суицидальных намерений сбривают бороды и усы, мотивируя это тем, что у пациента не будет возможности самостоятельно ухаживать за ними. Также руководствуясь соображениями превенции суицидов, всем без исключения пациентам запрещают носить брюки или халаты с поясом.

Во многих стационарах всем пациентам, без какой-либо индивидуализации, запрещалось самостоятельно выходить на прогулки. Практика такова, что пациентов во время прогулок должен сопровождать младший медицинский персонал (санитары). Но во многих стационарах санитаров не хватает, из-за пациенты не могут реализовать своего права на прогулки. *Такая ситуация была зафиксирована в ходе мониторингов Московской областной психиатрической больницы №2.*

Дополнительным фактором, стигматизирующим и унижающим пациентов, является практика огораживания двориков для прогулок, наличие высоких заборов. Стремление соблюсти требования безопасности во многих случаях накладывает чрезмерные ограничения на взаимодействие пациентов внутри больницы. Мониторинг выявил, что дело доходит до того, что:

В Читинской областной психиатрической больнице больные гуляют на балконах с решетками.

Ограничения, которые накладывает администрация и персонал больниц, создают условия нахождения в стационаре, зачастую несовместимые с уважительным отношением к пациентам. Практика необоснованных запретов, отсутствие индивидуализации ограничений унижает человеческое достоинство.

Условия и соблюдение принципов уважительного и гуманного отношения к пациентам зависят не только от отношения персонала и принятых в стационарах ограничениях, но и от условий пребывания в отделениях.

Закон предоставляет государственные гарантии оказания психиатрической помощи лицам, страдающим психическими расстройствами, на принципах законности, гуманности и соблюдения прав человека и гражданина (статья 1 Закона). Но при этом в Законе отсутствуют гарантии обеспечения элементарных жизненных потребностей, включая медикаментозное обеспечение.

Действующее законодательство не устанавливает никаких нижних границ. На законодательном уровне существует только указание, предписывающее регионам России брать на себя расходные обязательства по обеспечению медикаментами больниц регионального уровня, которых в России большинство.

Поэтому на практике складывается ситуация, когда положение с правом на достойную среду, с правом на адекватное лечение может различаться в несколько раз в зависимости от финансового положения в регионах.

Многие стационары получают минимально возможное финансирование, которое не позволяет развивать психиатрическую помощь в соответствии с современными представлениями. Более или менее финансируются только статьи, связанные с зарплатой сотрудников и закупкой необходимых медикаментов. Но, например, финансирование программ реабилитации осуществляется в единичных случаях. Из-за чего:

в большинстве стационаров программы реабилитации не разработаны, а пациенты не могут реализовать своего права на полноценное лечение.

Недостаток финансирования не позволяет стационарам создать благоприятную социотерапевтическую среду в отделениях. Правила оборудования палат, отделений, общей территории больниц и т.п. утверждены специальным приказом Минздравмедпрома от 11 апреля 1995 года. В ходе мониторинга было выяснено, что эти правила в основном не соблюдаются.

В отделениях ситуация, как правило, характеризуется скученностью в палатах, ограниченным доступом свежего воздуха и естественного освещения, фактическим отсутствием декоративного оформления палат и других помещений стационара, однообразием качества пищи, преобладанием коммунальных зон, отсутствием функциональных помещений для свиданий с родственниками, встреч со священнослужителями, неблагоустроенными территориями больниц и пр.

Жизненное пространство пациента во многих стационарах является недостаточным и не соответствует санитарно-гигиеническим нормам – 7 кв. м на одного пациента. В рамках мониторинга была выяснено, что в некоторых стационарах жизненное пространство пациента ограничено 3 кв. м.

Например, в Красноярской краевой психиатрической больнице в мужском отделении на одного больного приходилось всего 1,5-2,5 кв. м. В Брянском областной психиатрической

больнице на одного человека приходится 1,8 кв. м, в Алтайской республиканской больнице – 1,5 кв. м.

Подобная скученность в палатах сокращает эффективность проводимого лечения и нарушает права пациентов на достойную среду.

Некоторые больницы работают в условиях, когда они вынуждены обслуживать в два раза больше пациентов, чем предполагает расчетная мощность больниц. Например, в Перми, больница, рассчитанная на 660 пациентов, обслуживает 1100.

По данным мониторинга, в Алтайской республиканской больнице были вынуждены срочно выписывать кого-то из пациентов с целью принятия нового пациента, срочно нуждающегося в психиатрической помощи. Более того, в детском отделении могли положить по двое на одну кровать.

Из-за скученности и при минимальном жизненном пространстве в отделениях некоторых стационаров, пациенты - инвалиды, нуждающиеся в приспособлениях для передвижения, не могут воспользоваться инвалидными колясками, поскольку нет возможности передвигаться на них по отделению. Они остаются прикованными к постели, ограничены в общении и развитии социальных навыков.

Во многих действующих психиатрических больницах сохраняется казенная обстановка, отсутствует должное оформление палат и отделений, направленное на создание атмосферы, приближенной к домашней.

Мониторинг выявил, что в Воронежской областной психиатрической больнице, Котельнической клинической психиатрической больнице (Кировская область), Кировской областной психиатрической больнице им. Бехтерева, Ульяновской областной психиатрической больнице им. Карамзина и др., отсутствовало какое-либо оформление палат и отделений.

Жилые помещения в стационарах не соответствуют не только современным представлениям о содержании и организации пространства в психиатрическом стационаре, но и не отвечают представлениям о человеческом достоинстве. В особенности, это проявляется в ситуации со средствами и условиями для обеспечения гигиены и отправления естественных потребностей.

На момент проведения мониторинга, в женском отделении Республиканского психоневрологического диспансера Республики Хакасия был оборудован только один туалет с тремя унитазами на 220 человек, в Кировской областной клинической психиатрической больнице им. Бехтерева – один унитаз на 125 человек. Ни в одной из осматриваемых в рамках мониторинга больниц не было оборудовано туалетов в палатах.

В самом тяжелом положении оказываются пациенты, которые лечатся в стационарах, где отсутствует регулярная подача холодной воды и не оборудована канализация.

В республиканском психоневрологическом диспансере Республики Калмыкия на момент проведения мониторинга отсутствовало собственное водоснабжение. Воду привозили водовозы, а для того, чтобы пациенты могли принять душ, воду нагревали раз в 10 дней. В Республиканской психиатрической больнице Республики Карелия не поступает холодная вода.

В Красноярской краевой психиатрической больнице №3, психиатрической больнице Ростова-на-Дону, Ярославской областной психиатрической больнице «Афонино» на территории больниц были оборудованы выгребные ямы.

В России продолжают работать стационары, в которых средства и условия для обеспечения гигиены и отправления естественных потребностей не отвечают представлениям о человеческом достоинстве.

Таким образом, скученность, скудный интерьер палат и отделений, практическое отсутствие мягкой мебели и необходимого количества средств гигиены и пр. создают психологически дискомфортную среду, не обеспечивают ее социотерапевтического действия и не могут быть признаны соответствующими принципам уважительного и гуманного отношения, унижающего человеческое достоинство.

Недобровольная госпитализация и гарантии неприкосновенности личности

Закон предписывает оказывать психиатрическую помощь в добровольном порядке. Исключениями являются случаи недобровольной госпитализации при контроле судебного механизма и случаи принудительного лечения по приговорам суда.

Но в России сохраняется проблема фальсификации добровольности при поступлении в стационар. Статья 11 Закона требует от персонала стационаров в доступной, полной и точной форме предоставлять информацию, после чего поступивший в стационар человек дает или не дает своего согласия на лечение. Очевидно, что неадекватные пациенты, не способные в силу своего состояния воспринимать информацию, должны быть госпитализированы в недобровольном порядке и должна быть запущена судебная процедура стационарирования. Но вместо этого сохраняется практика, когда поступивших в стационар лиц вводят в заблуждение и таким образом добиваются согласия на лечение. Это формально освобождает стационар от обязанности инициировать судебную процедуру недобровольной госпитализации, тем самым облегчая задачу стационару и врачам.

Мониторинг 2003 года зафиксировал, что в 60 больницах из 93 обследованных, процент добровольных пациентов, давших информированное согласие на лечение, достигает до 95-97%. Т.е. в этих больницах только 3-5% недобровольных пациентов. Это очевидно заниженные показатели, так как международная практика говорит о том, что естественным является 15% недобровольных госпитализаций.

Например, в Прохладненской районной психиатрической больнице (Республика Кабардино-Балкария), в Ульяновской областной психиатрической больнице №1 им. Карамзина (Ульяновская область), в Псковской областной психиатрической больнице (Псковская область), Красноярской краевой психиатрической больнице (Красноярский край) 100% пациентов на момент проведения мониторинга лечились добровольно на основе информированного согласия.

Добровольность госпитализации и лечения в психиатрических стационарах на уровне 100% указывает на практику фальсификаций добровольности и фактического отказа от лечения пациентов на основе информированного согласия. Тем самым выхолащивается смысл фундаментального принципа современной психиатрии, основанного на идее активного участия пациента в процессе своего лечения и отказе от идеи опеки над ним.

Кроме того, лечение пациента, не дающего своего согласия, может быть квалифицировано самим пациентом как насилие и может таковым являться в случае отсутствия судебного механизма контроля за недобровольными пациентами.

Законом 1992 года впервые в России был введен судебный механизм, контролирующий вопросы недобровольных мер в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами. Таким образом, на законодательном уровне была обеспечена защита от произвольного лишения свободы и обеспечены гарантии неприкосновенности личности. Статья 29 Закона определяет основания для недобровольной госпитализации:

«Лицо, страдающее психическим расстройством, может быть госпитализировано в психиатрический стационар без его согласия или без согласия его законного представителя до постановления судьи, если его обследование или лечение возможны только в стационарных условиях, а психическое расстройство является тяжелым и обуславливает:

- а) его непосредственную опасность для себя или окружающих, или*
- б) его беспомощность, то есть неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, или*
- в) существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи».*

Все три основания соответствуют международно принятым стандартам в области недобровольных психиатрических мер.

Однако для того, чтобы судебный механизм контроля за недобровольной госпитализацией заработал на практике, необходимо наличие беспристрастного и независимого рассмотрения судами дел о недобровольной госпитализации, объективной медицинской экспертизы состояния поступившего в стационар лица, гарантий своевременного рассмотрения судами дел о недобровольной госпитализации.

Общероссийский мониторинг стационарной психиатрической помощи, который был проведен в 2003 г., зафиксировал, что практика рассмотрения российскими судами дел о недобровольной госпитализации не дает оснований говорить о том, что суды выносят независимые решения. Как правило, суды ориентируются на мнение врачей психиатров, изложенное в заключении комиссии, обследовавшей поступившего в стационар пациента. *Согласно проведенному мониторингу, доля случаев отказа со стороны судов психиатрическим стационарам в недобровольной госпитализации граждан, не превышает 2%. Зачастую на практике суд не проводит тщательного рассмотрения дел о недобровольной госпитализации, и его роль сводится к формальному утверждению позиции врачей-психиатров.*

Косвенно об отсутствии тщательности при рассмотрении дел о недобровольной госпитализации свидетельствует минимальная продолжительность соответствующих судебных заседаний.

По информации НПА, на рассмотрение одного дела может уходить 3-5 минут. Так, в 2005 г. в Московской психиатрической больнице им. Гиляровского судебное заседание по поводу недобровольной госпитализации проходило в перерыве во время конференции. Заведующая отделением попросила подождать участников конференции 20 минут, время, которое ей было необходимо для участия в судебных заседаниях по поводу 6 дел о недобровольной госпитализации.

Закон требует (статья 32), чтобы лицо, поступившее в стационар в недобровольном порядке, было обследовано комиссией врачей-психиатров в течение 48 часов с момента поступления, заключение комиссии должно быть передано в суд в течение 24 часов, а суд должен рассмотреть дело в течение 5 суток с момента получения документов из больницы. Причем суд, руководствуясь статьей 33 Закона, автоматически дает санкцию на нахождение в стационаре лица в течение 5 суток, отведенных на вынесение судебного решения.

На практике срок рассмотрения дел о недобровольной госпитализации суды выдерживают не всегда.

Мониторинг засвидетельствовал, что в 10 стационарах из 93 осмотренных судебное рассмотрение дел о недобровольной госпитализации откладывалось на несколько дней, иногда недель. Это Астраханская область, Краснодарский край, Красноярский край, Московская область, Пензенская область, Пермский край, Республика Карелия, Хабаровский край, Читинская область.

В отсутствие судебного решения о недобровольной госпитализации пациент не имеет реальной возможности обжаловать свое стационарирование. Отсутствует предмет обжалования – само судебное решение. В соответствии со статьей 33 Закона право на обращение в суд по поводу недобровольной госпитализации имеет только медицинское учреждение (больница). Таким образом, реальной возможности обратиться с заявлением с момента поступления в стационар, у пациента нет. Пациент вынужден дожидаться решения суда о своей недобровольной госпитализации.

Т. Ракевич, недобровольно госпитализированная в стационар (г. Екатеринбург, Свердловская область), дождалась решения районного суда в течение 39 дней. Все это время она находилась в стационаре и получала медицинскую помощь. К моменту вынесения судебного решения курс лечения Ракевич был завершен. Получив решение суда о своей недобровольной госпитализации, Ракевич не согласилась с ним и обжаловала это решение в национальных инстанциях. Решение национальных судов не отменило первого решения суда. Тогда Ракевич обратилась в Европейский суд по правам человека. В 2003 году Европейский суд вынес решение в пользу Т. Ракевич. Суд в своем решении, в частности, указал, что отсутствовал независимый правовой механизм, обеспечивающий заявителя независимым от волеизъявления госпитализирующего органа доступом к суду (Статья 5-4 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Заявитель не могла обжаловать свою госпитализацию с момента помещения в

стационар. Обратиться в суд заявитель смогла только после того, как получила решение суда по поводу своей недобровольной госпитализации.

Необходимо отметить, что решение Европейского суда по делу Т. Ракевич стимулировало российские власти начать подготовку законопроекта по внесению изменений и дополнений в законодательство РФ, наделяющих гражданина, недобровольно госпитализированного в психиатрический стационар, правом самостоятельно обратиться в суд с жалобой на необоснованное стационарирование.

Во исполнение поручения Правительства РФ от 5 июля 2005 г. № АЖ-П12-3326 Минздравсоцразвития России разработал законопроект, которым должен быть определен порядок гражданского судопроизводства по делам, связанным с обжалованием решений о помещении лиц в психиатрический стационар в недобровольном порядке.

Законопроект предусматривает внесение изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) и в Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

ГПК РФ предлагается, в частности, дополнить ст. 306-1 и 306-2 следующего содержания:

«Статья 306-1. Подача жалобы на госпитализацию гражданина в психиатрический стационар в недобровольном порядке или о продлении срока госпитализации гражданина, страдающего психическим расстройством, в недобровольном порядке.

Жалоба гражданина, госпитализированного в психиатрический стационар в недобровольном порядке, или его представителя на госпитализацию в психиатрический стационар в недобровольном порядке или на продление срока госпитализации гражданина, страдающего психическим расстройством, в недобровольном порядке может быть подана в любое время без ограничения срока, в том числе незамедлительно, в суд по месту нахождения стационара.

Ст. 306-2. Рассмотрение жалобы на госпитализацию гражданина в психиатрический стационар в недобровольном порядке или на продление срока госпитализации гражданина, страдающего психическим расстройством, в недобровольном порядке.

1. Жалобу на госпитализацию гражданина в психиатрический стационар в недобровольном порядке или на продление срока госпитализации гражданина, страдающего психическим расстройством, в недобровольном порядке судья рассматривает в течение пяти дней со дня подачи жалобы в порядке, предусмотренном для рассмотрения заявления о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар.

2. Рассмотрев по существу жалобу о госпитализации гражданина в психиатрический стационар в недобровольном порядке или о продлении срока госпитализации гражданина, страдающего психическим расстройством, в недобровольном порядке, судья принимает решение, которым отклоняет или удовлетворяет жалобу. Решение суда об удовлетворении жалобы является основанием для выписки гражданина из психиатрического стационара и подлежит немедленному исполнению»;

В Законе о психиатрической помощи предлагается дополнить ст. 29 абзацем вторым следующего содержания:

«Жалоба гражданина, госпитализированного в психиатрический стационар в недобровольном порядке, или его представителя на госпитализацию в психиатрический стационар в недобровольном порядке может быть подана в любое время без ограничения срока, в том числе незамедлительно, в суд по месту нахождения стационара».

Законопроект уже прошел первую стадию обсуждения во всех заинтересованных ведомствах (Верховный суд, Минюст России, Минздравсоцразвития России, Аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ и т.д.), однако, пока вызвал очень много нареканий и несогласий. Законопроект может поступить в Государственную думу РФ не ранее 2007 года.

По пока еще возможности своевременного обжалования решения о недобровольной госпитализации сокращены, в том числе, из-за распространенной пока еще практики, когда копии решения судов не выдаются на руки пациенту и его законному представителю по их ходатайству.

Беспристрастный и независимый характер судебного разбирательства нарушается также тем, что не всегда во время судебного заседания присутствуют все участники процесса, требуемые по Закону. Статья 34 предписывает, что «участие в рассмотрении заявления прокурора,

представителя психиатрического учреждения, ходатайствующего о госпитализации, и представителя лица, в отношении которого решается вопрос о госпитализации, обязательно».

Мониторинг зафиксировал, что во многих регионах суды могут проходить без необходимого участия пациента или его законного представителя.

Например, в Боброво-Дворской психиатрической больнице (Белгородская область), Калининградской городской психиатрической больнице (Калининградская область), Костромской областной психиатрической больнице (с. Никольское, Костромская область), Краснодарской краевой психиатрической больнице (Красноярский край), Красноярской краевой психиатрической больнице (Красноярский край), Московской областной психиатрической больнице (Московская область), Оренбургская областная психиатрической больнице (Оренбургская область), Пермской областной психиатрической больнице (Пермский край), во Владивостокской городской психиатрической больнице (Приморский край), в Санкт-Петербургской психиатрической больнице им. Кащенко (г. Санкт-Петербург), Смоленской областной клинической психиатрической больнице №1 и муниципальной психиатрической больнице (Смоленская область), Троицкой психиатрической больнице (Республика Бурятия), Республиканской психоневрологическом диспансере Калмыкии (Республика Калмыкия), Республиканском психоневрологическом диспансере Кабардино-Балкарии (Республика Кабардино-Балкария), Тверской областной психиатрической больнице №1 им. Литвинова и №2 (Тверская область), Ульяновской областной психиатрической больнице №1 им. Карамзина (Ульяновская область), Хабаровской краевой психиатрической больнице №2 (Хабаровской край) нарушается требование об обязательном присутствии гражданина на судебном заседании по поводу его недобровольной госпитализации.

Гражданин Т. был недобровольно помещен в психиатрическую больницу №4 им. Ганнушкина (г. Москва) в декабре 2005 года. Сразу же было начато лечение нейролептиками, хотя гражданин Т. своего согласия на госпитализацию и лечение не давал. Судебное заседание по поводу недобровольной госпитализации было проведено в срок, но в отсутствие гражданина Т. Правозащитные организации вмешались, и НПА России провела независимое обследование гражданина Т. Результаты обследования НПА показали, что гражданин психическим заболеванием не страдает и не нуждается в психиатрическом лечении. После вмешательства правозащитных организаций, Т. был переведен в другую психиатрическую больницу и на другой день выписан.

В России сохраняется практика, когда лиц, страдающих психическими расстройствами, помещают в стационар, лишь формально соблюдая судебную процедуру. В данном случае суд выступает не как механизм контроля и защиты личности от произвольного лишения свободы и злоупотреблений, а как инструмент изоляции лиц, страдающих психическими расстройствами.

В начале 2000-х годов в России были разработаны поправки к Закону «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», в случае принятия которых гарантии неприкосновенности личности оказались бы серьезно снижены. В частности, поправки могли привести к тому, что пациенты психиатрических учреждений фактически становятся гражданами, лишенными свободы на длительный срок, в том числе, при отсутствии совершения ими установленных судом общественно опасных действий.

Во-первых, поправки подразумевают, что судебная процедура о недобровольной госпитализации откладывается на 10 дней, если комиссия врачей сочтет психическое расстройство кратковременным. Т.е. предлагается инициировать судебное разбирательство после 10 дней пребывания пациента в стационаре. В тех случаях, если по истечении 10 дней, врачи не сочтут возможным выписать пациента, то тогда будет запущена процедура недобровольной госпитализации. Таким образом, больной, не давший добровольного согласия сразу по поступлении в стационар, может подвергнуться недобровольному лечению не менее 16 дней по усмотрению врачей.

Во-вторых, поправки подразумевают, что судебная процедура отменяется полностью,, если психически больной нуждается в лечении, но не способен дать на него осознанное согласие, хотя основания для недобровольной госпитализации отсутствуют и хотя он не признан недееспособным.

В-третьих, снимается запрет на проведение испытаний медицинских средств и методов лечения в отношении тяжелых психически больных, к которым не применяются принудительные меры медицинского характера (меры, налагаемые приговором уголовного суда). Требуется лишь согласие Комитета по этике в области охраны здоровья граждан. Согласие самого больного не нужно.

В-четвертых, снимается необходимая прежде санкция врача при использовании мер физического стеснения и изоляции при недобровольной госпитализации.

В-пятых, ограничиваются полномочия общественных организаций по контролю за соблюдением прав пациентов. Поправками подразумевается, что только «лечебно-профилактическим учреждениям» предоставляется право защищать интересы больных, в том числе в суде.

Рассмотрение этих поправок в Государственной думе РФ удалось дважды предотвратить – в 2001 и в 2003 году, однако, желающих «ужесточить» закон в российской психиатрии по-прежнему достаточно.

В соответствии с Законом 1992 г. одной из гарантий защиты от злоупотреблений и соблюдения прав пациентов психиатрических стационаров должна была стать Служба защиты прав пациентов, независимая от органов здравоохранения. Создание такой службы предписывается 38 статьей Закона. Закон действует с 1992 года, но Служба до сих пор не создана.

На уровень защиты и соблюдения прав пациентов, в том числе права на уважительное и гуманное отношение, влияет наличие реальной возможности обжаловать действия или бездействия врачей, уровень информированности пациентов о своих правах, осведомленность о лечении.

Сейчас пациенты психиатрических стационаров имеют право подать жалобу на действия или бездействие больницы. В соответствии со статьей 37 Закона *«все пациенты, находящиеся на лечении или обследовании в психиатрическом стационаре вправе: ... подавать без цензуры жалобы, заявления в органы представительной и исполнительной власти, прокуратуру, суд и адвокату».*

Но на практике подать жалобу возможно уже после выписки из стационара. Мониторинг зафиксировал, что запрет на цензуру жалоб не выполняется, и, по мнению главных врачей, отправлять по назначению путано составленную жалобу пациента бессмысленно.

Опрос главных врачей и заведующих отделений, проведенный в рамках мониторинга стационарной психиатрической помощи, выявил, что в некоторых больницах цензурируется вся исходящая корреспонденция. Например, в Республиканской психиатрической больнице Республики Карелия сказали, что «нелепые жалобы в вышестоящие инстанции подшиваем в истории болезни», в Республиканской психиатрической больнице Республики Коми – «Ахинею не посылаем, стараемся не загружать почту каракулями».

Администрация и медицинский персонал больницы обязаны *«обеспечивать условия для ... направления жалоб и заявлений пациентов в органы представительной и исполнительной власти, прокуратуру и суд, а также адвокату»* (ст. 39 Закона), помогать пациенту реализовать свое право. Вместо этого, врачи оценивают жалобы пациентов на приемлемость, что не входит в их компетенцию. В результате, многие проблемы остаются проигнорированными, а право пациента на доступ к правовой защите - нереализованным.

Уровень информированности о своих правах остается на низком уровне. В большинстве стационаров информацию о правах пациентов предоставляют в устной форме, о чем делают запись в медицинской документации. Полноценного информирования пациентов не проводится.

В ходе мониторинга выяснилось, что только в одной больнице из 93 осмотренных, информацию о правах пациентов предоставляли поступившим в стационар пациентам в письменной форме.

Закон (ст. 11) требует письменного согласия от всех вновь поступивших пациентов. Для этого закон обязывает персонал и врачей стационара *«предоставить лицу, страдающему психическим расстройством, в доступной для него форме и с учетом его психического состояния информацию о характере психического расстройства, целях, методах, включая альтернативные, и продолжительности рекомендуемого лечения, а также о болевых ощущениях, возможном*

риске, побочных эффектах и ожидаемых результатах». Закон уточняет, что проводить лечение можно в отсутствие письменного согласия пациента в том случае, если пациент отправлен на принудительное лечение по приговору уголовного суда, и в случаях недобровольной госпитализации. Но Закон не освобождает врачей от предоставления всем без исключения информации о характере заболевания, о выбранной схеме лечения и пр. Т.е. вне зависимости от порядка поступления в стационар, врачи должны предоставить человеку информацию в полной и доступной форме, как того требует статья 5 (п. 2) Закона: «все лица, страдающие психическими расстройствами ... имеют право на: ... получение информации о своих правах, а также в доступной для них форме и с учетом их психического состояния информации о характере имеющихся у них психических расстройств и применяемых методах лечения».

На практике это требование врачей выполняется не всегда, а в отношении недобровольно госпитализированных пациентов как правило не выполняется. По информации НПА:

многие недобровольно госпитализированные пациенты после выписки из стационара не могут назвать препараты, которыми их лечили в стационаре.

Возможности подать жалобу ограничены также тем, что в большинстве стационаров индивидуальное медицинское досье (карта) и даже краткая выписка из истории болезни практически недоступны для пациента, соответственно пациент не обладает полным объемом информации относительно своего заболевания, медицинских назначениях, схеме лечения и пр. и ограничен в возможностях оспорить те или иные действия врачей или персонала стационара.

Мониторинг 2003 года зафиксировал, что в 68 больницах из 93 осмотренных пациенты не могут получить выписки из истории болезни. Таким образом, у лиц, страдающих психическим расстройством, уровень информированности о своем заболевании и связанных с этим сведений (динамика состояния, назначения, схема лечения и пр.), остается крайне низким.

В большинстве стационаров также не ведутся журналы применения мер физического стеснения, которые выполняют функции контроля за обоснованностью назначения и корректностью применения насильственных и травматичных методов сдерживания пациентов.

Распоряжение Минздрава России «О мерах физического стеснения при оказании психиатрической помощи» предписывает вести журнал применения мер физического стеснения в каждом отделении психиатрического стационара. В этих журналах должно фиксироваться время назначения этой меры, период ее действия, обоснование применения, врач, который назначил такую меру, а также информация о динамике состоянии больного в процессе применения меры сдерживания.

Мониторинг зафиксировал, что такие журналы были заведены только в 17% осмотренных стационаров.

Таким образом, фактически отсутствуют возможности контролировать обоснованность, длительность и корректность применения мер физического сдерживания. В то же время, у пациентов и их законных представителей ограничены или полностью отсутствуют возможности оспаривать назначение мер физического сдерживания.

В России отсутствует четко разработанная политика в отношении средств усмирения. Существует только Письмо Главного психиатра России, в котором содержатся рекомендации по видам средств физического сдерживания пациентов. В частности, провозглашен отказ от использования смиренных рубашек. Но поскольку полный запрет на их использование отсутствует – Письмо носит рекомендательный характер, - постольку в некоторых стационарах, в особенности тех, в которых ситуация с обеспечением медикаментами остается нерешенной, смиренные рубашки продолжают являться одним из средств физического сдерживания. Т.е. меры физического сдерживания компенсируют отсутствие лекарств.

На момент проведения мониторинга смиренные рубашки использовались в Свердловской областной психиатрической больнице №1, Ставропольской краевой психиатрической больнице №2, Хабаровской краевой и Хабаровской городской психиатрических больницах.

Необходимо подчеркнуть, что полностью отказаться от физического сдерживания практически невозможно. Сокращение его применения во многом зависит от наличия достаточного количества лекарственных средств и адекватно подобранной терапии. В определенных ситуациях профессиональное применение физического сдерживания становится более гуманным способом стеснения, чем меры медикаментозные. Принцип оказания

психиатрической помощи на идеях партнерских отношений с пациентом, в основе которых лежит информированность пациента, подразумевает, что с пациентом заблаговременно согласовывают методы ограничения его свободы при состоянии возбуждения. В российских стационарах такой подход не применяется.

Мониторинг зафиксировал, что в большинстве российских стационаров используют мягкую вязку как средство физического сдерживания. Это матерчатые ремни, которыми пациента привязывают к кровати или к креслу. Такая мера используется в случаях, когда возбужденному пациенту необходимо ввести лекарство, а также в случаях агрессии или аутоагрессии.

В ходе мониторинга стало известным, что в некоторых стационарах меры физического сдерживания назначаются не врачом, а медицинской сестрой и осуществляются без должного контроля со стороны врача.

Например, в Свердловской областной психиатрической больнице №1 меры стеснения может назначить дежурная медсестра.

Обучение применению мер физического сдерживания проводится на базе самих стационаров. Специальные программы обучения были разработаны в незначительном количестве стационаров. В большинстве же, персонал, который непосредственно использует меры физического сдерживания, учится их применению по ходу работы в стационаре.

Одним из основных способов обучения является передача опыта от медицинских сестер младшему медицинскому персоналу – санитарам. Регулярная работа с младшим персоналом является необходимой частью лечебного процесса. Во многом от профессионализма младшего медицинского персонала зависит соблюдение требования об уважительном и гуманном отношении, исключающем унижение человеческого достоинства.

В ходе мониторинга выяснилось, что во многих больницах проводятся регулярные ежемесячные или еженедельные занятия с младшим медицинским персоналом по обучению применению мер стеснения, особенностям работы с психически больным. Однако в условиях большой текучести кадров должности санитаров эти усилия оказываются тщетными.

Проблема младшего персонала является наиболее острой. В целях обеспечения безопасности к работе с психически больными не допускаются лица моложе 18 лет, а также страдающие психическими заболеваниями и хроническим алкоголизмом.

Мониторинг зафиксировал, что эти требования соблюдались не всегда. Во многих случаях для приема на работу санитаря оказывалось достаточно справки из психоневрологического (ПНД) и наркологического (НД) диспансеров об отсутствии противопоказаний к работе (например, в психиатрической больнице № 13 г. Москва), в отдельных стационарах зафиксированы случаи, когда администрация, стараясь заполнить вакансии, принимала на работу лиц с судимостью, страдающих алкоголизмом. В результате возникают ситуации, когда младший персонал психиатрических стационаров становится источником опасности для пациентов.

Низкий уровень заработной платы, непрестижность профессии, тяжелые условия труда не позволяют привлекать на должности младшего персонала квалифицированные кадры. Условия и возможности для того, чтобы проводить тщательный отбор, на практике отсутствуют, а высокая текучесть кадров несовместима с формированием профессиональных навыков у младшего медицинского персонала, из-за чего уровень квалификации остается низким.

По данным НПА случаи агрессии в российских стационарах не являются редкостью. Это является закономерным следствием острой нехватки младшего медицинского персонала и приема на работу должным и тщательным образом не проверенных людей.

Психиатрические стационары в России испытывают постоянный дефицит кадров. Причем сложности наблюдаются не только с привлечением младшего персонала, но и врачей-специалистов, особенно, реабилитологов, психологов, психотерапевтов, специалистов по социальной работе, а кое-где и врачей-психиатров.

В рамках мониторинга выяснилось, что в большинстве стационаров работает 70-75% врачей от необходимого по штатному расписанию. Все врачи работают с существенной нагрузкой и получают заработную плату по количеству ставок, которые занимают.

Низкий размер заработной платы, полагающейся за одну ставку, заставляет врачей работать с постоянной перегрузкой, чтобы поддерживать уровень заработной платы на приемлемом уровне.

Результаты мониторинга, проведенного в 2003 г., указывают, что, как правило, один врач обслуживает около 40-50 пациентов, при том, что действующие нормативы исходят из того, что один врач должен лечить 25 человек.

Очевидно, что при такой нагрузке на одного врача очень сложно построить лечение на основе индивидуального подхода к больному, разрабатывать детальные индивидуальные планы лечения, своевременно корректировать схему лечения и пр. Как правило, пациент поступает в стационар, ему снимают острое состояние и медикаментозно стабилизируют достигнутый прогресс лечения.

Современная психиатрия отказалась от идей опеки над пациентами, требует развития немедикаментозных средств лечения, и обязательно, социальной активизации пациентов. Фармакотерапия должна быть подкреплена социотерапией, реабилитацией, арт-терапией, разработанными учебными программами для детей-пациентов клиник.

В большинстве психиатрических больниц отсутствуют специалисты по социальной работе, реабилитологи, психотерапевты и психологи. Именно эти специалисты выводят психиатрическую помощь на современный уровень, добавляя к медицинской составляющей психологическую и социальную.

Например, по результатам мониторинга, в Брянской областной психиатрической больнице №3 из предусмотренных 10 ставок психологов и 10 ставок психотерапевтов заняты были только две, в Пермской областной психиатрической больнице не хватало психологов, в Чукотском областном психоневрологическом интернате отсутствовали реабилитологи и социальные работники.

В некоторых отделениях классные и игровые комнаты для детей плохо оборудованы – отсутствуют учебные материалы, пособия в количестве, необходимом для всех детей, находящихся в стационаре. Более того, в некоторых отделениях отсутствуют специалисты – дефектологи. Таким образом, нарушается права детей на доступ к образованию и максимально достижимому развитию.

Основным средством лечения продолжает оставаться медикаментозная терапия. Программы арт-терапии были развиты и применялись только в 34 стационарах из 93 осматриваемых.

В силу экономических трудностей многие лечебно-производственные предприятия, созданные и функционирующие при больницах в советский период, были закрыты, из-за чего возможности по проведению терапии занятостью и трудотерапии сокращены. При этом эти виды немедикаментозной терапии являются существенными элементами социальной реабилитации.

Мониторинг зафиксировал, что во многих больницах использовали труд больных, считая это адекватной заменой терапии занятостью и трудотерапии. Пациентов привлекают к уборке территории, к работе на пищеблоке и в прачечной, к ремонтным работам, к уборке отделений и туалетов.

Фактически, на практике эксплуатируется труд пациентов, чем пытаются компенсировать нехватку младшего персонала и видят в этом адекватную замену отсутствия программ социальной реабилитации.

В тех стационарах, где продолжают функционировать мастерские (подсобное хозяйство), пациенты получают мизерное вознаграждение за свой труд, несопоставимое с оплатой такого же труда за пределами стационара.

Например, в 2003 году пациенты Московской областной психиатрической больницы №2 получали 5-7 руб. в месяц, что эквивалентно 0,30 \$, в Санкт-Петербургской психиатрической больнице им. Кащенко – 200 руб. в месяц (7\$).

Очевидно, что такое вознаграждение не может быть адекватно затраченным усилиям и несопоставимо со средним заработком за тот же труд.

Правовые рамки «контртеррористической операции» в Чеченской Республике

В первом же параграфе Доклада РФ, посвященном вооруженному конфликту на Северном Кавказе (п. 36), в качестве законодательной базы «контртеррористической операции» указан не только Федеральный закон № 130-ФЗ от 25 июля 1998 г. «О борьбе с терроризмом», но также документы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС): «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»¹¹⁷ и «Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о региональной антитеррористической структуре»¹¹⁸.

Ссылки на документы ШОС вызывают удивление, поскольку эта организация предусматривает принципиально иную, отличную от ООНовской и европейской, систему ценностей: примат интересов государства перед правами человека. При этом последние объявлены внутренним делом государства.

Налицо коллизия двух концепций правового регулирования применения государством силы и ограничения прав человека. Однако более детальное рассмотрение ситуации доказывает своеобразную оправданность этих ссылок: действия России в зоне вооруженного конфликта последовательно выводились за рамки международных конвенций о правах человека.

Правительство России, с самого начала второй чеченской войны, отрицало наличие на Северном Кавказе вооруженного конфликта, пресекая тем самым применение норм международного гуманитарного права. В результате в отношении местного населения заведомо не применялись нормы Второго дополнительно протокола 1977 г. к Женевским конвенциям.

Федеральный Закон «О борьбе с терроризмом», в противоречии с Конвенцией, не содержит каких-либо запретов на применении пыток. Более того, в соответствии со статьей 21 Закона предусматривается освобождение от ответственности должностных лиц за причинение ими вреда гражданам. Закон не предусматривает механизмов правовой защиты населения и гарантий соблюдения требований справедливого уголовного процесса. Так, в статье 24 определен порядок проведения судебных слушаний в закрытых судебных заседаниях.

Доклад РФ ссылается на то, что правовая экспертиза Совета Европы не нашла в Законе «О борьбе с терроризмом» противоречий с международными пактами о правах человека, что не соответствует действительности. Совет Европы в своей экспертизе, в частности, рекомендовал внести в Закон существенные поправки, и эти рекомендации не были учтены.

Ссылки на соответствие ЕКПЧ правового режима в зоне вооруженного конфликта (ограничения свободы и личной неприкосновенности, свободы передвижения, частной и семейной жизни, свободы выражения мнения) в пункте 38 Доклада РФ представляются несостоятельными, поскольку не была соблюдена процедура отступления от норм ЕКПЧ и не было введено чрезвычайное положение. Использование же Закона «О борьбе с терроризмом», изначально предназначенного для регулирования локальных и кратковременных операций силовых структур, в контексте длительного (более шести лет) широкомасштабного (десятки тысяч квадратных километров) ограничения прав человека есть не что иное, как произвольное и расширительное толкование закона. Несмотря на установленный законом принцип локального характера антитеррористической операции, его положения применялись в качестве законных оснований при проведении крупномасштабных военных операций с применением оружия большой мощности и к неизбирательным действиям в регионах Северного Кавказа.

Федеральный Закон «О борьбе с терроризмом» был использован, чтобы обосновать применение в Чеченской республике Вооруженных Сил России, не вводя режим чрезвычайного

¹¹⁶ Данный раздел доклада подготовлен ПЦ «Мемориал» и Исследовательским центром «Демос». При написании данного раздела использовались официальные заявления, информация, полученная от НПО и СМИ. Основная часть материалов была собрана офисами ПЦ «Мемориал» на Северном Кавказе.

¹¹⁷ Подписана в Шанхае 15 июня 2001 г.

¹¹⁸ Заключено в г. Санкт-Петербурге 7 июня 2002 г.

или военного положения, предполагающий соответствующую санкцию парламента, территориальные и временные рамки, и определенные процедуры парламентского и прокурорского контроля. Действительно, законодательство РФ позволяет при определенных условиях применять вооруженные силы не по прямому назначению. Однако Закон «О борьбе с терроризмом», предназначенный для правового регулирования локальных и кратковременных операций, был применительно к вооруженному конфликту на Северном Кавказе истолкован расширительно и произвольно.

Неправовой характер действий силовых структур стал одной из причин продолжающейся массовой практики применения пыток по отношению к гражданскому населению Чечни.

6 марта 2006 г. Президент подписал новый Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Ранее, 15 февраля, он подписал Указ № 116 «О мерах по противодействию терроризму». В совокупности эти документы предоставляют властям еще большие возможности для применения силы, ограничения прав человека и гражданских свобод, не предусматривая адекватных возможностей контроля.

Пытки, жестокое и унижающее человеческое достоинство обращение как методы ведения «контртеррористической операции» (от «зачисток» до «адресных» операций)

Широкомасштабные боевые действия в Чеченской Республике продолжались с осени 1999 г. по март 2000 года. До 2003 г. продолжались масштабные «зачистки» - «операции по проверке паспортного режима», проводившиеся многочисленными сводными группами военнослужащих вооруженных сил и внутренних войск, сотрудников МВД, ФСБ и Минюста России. Они блокировали населенные пункты, проводили там повальные обыски и массовые неизбирательные незаконные задержания. Задержанных отправляли в созданные рядом с населенным пунктом в месте временной дислокации группировки «временные фильтрационные пункты». Там их обычно подвергали массовым избиениям и жестоким пыткам. Известно много случаев, когда задержанные в ходе зачисток, в том числе и доставленные в фильтрационные пункты, «исчезали». Тела некоторых «исчезнувших» потом были случайно обнаружены местными жителями. Применение насилия в ходе задержания, конвоирования и содержания задержанного, а также в ходе дознания и следствия стало нормой для сотрудников силовых структур, пенитенциарной системы и следственных органов.¹¹⁹ Обычно задержание производилось по максимально жесткой схеме, с применением насилия и угроз применить оружие не только к задерживаемому, но и ко всем окружающим (в том числе к женщинам и детям). Основания задержания определялись произвольно – это могла быть национальность, возраст (способность носить оружие), внешний вид или даже потертость на плече (как след ремня автомата). В случае задержания граждан военнослужащими, прежде всего, частями разведки или спецназа, им не гарантировано даже право на жизнь: задержанных убивали, как правило, после «форсированного допроса», т.е. после жестоких пыток. Сохранение жизни задержанным просто не предусматривалось. При этапировании задержанных им, как правило, создавались еще более тяжелые, заведомо невыносимые условия, с тем, чтобы исключить саму мысль о попытке побега (связанных людей клали друг на друга штабелями, в несколько слоев и т. п.).

В ходе дознания и следствия с самого начала конфликта практически повсеместно применялись пытки и избиения. Это воспринималось как необходимость, поскольку с самого начала "контртеррористической операции" у правоохранительных органов не имелось оперативных материалов на предполагаемых террористов, и показания задержанного, как правило, были единственным материалом в его деле. Все это происходило на фоне активной античеченской пропаганды и практически при полной бесконтрольности федеральных силовых структур. События в зоне вооруженного конфликта в Чеченской Республике показали, что федеральные силовые структуры воспринимают «пытки» (включая как физические истязания, так и жестокие и

¹¹⁹ Отрицание презумпции невиновности в войсковых операциях было обусловлено с самого начала конфликта, когда войскам была поставлена задача вести боевые действия на враждебной территории. Соответственно, все местное население подозревалось в «пособничестве бандформированиям», а каждый задержанный рассматривался как военнопленный.

бесчеловечные условия содержания, унижение человеческого достоинства и т. п.) отнюдь не как нечто недопустимое, но как средство неизбежное, повседневно применяемое и даже желательное.

Постепенно, по мере установления контроля над территорией Чечни, по мере создания сети осведомителей, тактика федеральных силовых структур менялась, - от размещения войск рядом с населенными пунктами и проведения сплошных «зачисток» к «адресным спецоперациям». Вооруженные люди в камуфляжной форме и масках на бронетехнике с замазанными номерами блокировали определенный дом, как правило, ночью, задерживали и увозили людей. Большая избирательность не означала меньшую жестокость: задержанные или, вернее, похищенные, как правило, исчезали.

Другая важнейшая современная тенденция – «чеченизация» конфликта. В 2003-2005 гг. в Чечне были сформированы силовые структуры, состоящие из этнических чеченцев. Наряду с милицией были созданы специализированные формирования для борьбы с боевиками, которым делегировано «право» на незаконное насилие.¹²⁰

Люди, оказавшиеся в руках сотрудников этих структур, также «исчезают» для окружающего мира: их содержат в нелегальных тюрьмах, не оформляя как задержанных или арестованных, и пытаются, добываясь таким образом «признательных» показаний, которые используют для фабрикаций уголовных дел. Примерно в половине случаев похищенные бесследно исчезают или же находят их тела.¹²¹ С начала 2004 г. для принуждения боевиков к сдаче активно используются угрозы расправы над их близкими и захват их в заложники.¹²²

Жестокие силовые операции против мирного населения в 2004-2005 гг.

В Докладе РФ много говорится об усилиях прокуратуры по наведению законности, содержатся ссылки на многочисленные организационные мероприятия, нормативные и распорядительные документы¹²³. Но эти формальные усилия были нацелены прежде всего на

¹²⁰ Самая крупная профедеральная силовая группировка, состоящая из этнических чеченцев, подчиняется Р. Кадырову. Она состоит из многих отрядов, раскиданных по территории республики и объединенных некогда в так называемую Службу безопасности (СБ). («Служба безопасности» в Чечне официально уже не существует, но название прижилось как обобщенное обозначение всех кадыровских отрядов, и достаточно широко используется и местными жителями, и «силовиками».) СБ была изначально создана для охраны главы чеченской администрации А. Кадырова, не имела легального статуса, но за три года стала мощным вооруженным формированием. Подразделения СБ в 2004–2005 гг. были большей частью легализованы в составе различных структур МВД Чечни. В составе СБ состояло немало бывших боевиков. Раненые, разочаровавшиеся или захваченные в плен, они пытались воспользоваться объявленными амнистиями для возвращения к мирной жизни. Вместо этого им предлагали войти в ряды СБ, нередко, с помощью пыток и угроз расправы над членами семьи. Отказавшиеся «исчезали», становясь жертвами внесудебных казней. Эта практика продолжалась и по истечении срока действия последней амнистии. Кроме «кадыровцев» и подконтрольных им групп, в Чечне действуют сформированные из чеченцев батальоны «Восток» (расхожее название «ямадаевцы» по имени командира Сулима Ямадаева) и «Запад» (расхожее название «какиевцы» по имени командира Саид-Магомеда Какиева), входящие в состав 42-й мотострелковой дивизии Минобороны России. Кроме этнических чеченцев, в них служит и определенный процент бойцов, командированных из регионов России. За последние два года выходцы из перечисленных структур заняли практически все ключевые должности в системе МВД Чечни.

¹²¹ См. ниже в этом разделе: Таблица «Похищения людей на территории ЧР».

¹²² См. раздел «Незаконные (тайные) тюрьмы и заложничество».

¹²³ П. 41: Совместный приказ Командующего ОГВ (с) в СКР и военного прокурора ОГВ (с) № 98 / 110 от 23 апреля 2003 г.; «Инструкция по взаимодействию должностных лиц и других военнослужащих ОГВ (с) с органами военной прокуратуры во время проведения специальных операций в Чеченской Республике, при задержании граждан и разрешению сигналов о совершенных преступлениях»; п. 42: Директива РОШ № 2 от 26 августа 2003 г. «О порядке проведения специальных операций и оперативно-боевых мероприятий»; п. 97: указание прокурорам «О вопросах, подлежащих первоначальному установлению после возбуждения уголовного дела по заявлениям о преступлениях сотрудников и военнослужащих ОГВ (с) при проведении проверок регистрации граждан по месту жительства и по месту пребывания в ЧР» от июня 2002 г.; п. 99: Приказ Главного военного прокурора № 301 «О совершенствовании прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при проведении КТО на территории СКР РФ» от 20 ноября 2002 г.;

правовое регулирование проведения «зачисток». Действительно, с конца 2003 г. число «зачисток» населенных пунктов резко снизилось. В 2004 г. снизилась жестокость и массовость нарушений прав человека в ходе всех проводимых «зачисток». Однако жестокость некоторых «зачисток» в 2005 г. сопоставима с «зачистками» первых лет войны. Ярким тому примером являются события в станице Бороздиновская, расположенной в граничащем с Республикой Дагестан Шелковском районе Чечни. В станице до недавнего времени проживало 1118 человек, и из них почти 90% – этнические аварцы:

Днем 4 июня 2005 г. в ст. Бороздиновская военнослужащие батальона специального назначения «Восток», состоящего преимущественно из этнических чеченцев, но находящегося в подчинении Министерства обороны РФ, провели спецоперацию по задержанию «11 местных жителей, подозреваемых в пособничестве боевикам».¹²⁴

В 15 часов в станицу въехали два БТРа и не менее пятнадцати автомашин с вооруженными людьми. Эти люди были одеты в серую милицейскую и камуфляжную форму. Они врываются в дома и заставляли всех мужчин садиться в машины. Их свозили к местной школе, приказывали лечь на землю лицом вниз, заворачивали на головы одежду. Всех, включая пожилых людей, подростков и инвалидов избивали ногами и прикладами автоматов. На земле людей держали почти до 22.00, несмотря на то, что в это время шел проливной дождь. Из слов сотрудников силовых структур мужчины поняли, что их обвиняют в гибели лесника и покушении на главу администрации, произошедшие за два дня до описываемых событий.

Одиннадцать человек вызвали по фамилиям и куда-то увели, с тех пор их никто не видел.¹²⁵

Около 22.00 всех остальных мужчин загнали в спортзал школы, там военнослужащие снова избивали их дубинками, ходили по спинам. Потом велели оставаться на месте и уехали.

На ул. Ленина было сожжено два дома № 9 и № 11, принадлежащих Назирбеку Магомедову и его сыну Саиду. Также сожгли дом Камиля и Зарахан Магомедовых и дом Магомаза Магомазова, 77 лет. Жену и дочь Магомадова вывели из дома, а старика заживо сожгли.

После отъезда военных выяснилось, что исчезли не только люди, но несколько автомашин. Никто из тех, кто проводил «спецоперацию» не представлялся, но жители

п. 101: совместное распоряжение прокуратуры ЧР и военной прокуратуры ОГВ (с) № 15 от 30 ноября 2002 г. «О создании совместных следственных групп»; п. 102: совместный приказ № 8 от 3 февраля 2003 г. прокурора ЧР, военного прокурора ОГВ (с) министра внутренних дел ЧР, командующего ОГВ (с) и руководителей других заинтересованных ведомств, в соответствии с которым издана «Инструкция по взаимодействию правоохранительных органов на территории СКР РФ при расследовании особо тяжких насильственных преступлений, связанных с посягательством на жизнь и здоровье граждан, постоянно или временно проживающих на территории ЧР»; п. 104: совместный приказ командующего и военного прокурора ОГВ (с) № 98/110 от 23 апреля 2003 г., внесший изменения и дополнения в «Инструкцию по взаимодействию должностных лиц и других военнослужащих ОГВ (с) с органами военной прокуратуры во время проведения специальных операций, при задержании граждан и разрешения сигналов о совершенных преступлениях, утвержденную приказом командующего ОГВ (с)» от 1 февраля 2003 г. № 34.

¹²⁴ РИА «Новости». 6 июня 2005 г.

¹²⁵ Абакар Абдурахманович Алиев, 1982 г. р., житель ст. Бороздиновская; Магомед Тубалович Исаев, 1986 г. р., житель ст. Бороздиновская; Ахмед Рамазанович Курбаналиев, 1978 г. р., житель с. Чатли Цунтинского района Республики Дагестан; Магомед Рамазанович Курбаналиев, 1982 г. р., житель с. Чатли Цунтинского района Республики Дагестан; Ахмед Пейзулаевич Магомедов, 1977 г. р., житель с. Малая Арешевка Кизлярского района Республики Дагестан, Мартух Аслудинович Умаров, 1987 г. р., житель ст. Бороздиновская; Эдуард Вячеславович Лачков, 1986 г. р., житель г. Кизляр Республики Дагестан; Ахмед Абдурахманович Магомедов, 1979 г. р., житель ст. Бороздиновская; Камиль Магомедов, 1955 г. р., житель ст. Бороздиновская; Шахбан Назирбекович Магомедов, 1965 г. р., житель ст. Бороздиновская; Саид Назирбекович Магомедов, 1960 г. р., житель ст. Бороздиновская.

узнали одного из сотрудников подразделения, по имени Хамзат (прозвище Борода), который служит в батальоне «Восток» и является лидером местного отделения партии «Единая Россия».

14 июня на пожарище дома Назирбека Магомедова местными жителями были обнаружены обгоревшие человеческие останки. Вызванные сотрудники МВД Чечни сложили их в четыре пакета и попытались увезти. Их окружили возмущенные жители села. В ответ милиционеры избили отца и сына Батаевых, швырнули их в одну из своих машин, а затем проехали по улицам станицы, ведя беспорядочную стрельбу. Батаевых в тот же день выбросили из машины на пути в Гудермесский район Чечни. После этих событий, 16 июня, опасаясь за свою безопасность, 230 аварских семей организованно вышли из Бороздиновской, перешли административную границу с республикой Дагестан и встали палаточным лагерем у въезда в город Кизляр.

По фактам пожаров, убийства и похищения людей органами прокуратуры было возбуждено уголовное дело. На место происшествия выезжала специальная сводная следственная группа, которая работала в Бороздиновской продолжительное время. Учитывая этот факт и активное обсуждение событий вокруг Бороздиновской в прессе, обусловленное скандалом и исходам местных жителей в сопредельный Дагестан, некоторое время оставалась надежда, что это преступление станет исключением из правила, и виновные будут привлечены к ответственности. К сожалению, надежды не оправдались.

В ходе расследования было доказано, что в этот день военнослужащие из батальона «Восток» самовольно провели «зачистку». Один из офицеров батальона был условно осужден «за превышение должностных полномочий». На момент выхода доклада больше никто за содеянные преступления наказания не понес. Более того, вскоре после описанных выше событий командир «Востока», Сулим Ямадаев, был удостоен высшей российской награды – звезды «Герой России». Судьба «исчезнувших» людей до сих пор остается неизвестной. Впрочем, в ноябре 2005 г. в неформальной беседе с сотрудником Центра «Демос», два бойца батальона Восток, не назвавшие своих имен, указали на то, что «их уже давно закопали». На сегодняшний день фактически никто не сомневается, что они убиты.

На юге республики, в горно-лесистой местности, где федеральным силам не удастся установить контроль над территорией, боевые действия порой до сих пор напоминают период начала войны.

Наиболее жестокой в 2005 г. была спецоперация федеральных сил 14-16 января 2005 г. в высокогорном селе Зумсой Итум-Калинского района и его окрестностях.

В ходе операции по окрестностям с. Зумсой наносились ракетные и бомбовые удары. 14 января 2005 г. с вертолетов в селе был высажен десант. Предварительно по месту высадки десанта с вертолетов был произведен залп ракет, село подверглось обстрелу из пулеметов. Подобный образ действий военных был ничем не оправдан, поскольку в селе не было боевиков, из села никто не стрелял и сопротивления военным никто не оказывал.

Высадившиеся из вертолетов десантники провели «зачистку» села, сопровождавшуюся грабежами, уничтожением имущества и похищением людей. Военные, врываясь в дома и осыпая грубой бранью их обитателей, громили и забирали все, что попадалось им под руку: деньги, золотые изделия, одежду, медикаменты, телевизоры. Из некоторых домов они уносили все обнаруженные ими документы. Так, в доме Мухаевых забрали паспорта хозяйки и дочери, свидетельства о рождении младших детей, документы на оформление пенсии по инвалидности мужа, золотые украшения и деньги в размере 250 тысяч рублей, полученные в качестве компенсации за разрушенное жилье. В некоторых подворьях военные отстреливали лошадей и индюков, взорвали автомобиль

УАЗ, принадлежавший Сайдамину Хаджиеву. На глазах у жителей все награбленное загрузили в вертолеты.

Поздним вечером 14 января 2005 г. военные похитили местного жителя Ширвани Шахидовича Насипова, 1956 г. р. Утром 15 января того же дня в одном из домов села они увели Ваху Махмудовича Мухаева, 1955 г. р., его сына Атаби Вахаевича Мухаева, 15 лет и Магомед-Эмина Хабировича Ибишева, 30 лет. В тот же день военные на вертолетах покинули село, забрав с собой похищенных.

На сегодня судьба похищенных остается неизвестной.

Жалобы жителей с. Зумсой в военную прокуратуру ни к какому результату не привели. Более того, 28 января в село вновь вошли военные, которые оставались там до 2 февраля 2005 года. Бесчинства повторились. К счастью для жителей села, на этот раз обошлось без похищений людей.

Похищения, исчезновения и внесудебные казни в ходе «контртеррористической операции»

Хотя на сегодняшний день «зачистки» стали редкостью, похищения, «исчезновения» и внесудебные казни не прекратились. Теперь они происходят в ходе и в результате «адресных спецопераций», не охваченных правовым регулированием либо сознательно выведенным из-под него. Усилия по преобразованию органов следствия и прокурорского надзора на практике не привели к успехам в предотвращении или расследовании преступлений, прежде всего «исчезновений» людей.

Проблема «исчезновений» людей в Чечне по-прежнему актуальна. В большинстве случаев «исчезнувшие» люди похищены не боевиками, а сотрудниками силовых структур, причем в последнее время преимущественно местных. На сегодняшний день наблюдается некоторое снижение числа зафиксированных правозащитниками похищений, но отнюдь не столь значительное, как заявляют официальные лица. Отчасти это «снижение» связано со спецификой «чеченизации» конфликта и господством в Чечне латентного насилия, не фиксируемого ни правозащитниками, ни правоохранительными органами.¹²⁶

Официальные данные о числе похищенных и «исчезнувших» противоречивы и неполны.

Это относится и к общей статистике. В сентябре 2004 г. в ходе визита Комиссара Совета Европы по правам человека в Россию Генпрокуратура России сообщила ему, что за последние три года (очевидно, с осени 2001 г.) в Чечне было заведено 1749 уголовных дел по фактам похищения граждан, в которых речь идет примерно о 2300 исчезнувших. 13 октября 2004 г. исполняющий обязанности уполномоченного по правам человека в Чечне Л. Хасуев заявил, что «за последние четыре года (очевидно, с осени 2000 г.) в республике похищено более 2500 человек». 27 декабря 2004 г. начальник управления Генеральной прокуратуры РФ по ЮФО А. Арсентьев заявил, что «Всего с начала контртеррористической операции (с осени 1999 г.) в Чечне было похищено 2 тысячи 437 человек и 347 освобождено сотрудниками правоохранительных органов». Также, в сентябре 2005 г. президент Чечни А. Алханов заявил, что с 2000 г. пропали без вести 1898 человек.¹²⁷ Через месяц начальник Управления президента Чечни по соблюдению

¹²⁶ В ноябре 2005 г. ПЦ «Мемориал» провел анкетирование среди своих сотрудников в Чечне. Выяснилось, что в период с мая по ноябрь 2005 г. при выезде сотрудника на место происшествия потерпевшие отказывались давать информацию о совершенных против них нарушениях в 30% случаев в сельской местности и почти в 80% случаев, если мониторинг осуществляется в г. Грозном. Нередко правозащитникам удается зафиксировать лишь само событие – похищение или незаконное задержание человека и его последующее освобождение через определенный отрезок времени, без каких-либо подробностей.

¹²⁷ ИТАР-ТАСС. 2 ноября 2005 г.

конституционных прав граждан Н. Нухажиев¹²⁸ заявил о 2500 пропавших¹²⁹. В феврале 2006 г. тот же Н. Нухажиев сообщает о 2780 пропавших за весь период конфликта¹³⁰. Между тем, уже на начало 2003 г. в списках исчезнувших, которые вела рабочая группа правительства Чечни, числилось свыше 2800 человек. Получается, что за три года в республике исчезновений не было.

Еще более странно выглядит официальная текущая статистика.

Говоря о числе похищенных за 2004 г., президент Чечни А. Алханов сообщал: «В 2003 г. – 362 похищения. В этом (имеется в виду в 2004 г.) году – 175 фактов. ... В результате принятых мер вернулось домой 47 человек».¹³¹ Двумя месяцами ранее на коллегии МВД Чечни говорилось о 185 похищениях. Незадолго до этого министр внутренних дел Чечни Р. Алханов говорил, что «в уходящем 2004 г. похищения людей в Чечне снизились на 40 %».¹³² О 168 похищенных за 2004 г. сообщалось 21 января 2005 г. на заседании коллегии МВД Чечни, что якобы означало снижение более чем вдвое по сравнению с 2003 г., когда, по его же словам, похищены были 440 человек.¹³³

Столь же противоречивы официальные цифры за 2005 год и их сопоставление с 2004 годом.

В октябре 2005 г. А. Алханов заявил, что «с начала (2005 – *ред.*) года в республике зарегистрировано 143 случая похищения людей. На аналогичный период прошлого (2004 - *ред.*) года эта цифра составляла 128 человек».¹³⁴ Через десять дней он же заявил, что «в целом в республике наметилась тенденция к снижению этого вида преступлений».¹³⁵ Через несколько дней А. Алханов уточнил: в 2005 г. на территории Чечни были похищены 65 человек, а большая часть из 143 человек была похищена ранее, и преступления лишь зарегистрированы в текущем году.¹³⁶ В конце декабря он повторил: «Пошли на убыль похищения людей: в прошлом году таких случаев было 168, в этом - 67».¹³⁷ А в январе он заявил: «За год совершено 77 похищений, тогда как за предыдущий год эта цифра составляла 213 случаев».¹³⁸

В свете этих противоречивых сообщений удивление вызывает содержащееся в пункте 98 Доклада РФ утверждение о «созданной в июне-сентябре 2002 г. и регулярно пополняемой компьютеризированной базе данных по уголовным делам о похищениях и убийствах за весь период проведения контртеррористической операции», подаваемое как одно из важных достижений в расследовании тяжких преступлений.

Сведения правозащитников о числе похищений и «исчезновений» людей в Чеченской Республике далеко не столь оптимистичны. Ниже представлена сводная статистика ПЦ «Мемориал» с 2002 по 2005 гг.:

¹²⁸ С февраля 2006 г. – Уполномоченный по правам человека в Чеченской Республике.

¹²⁹ Лента.Ру. 10 декабря 2005 г.

¹³⁰ Newsru.com. 22 февраля 2006 г.

¹³¹ Интервью Стране.ру. Январь 2005 г.

¹³² 27 декабря 2004 г., сайт «Чеченская Республика» со ссылкой на ИТАР-ТАСС.

¹³³ ИТАР-ТАСС. 21 января 2005 г.

¹³⁴ РИА «Новости». 7 ноября 2005 г.

¹³⁵ РИА «Новости». 18 октября 2005 г.

¹³⁶ РИА «Новости». 21 октября 2005 г.

¹³⁷ Комсомольская правда. 20 декабря 2005 г.

¹³⁸ РИА «Новости». 17 января 2006 г.

Таблица 5. Похищения людей на территории ЧР

Год	Похищены	Из них освобождены или выкуплены	Из них найдены убитыми	Из них исчезли	Из них под следствием
2002	537	90	81	366	
2003	497	157	52	288	
2004	448	206	24	210	8
2005	316	151	23	127	15
Итого:	1799	611	180	985	23

По всем этим фактам собраны более или менее подробные сведения, включая фамилию, имя, отчество похищенного, адрес его проживания, обстоятельства похищения и т.п. Всего за период «второй чеченской войны» ПЦ «Мемориал» располагает информацией примерно о 1600 таких случаях «исчезновений» задержанных или похищенных людей (включая случаи, когда тело «исчезнувшего» затем было обнаружено). Мониторинг ПЦ «Мемориала» охватывает лишь 25-30 % территории Чечни, и даже по этим районам вряд ли дает исчерпывающую сводку. Для получения реальной картины приведенные выше цифры нужно умножить, по разным оценкам, в два-четыре раза.

Исходя из экстраполяции данных ПЦ «Мемориала» и анализа официальных данных, мы можем утверждать, что всего за все время проведения «контртеррористической операции» исчезли в результате похищений, незаконных арестов и задержаний заведомо больше трех тысяч и менее пяти тысяч человек. К сожалению, пока более точные цифры назвать невозможно.

Установить лиц, ответственных за похищения людей, как правило, не удается ни правозащитникам, ни прокуратуре. Есть единственный случай, когда похитители были задержаны органами внутренних дел, и они предъявили соответствующие документы. Это стало возможным, поскольку сотрудники УФСБ по Чечне вывозили в Чечню людей, похищенных на территории сопредельной Ингушетии.

15 июня 2004 г. около 20.00 постоянный житель Республики Ингушетия Адам Казбекович Медов, 1980 г.р. (прописан по адресу Карабулак, ул. Чкалова, 4; временно проживал в г. Назрань по ул. Насыркортской), выехал из дома на своей машине и не вернулся. 17 июня днем на ингушском посту ГИБДД (ГАИ) рядом с блок-постом «Кавказ-1» ингушские постовые милиционеры остановили для проверки две направлявшиеся в Чечню автомашины, «Волгу» ГАЗ-3110 зеленого цвета и «Жигули» ВАЗ-21099. Услышав стук из багажника «Волги», они открыли крышку и обнаружили там связанного человека, который сказал: «Я ингуш! Меня хотят увезти!» - это был Адам Медов. Вторая машина быстро тронулась с места и уехала в Чечню¹³⁹.

Вооруженные люди, находившиеся в «Волге», заявили, что они - сотрудники ФСБ, что милиция не имеет права их задерживать, и попытались оказать сопротивление. Ингушские милиционеры остановили похитителей. Оказалось, что в салоне машины, на полу у заднего сидения, лежал еще один связанный человек - Аслан Изнаурович Куштонашвили. Все были доставлены в Сунженский РОВД. Там на допросе Адам Медов рассказал, что 15 июня в г. Карабулак его машину задержали вооруженные люди -

¹³⁹ Сразу же за постом ингушских милиционеров расположен крупный блок-пост «Кавказ-1», контролируемый федеральными ведомствами, в том числе ФСБ. Ни одна машина, следующая по этой дороге в Чечню или оттуда, не может миновать его, не подвергнувшись проверке.

четыре чеченца и четверо русских. В машине, кроме него, находился пассажир. Обоих мужчин доставили в здание ФСБ в г. Магас, где подвергли пыткам. А. Медов был задержан сотрудниками УФСБ по Чеченской Республике, под руководством подполковника В.В.Белецкого¹⁴⁰, и в составе оперуполномоченного А.Г. Шурова, прапорщика Д.А. Панферова и сержанта И.Ю. Минбулатова¹⁴¹. Прокурор Сунженского района связался с руководством райотдела ФСБ. Откуда ответили, что действия задержанных сотрудников ФСБ правильны, и их следует немедленно освободить. Прокурор разрешил им выехать вместе с двумя задержанными в Чеченскую Республику¹⁴².

18 июня 2004 г. прокурор Сунженского района направил прокурору Чечни и военному прокурору ОГВ (с) А.В. Мокрицкому запросы: куда были доставлены Медов и Куштоношвили, где они содержатся и какие им предъявлены обвинения. Из военной прокуратуры ему ответили, что проверкой установлено, что в списках сотрудников УФСБ по Чечне В.В. Белецкий, А.Г. Шуров, Д.А. Панферов и И.Ю. Минбулатов отсутствуют, судьба А.К. Медова неизвестна¹⁴³.

По факту похищения А.К. Медова Сунженской районной прокуратурой Республики Ингушетия было возбуждено уголовное дело, расследовать которое она неспособна, а органы военной прокуратуры дело к производству не принимают, поскольку, с их точки зрения, нет доказательств того, что похитители были сотрудниками ФСБ. Расследование дела приостанавливалось «в связи с невозможностью найти лиц, подлежащих обвинению», затем под давлением родственников и их представителей возобновлялось, затем снова приостанавливалось. Протокол допроса А. Медова из Сунженского РОВД «исчез»¹⁴⁴. Его жена Залина Медова обратилась в суд с жалобой на районную прокуратуру, поскольку там отказались принимать ее ходатайства о допросе ряда сотрудников УФСБ и МВД Ингушетии, сотрудников блок-поста «Кавказ-1», об осмотре регистрационных журналов этого поста и т.п. Следователь отказался ей предоставлять информацию о ходе расследования уголовного дела. 25 января 2005 г. суд отказал в удовлетворении этой жалобы. По мнению прокуратуры, «выполнены все необходимые следственные действия». Отказ следователя знакомить потерпевшую с материалами уголовного дела был признан правомерным. Суд не затребовал у прокуратуры уголовное дело для проверки достоверности пояснений представителей прокуратуры.

16 июля 2004 г. ПЦ «Мемориал» направил в Европейский Суд по правам человека жалобу от родственников Медова. В тот же день суд присвоил жалобе номер 25385/00. Президент Палаты Суда решил в соответствии со статьей 41 Регламента Суда рассматривать жалобу в порядке приоритета.

Одним из наиболее вопиющих случаев - похищение и «исчезновение» Булата Чилаева, сотрудника гуманитарной организации «Гражданское содействие». Утром 9 апреля 2006 года он был похищен сотрудниками неустановленных силовых структур при выезде

¹⁴⁰ Ответы заместителя прокурора Сунженского района Б.М. Бекова брату Адама Медова М.К. Медову № 15-5-04 от 21 июня 2004 г. и депутату Народного собрания Республики Ингушетия М.Д. Оздоеву № 15-167 о/е-045-04 от 9 июля 2004 г. Прокурор Сунженского района Республики Ингушетии Г.М-Г. Мержуев в беседе с О.П.Орловым и С.А.Ганнушкиной подтвердил вышеизложенные факты и сообщил, что у сотрудников УФСБ по Чечне имелись документы, предписывающие им произвести задержание подозреваемых, каковое, впрочем, было произведено с грубейшими нарушениями законодательства РФ.

¹⁴¹ Ответ заместителя Генерального прокурора РФ С.Н. Фридинского № 40/2-2918-04 от 18 августа 2004 г. на обращение Уполномоченного по правам человека в РФ В.П. Лукина.

¹⁴² Согласно ответу № 40/2-2918-04 от 18 августа 2004 г. Заместителя генпрокурора С.Н. Фридинского Уполномоченному по правам человека в РФ, указание отпустить сотрудников ФСБ вместе с задержанными ими лицами дал и.о. министра внутренних дел РИ А.С. Костоев. Костоев погиб 21 июня 2004 г.

¹⁴³ Уполномоченный по правам человека в РФ получил аналогичные ответы от заместителя Генерального прокурора РФ С.Н. Фридинского и первого заместителя руководителя Службы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ России А.А. Брагина.

¹⁴⁴ Жалоба З.А. Медовой на имя Генерального прокурора РФ от 15 сентября 2004 года.

из с. Серноводск на трассу «Ростов-Баку». Вместе с ним был задержан житель Грозного Аслан Исраилов. Усилия, предпринятые руководителем «Гражданского содействия», членом Совета при Президенте РФ по содействию развитию гражданского общества и правам человека Светланой Ганнушкиной, были тщетны. Руководители различных силовых структур ЧР охотно соглашались помочь в поисках Чилаева и Исраилова, но спустя короткое время их энтузиазм заканчивался. Было возбуждено уголовное дело, причём в распоряжении следствия с самого начала были неоспоримые улики. Номер одного из автомобилей, на которых уехали похитители, был получен по письму командующего группировкой войск в Хотина от 6 сентября 2004 г., а на месте похищения был найден офицерский жетон № Ф 142733, принадлежавший офицеру батальона «Запад» 42-й мотострелковой дивизии. Однако в течение нескольких месяцев прокуратура не могла допросить этого офицера. Когда же это удалось, он рассказал, что жетон якобы потерял в лесу несколькими днями ранее похищения, и высказал предположение, что жетон был подброшен похитившими Чилаева боевиками. Следствие этот ответ удовлетворил.

Безнаказанность сотрудников федеральных и местных силовых структур

При расследовании преступлений против мирного населения в зоне конфликта господствует избирательная безнаказанность.

В отношении боевиков вне зависимости от тяжести совершенного преступления выносятся суровые приговоры. В отношении преступлений, совершенных представителями федеральных и профедеральных силовых структур, все иначе. Официальная статистика фальсифицирована. Расследование большей части дел, к совершению которых усматривается причастность представителей этих ведомств, приостанавливается «в связи с невозможностью найти лиц, подлежащих обвинению». До суда доводится незначительная часть дел. Подавляющее большинство обвиняемых отделяется символическими наказаниями за серьезные преступления.

Официальная статистика в данном случае противоречива и, очевидно, фальсифицирована.

В феврале 2003 г., заместитель Генерального прокурора РФ С.Н. Фридинский на запрос депутата С.А. Ковалева сообщал, что «за период проведения контртеррористической операции органами прокуратуры Чечни расследовалось 417 уголовных дел по преступлениям против местного населения, в совершении которых подозреваются представители федеральных сил». Из них на тот момент расследование 341 дела (82%) было приостановлено «в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых».

В августе 2004 г. на так же сформулированный запрос Уполномоченного по правам человека в РФ тот же Фридинский сообщил, что «за весь период проведения контртеррористической операции на территории Чечни органами прокуратуры возбуждено 132 уголовных дела по фактам преступлений, совершенных в отношении местного населения представителями федеральных сил», из которых расследование всего лишь десяти уголовных дел приостановлено.

В мае 2005 г. на запрос Председателя Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Э.А. Памфиловой заместитель Генерального прокурора РФ Н.И. Шепель отвечал, что «за весь период проведения контртеррористической операции на территории органами прокуратуры Чеченской Республики возбуждено 143 уголовных дел, по фактам преступлений, по которым есть основания полагать, что они совершены представителями федеральных сил»¹⁴⁵.

В Докладе РФ (п. 94) отдельно приведены сведения о числе расследованных и направленных в суды уголовных дел о похищениях людей («В 2003 г. следователями прокуратуры направлено в суд для рассмотрения по существу 15 уголовных дел по 25 эпизодам похищений, привлечено к ответственности 26 обвиняемых. За 4 месяца 2004 г. направлено в суд 4 уголовных

¹⁴⁵ Из архивов ПЦ «Мемориал».

дела, привлечено к ответственности 6 человек. Всего за время проведения КТО направлено в суд 51 уголовное дело по 78 эпизодам к судебной ответственности привлечено 84 человека»).

Между тем, за весь период «второй чеченской войны» за похищение людей осудили лишь двоих представителей федеральных силовых структур: полковника Юрия Буданова и служащего Ханты-мансийского ОМОНа Сергея Лапина. При этом статья 126 УК РФ («похищение человека») фигурировала в приговоре лишь у полковника Буданова, похитившего и затем жестоко убившего чеченскую девушку Эльзу Кунгаеву. У второго - милиционера Сергея Лапина - эта статья в приговоре отсутствует, хотя фактически он осужден именно за похищение Зелимхана Мурдалова, который подвергся жесточайшим пыткам в месте дислокации Ханты-мансийского ОМОНа, а затем «исчез». Больше ни в одном деле о похищениях людей сотрудники силовых структур не фигурируют, так что приведенные в докладе цифры относятся к делам, в которых в качестве обвиняемых фигурируют гражданские лица, - местные жители, участники противостоящих федеральным силам вооруженных формирований и криминальные элементы.

В Докладе РФ (пункт 95) сказано и о количестве возбужденных органами прокуратуры уголовных дел по фактам похищений и «исчезновений» людей: «В течение 2004 г. возбуждено 66 уголовных дел по фактам похищения 95 человек. Из них 36 дел о похищениях 51 человека, совершенных в текущем (2004 – *ред.*) году. За аналогичный период (по смыслу, за весь год – *ред.*) прошлого (2003 – *ред.*) года было возбуждено 70 дел о похищении 116 лиц. Всего из числа похищенных в 2003 году освобождено 70 человек. За четыре месяца 2004 г. из числа похищенных освобождено 27 человек»).

Между тем, даже по далеко неполным данным ПЦ «Мемориала» за 2003 г. были похищены 497 человек, из них 330 пропали без вести или же были найдены убитыми, а за 2004 год похищены 448 человек, 234 исчезли или были убиты, причем практически по всем зафиксированным случаям похищений, исчезновений и внесудебных казней «Мемориал» обращался с запросами в органы прокуратуры. Но уголовные дела возбуждены менее чем в четверти случаев похищений (менее чем в 2/5 случаев бесследного исчезновения или внесудебных казней).

В Докладе РФ (п. 96) выражено сожаление о том, что «вне поля международных организаций остаются преступления, совершенные в отношении работников правоохранительных органов, глав и сотрудников администраций, органов местного самоуправления, религиозных деятелей, мирного населения, совершенные участниками НВФ. По указанным фактам за период проведения КТО возбуждено и принято к производству 2722 уголовных дела». Несомненно, здесь и далее имеется в виду весь массив уголовных дел, зарегистрированных в упоминаемой в Докладе РФ «базе данных по уголовным делам о похищениях и убийствах за весь период проведения контртеррористической операции».

В условиях продолжающегося в Чечне вооруженного конфликта жертвами нападений вооруженных формирований сепаратистов становятся местные жители, включая сотрудников как силовых структур (по сведениям ПЦ «Мемориал», в 2002 г. - 109, в 2003 г. - 72, в 2004 г. - 105, и в 2005 г. - 44 человека), так и административных (по сведениям ПЦ «Мемориал», в 2003 г. - один, в 2004 г. - семь, в 2005 г. - восемь человек).

Таким образом, основная часть из указанных в Докладе РФ 2722 уголовных дел возбуждена по фактам преступлений именно против «мирного населения», против жителей Чечни, не связанных с силовыми и административными структурами. В Докладе РФ указано, что 2105 дел из этого числа приостановлены, поскольку невозможно установить лиц, подлежащих привлечению к ответственности. В таком случае непонятно, почему авторы Государственного доклада убеждены в причастности к этим преступлениям боевиков. В основной массе эти дела возбуждены по статье 126 УК РФ («похищение человека»). Между тем, в большинстве случаев похищения людей, где правозащитникам удавалось опросить свидетелей и уточнить обстоятельства дела, эти обстоятельства и свидетели указывали на причастность к преступлению именно федеральных или подконтрольных им силовых структур (использование бронетехники, беспрепятственный проезд через блок-посты, и т. п.).

Статистика прокуратуры заведомо неполна. В последнее время на запросы ПЦ «Мемориал» о похищениях людей органы прокуратуры все чаще отвечают, что «факты не подтвердились». Так обычно происходит, если родственникам удается выкупить похищенных представителями силовых ведомств: ни жертва похищения, ни его родственники либо вообще не жалуются в прокуратуру, либо, если заявление было подано, забирают его назад. Отметим также, что на сегодняшний день сотрудники милиции и прокуратуры часто уговаривают пришедших с

жалобой родственников похищенного не подавать заявления, ссылаясь на то, что это может негативно сказаться на судьбе человека, снизить шансы его освобождения путем неформальных договоренностей.

Даже в тех 188 делах из 2722, где, согласно Докладу РФ, обвинения были предъявлены конкретным лицам из числа жителей Чечни и были вынесены приговоры, зачастую есть основания сомневаться в результатах предварительного и судебного следствия. Например, прокуратура отчиталась о раскрытии дела об убийстве в ночь с 29 на 30 ноября 2002 г. бывшей главы администрации с. Алхан-Кала Малики Умажевой. За это преступление были осуждены участники НВФ. Между тем, по свидетельству родственников Умажевой, ее вывели из дома и убили во дворе сотрудники федеральных силовых структур, приехавшие на БТРа. Еще четыре БТРа в это время ездили по селу. У боевиков, отметим, бронетехники нет.

В РФ сохраняется двойная система подследственности: военная прокуратура расследует преступления, совершенные военнослужащими Минобороны России, ВВ МД, а так же сотрудниками ФСБ России. Преступления, совершенные гражданскими лицами или сотрудниками МВД, расследуют территориальные органы прокуратуры, не имеющие права вести следственные действия в отношении военных. В случае если из территориальной прокуратуры в военную поступает уголовное дело, у последней есть возможность не принять дело к производству без какой-либо мотивировки отказа. Таким образом, основная часть дел, не расследованных «по причине невозможности обнаружения подлежащих привлечению лиц», остается в производстве территориальной (гражданской) прокуратуры, которая расследовать эти дела надлежащим образом не может в принципе.

Совещания, приказы, распоряжения и инструкции, перечисленные в пунктах 100-104 Доклада РФ, включая совместное распоряжение прокуратуры Чечни и военной прокуратуры ОГВ (с) № 15 от 30 ноября 2002 г. «О создании совместных следственных групп», ситуацию не изменили».

За все время «второй чеченской войны» по обвинению в преступлениях против гражданского населения Чечни на середину 2005 года¹⁴⁶ были вынесены приговоры в отношении 103 военнослужащих. Из них восемь были признаны невиновными. Так, например, были оправданы четыре военнослужащих спецназа ГРУ (капитан Ульман и др.), расстрелявшие задержанных мирных жителей. В отношении троих суд прекратил уголовное дело в связи с декриминализацией совершенного деяния. По отношению к двадцати военнослужащим суды применили амнистию. В их число попал, например, контрактник, открывший огонь из хулиганских побуждений, убивший одну и ранивший другую женщину. 27 военнослужащих, большинство из которых совершили убийства мирных жителей в неслужебное время, приговорены судами к различным срокам реального лишения свободы (от года колонии-поселения до восемнадцати лет строгого режима). Абсолютным большинством приговоров назначены «символические» наказания: условные сроки (в том числе и за изнасилования, грабежи, вымогательства, пытки незаконно задержанных, кражи, умышленное уничтожение имущества и т.п.), денежные штрафы (за избиение, незаконное задержание представителей прокуратуры и т.п.), ограничение по прохождению воинской службы.

На середину 2005 г. по фактам преступления против гражданских лиц вынесены обвинительные приговоры 34 милиционерам. Как у военных, большая часть приговоров носит «символический» характер. Только 7 милиционеров были приговорены к реальным срокам лишения свободы, остальные получили условные сроки (в том числе за стрельбу в пьяном виде, приведшей к гибели или ранению граждан, за вымогательство, получение взятки, угрозу убийством, хулиганство и т.п.).

Не закончено расследование ни по одному из таких громких дел как массовые убийства представителями федеральных сил жителей Старопромысловского района г. Грозного, Алхан-Юрта, Новых Алдов. Не расследовано ни одно уголовное дело по фактам обнаружения массовых захоронений.

Для самих сотрудников правоохранительных органов отнюдь не является тайной, кто похищает людей. Так, в "Аналитическом обзоре состояния оперативной обстановки сложившейся

¹⁴⁶ Из ответа заместителя Генерального прокурора РФ Н.И. Шепеля председателю Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Э.А. Памфиловой.

по линии похищения людей на территории Октябрьского района г. Грозный в период с 1995 г. по сентябрь 2006 г." (подробные выдержки приведены ниже) указано, что на территории района 9 человек были похищены криминальными структурами, 58 – сотрудниками Октябрьского временного отдела внутренних дел, и 15 – иными силовыми структурами.

Выдержки из "Аналитического обзора состояния оперативной обстановки сложившейся по линии похищения людей на территории Октябрьского района г. Грозный в период с 1995 г. по сентябрь 2006 г."

"... 1. В период с 1995 г. по 2000 г. основная доля совершённых преступлений по ст. 126 УК РФ приходится на лиц из числа членов НВФ, основным мотивом которых являлось получение выкупа от родственников похищенных, а также получение правоустанавливающих документов на владение квартир, домов или иного имущества похищенных. При этом, как правило, после получения таких документов, похищенные были убиты. По данным фактам возбуждены уголовные дела.... [далее следует список из девяти уголовных дел. – Авт.]

...2. В период с 2000 г. по 2003 г., основная доля фактов похищения людей приходится на военнослужащих и сотрудников силовых структур: МО РФ, ВВ МВД РФ, ОМОН, СОМ; в частности на сотрудников ВОВД Октябрьского района г. Грозный. Такие данные находят своё подтверждение в письменных показаниях очевидцев и свидетелей совершённых преступлений. Ряд руководителей КМ ВОВД Октябрьского района г. Грозный из числа сотрудников УВД Ханты-Мансийского автономного округа в настоящее время находится в международном розыске за совершение данных преступлений... Однако необходимо отметить, что часть похищенных в то время являлись активными участниками НВФ, были причастны к совершению тяжких и особо тяжких преступлений [приведено два примера.– Авт.] ... Похищения, совершённые, согласно имеющейся информации, сотрудниками ВОВД Октябрьского района г. Грозный... [следует список из 58 уголовных дел.– Авт.]

... В период с 2004 г. и по настоящее время согласно оперативной информации похищение людей на территории Октябрьского района г. Грозный приходится на сотрудников различных силовых структур дислоцирующихся на территории Чеченской Республики, а именно ФСБ, ОРБ-2, полка ППСМ-2 им. А.-Х.КадYROва, бывшего АТЦ и других силовых структур. Это происходит прежде всего по причине того, что сотрудники данных силовых структур не оформляют процессуальное задержание лиц, подозреваемых в совершении преступлений, не предъявляют документы в момент задержания, не извещают родственников, соседей задержанных или представителей органов местного самоуправления о причинах задержания, предстоящем местонахождении задержанных. Родственники задержанных ничего не зная об их судьбе впоследствии обращаются в ОВД о их похищении. Розыск таких задержанных затруднён из-за порой крутого противодействия сотрудникам ОВД, в связи с чем они вынуждены ограничиваться простой констатацией факта преступления, не будучи в состоянии собрать полноценный первоначальный материал и опросить сотрудников той или иной силовой структуры. Сотрудники ОВД на территорию дислокации силовых структур и воинских частей не допускаются. По данным фактам возбуждены уголовные дела... [следует список из 15-ти уголовных дел.– Авт.]

...Приведённый анализ... показал, что основными причинами недостаточной результативности... являются:

...3. Использование сотрудниками подразделений силовых структур и правоохранительных органов, дислоцирующихся на территории Республики, неустановленных предметов форменной одежды без знаков различия, а так же масок.

4. Передвижение по территории Республики автотранспорта как с чужими номерными знаками, так и без номерных знаков.

5. Нежелание командования силовых структур, войсковых частей предоставлять достоверную информацию по фактам участия их подчинённых в специальных операциях, задержаниях граждан, в том числе воспрепятствование проведения первоначальных следственных действий.

Заместитель начальника СКМ ОВД Октябрьского района г. Грозный майор милиции Х.Ю. Нанаев

Неэффективность судебной системы в борьбе с безнаказанностью

Попытки преодолеть «избирательную безнаказанность», используя судебные механизмы, также, как правило, безуспешны. В качестве примера приведем расследование уголовного дела по похищению двух жителей Чечни.

4 мая 2005 г. по ходатайству сотрудника ПЦ «Мемориал» Урус-Мартановский городской суд рассмотрел жалобу жителей с. Мартан-Чу Урус-Мартановского района Чеченской Республики Саламат Мешаевой и Мухтара Сайдаева на бездействие районной прокуратуры. 17 декабря 2002 г. около 3.00 были похищены их близкие родственники: Лема Ахиатович Мешаев и Бислан Сулейманович Сайдаев. Похитители прибыли на БТРе и автомашинах «Урал» и УАЗ. По этому факту прокуратура Урус-Мартановского района возбудила уголовное дело № 34002 по статье 126 УК РФ. Заявители были признаны потерпевшими по делу. Уголовное дело неоднократно приостанавливалось, поскольку «лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено» (пп. 1, п. 1, ст. 208 УПК РФ). Заявители обращались с жалобами и с ходатайствами в прокуратуры Урус-Мартановского района и Чеченской Республики с требованием выполнить ряд процессуальных следственных действий, которые, по их мнению, способствовали бы раскрытию преступления, но никакого ответа они не получили. 6 апреля 2005 г. они подали в Урус-Мартановский городской суд жалобу на бездействие прокуратуры. Истцы протестовали против приостановления расследования уголовного дела, требовали, чтобы им, как потерпевшим, дали возможность ознакомиться с материалами дела. Суд решил, что следствие проведено «не в полном объеме», - важные свидетели даже не были допрошены, - и постановил возобновить предварительное расследование. Суд отказал истцам в ознакомлении с материалами дела и снятии с них копий до окончания предварительного расследования. Без такого ознакомления истцы и их представители не могут добиваться от прокуратуры реального расследования дела, и, скорее всего, оно будет вновь приостановлено.

Особенно ярко проблема неэффективности судебной системы в борьбе с безнаказанностью сотрудников силовых структур, совершающих преступления против гражданских лиц, может быть проиллюстрирована на примере дела Ульмана, уже упомянутого в подразделе «Безнаказанность сотрудников федеральных и местных силовых структур» данной главы доклада. Четверо сотрудников спецназа ГРУ (Минобороны России): капитан Эдуард Ульман, капитан Александр Калаганский, прапорщик Владимир Воеводин и майор Алексей Перелевский проходят по делу об убийстве шести мирных жителей Чечни 11 января 2002 года в районе села Дай Шатойского района Чечни. Уже дважды они были оправданы жюри присяжных. При этом Ульман, Калаганский и Воеводин не отрицают убийства ими гражданских лиц, но ссылаются на то, что оно было совершено по приказу Перелевского. Последний подтверждает, что отдавал такой приказ. Более того, есть свидетели отдачи этого приказа. Перелевский, в свою очередь, ссылается на приказ вышестоящего руководителя спецоперации, - полковника Плотников. Плотников, однако, отрицает, что отдавал по рации приказ Перелевскому, и нет никаких реальных доказательств, что такой приказ был.

11 января 2002 г. около 15.00 группа капитана Ульмана высадилась с вертолета около населенного пункта Дай с целью организовать засаду на маршруте возможного перемещения полевого командира Хаттаба. Увидев на дороге автомобиль УАЗ, водитель которого, как настаивает капитан Ульман, не остановился по их требованию, Ульман отдал приказ стрелять по автомашине.

Вследствие обстрела был убит один из пассажиров автомобиля - директор школы Саид Аласханов - и двое ранены. Затем оставшихся в живых пять человек - Тубурова Х.Т., Сатабаева А.А., Бахаева Ш.Ж., Джаватханову З.И. и Мусаева Д.И. - вывели из автомобиля. Силовики установили, что «задержанные» являются мирными жителями. Спецназовцы перевязали раненных, а затем стали выяснять, что с ними делать. Ульман связался по рации со старшим оперативной группы майором Алексеем Перелевским, и

объяснил ситуацию, сообщив, в частности; «У меня один «двухсотый» [убитый] и два «трёхсотых» [раненых]». Со слов Ульмана, на вопрос, что делать с чеченцами, майор ответил, что их надо уничтожить, но не прямо, не в установленной форме: «У тебя шесть двухсотых. После этого по команде Ульмана лейтенант Александр Калаганский и прапорщик Владимир Воеводин открыли по задержанным огонь. Тела расстрелянных погрузили в автомобиль и заложили под него взрывное устройство, чтобы имитировать случайный взрыв, что было также сделано во исполнение приказа Перелевского, который и это не отрицает. Однако взрыв не нанес автомобилю значительных повреждений, и спецназовцы подожгли машину.

По факту убийства, получившего большой резонанс, было заведено уголовное дело. В апреле 2004 г. членов «группы Ульмана» и Перелевского жюри присяжных признало невиновными.

Все подсудимые не отрицают сам факт расстрела мирных жителей или отдачи ими такого приказа подчиненным, но ссылаются на необходимость беспрекословного выполнения приказов вышестоящего начальства. Ульман выполнял приказ Перелевского, тот говорит, что ему отдал приказ Плотников, а Плотников все отрицает, - причём сам полковник Плотников к уголовной ответственности не привлечен, по делу и на суде в качестве обвиняемого не фигурирует. Присяжные при вынесении вердикта исходили из своей внутренней убежденности, что все обвиняемые выполняли приказ, и что за выполнение любого приказ, военные, его исполняющие, ответственности не несут.

Военная коллегия Верховного суда РФ отменила приговор и вернула дело в Северо-Кавказский окружной военный суд на новое рассмотрение. Отмена оправдательного приговора основывалась на том, что в ходе первого судебного слушания было допущено много процессуальных нарушений. Например, список присяжных был составлен в день формирования коллегии прямо в зале суда, что недопустимо (по закону список формируется заранее).

19 мая 2005 г. новое жюри присяжных единогласно по всем пунктам обвинения вновь признала подсудимых невиновными. Присяжные сочли доказанным факт, что Ульман, Воеводин и Калаганский действовали в соответствии со своими служебными обязанностями. Кроме того, на основании оправдательного приговора суд оставил без рассмотрения гражданские иски потерпевших к спецназовцам.

Но и это решение позже было отменено военной коллегией Верховного Суда. Одно из оснований состоит в следующем: потерпевшие настаивали, чтобы в число присяжных вошли представители народов Северного Кавказа, в частности, из Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Северной Осетии.¹⁴⁷ Однако суд отобрал в жюри лишь этнических русских. После оглашения списка присяжных потерпевшие и их адвокаты ходатайствовали об отводе состава жюри, однако, эта просьба была отклонена председательствующим в суде.

При этом следует отметить, что эксперты Независимого Экспертно-правового совета, организации, объединяющей ряд ведущих юристов и правоведов в России, изучив материалы дела, включая вопросы, поставленные перед присяжными в ходе второго его рассмотрения, а также напутственное слово судьи присяжным, пришли к следующему выводу: в данном случае либо имело место манипулирование жюри присяжных, либо судья не был готов принять на себя груз ответственности и переложил ее на жюри. Фактически перед присяжными были поставлены вопросы, требующие от них вынесения правовой оценки, что само по себе неправомерно.

¹⁴⁷ Учитывая распространенность античеченских настроений среди русских жителей Южного федерального округа России, у них были обоснованные опасения, что если в состав жюри попадут только русские, то решение присяжных по делу об убийстве чеченцев русскими военнослужащими не сможет быть объективным.

В конце 2005 года началась подготовка рассмотрения «дела Ульмана» уже третьим составом жюри присяжных, но этот процесс не был завершён.

Летом 2006 года Конституционный суд РФ, рассмотрев жалобу президента ЧР Алу Алханова на то, что в состав жюри присяжных, формируемых из жителей ЮФО не могут войти представители ЧР, так как до сих пор на территории ЧР не функционируют суды присяжных и нет отбора присяжных для заседания в военном окружном суде. КС РФ принял решение, что такое формирование жюри присяжных, без возможности выдвигать туда представителей от жителей ЧР, противоречит конституции, и, пока в ЧР не будет введен механизм отбора присяжных, все дела по случаям совершения преступлений военнослужащими против жителей ЧР будут рассматриваться судами в составе трех профессиональных судей.

Теперь следует ожидать суда по «делу Ульмана» в таком составе, но рассмотрение дела отложено по просьбе защиты обвиняемых, и пока проходящие по «делу Ульмана» продолжают служить в Вооружённых силах РФ

Проблема фальсификации уголовных дел и использование пыток для получения признательных показаний

Суды, формально начавшие функционировать в Чечне с начала 2001 г., лишь с 2004 г. работают в полном составе. Однако и сегодня судебно-следственная система не обеспечивает правосудие, поскольку суды зависимы и порою оказываются вовлечены в фальсификацию уголовных дел. Прокуратура, в функции которой входит как проведение следствия, так и надзор за следствием, в этой ситуации «конфликта интересов» не заинтересована в расследовании фактов фабрикации уголовных дел.

В 2004-2005 гг. многие из «похищенных» не исчезали бесследно, а обнаруживались потом в законных или «квазизаконных» местах содержания и становились объектами фальсификации уголовных дел. Можно отметить характерные черты этого явления. Человека, подозреваемого в участии в НВФ, представители силовых структур часто задерживают незаконно, не предъявляя документов, не указывая причину задержания и не сообщая, куда задержанный будет доставлен. Родственники задержанного не знают кто – «силовики» или бандиты – его увезли, и где он находится. Задержанный обычно «исчезает» на время, до нескольких суток. В это время от него пытаются получить признание в совершении преступлений, обычно с помощью жестоких избиений и пыток.

Дежурный адвокат, предлагаемый следствием, не пишет представления о применении пыток в отношении подзащитного, не требует оказания ему медицинской помощи или проведения судебно-медицинской экспертизы состояния его здоровья. В это время родственники чаще всего еще не знают о местонахождении задержанного и не могут нанять ему другого адвоката. Под пытками задержанного вынуждают «взять на себя» преступления, в которых его подозревают, а также и другие нераскрытые преступления, требуют назвать известных ему лиц, причастных в незаконной деятельности, или оговорить тех, кого подозревает следствие.

Имеются свидетельства, что кроме избиений и пыток, к задержанному или арестованному применяют психологическое давление, например, угрожая его родственникам сексуальным насилием над ним самим, над женой, другими родственниками. Эти угрозы становятся действенным аргументом в пользу «признания». На фоне физического насилия и психологического давления подследственному объясняют, что ему сейчас лучше «сотрудничать» со следствием, подписать все, и тогда потом следователь постарается ему «помочь» исправить положение после передачи дела в суд.

Признание в совершении инкриминируемых преступлений обычно дают подписать в присутствии следователя, а затем подтвердить в присутствии адвокатов. Там к задержанному пытки уже не применяют. Однако предварительно человеку объясняют, что в случае отказа от показаний «обработка» будет еще сильнее. Угрозы приводят в исполнение, если человек начинает

отказываться от своих показаний еще на этапе предварительного следствия. Подозреваемых инструктируют, объясняя подробности совершенного ими преступления, и объясняют, что именно нужно показать в ходе следственных действий. Обычно адвокат, приглашенный родственниками, получает доступ к подозреваемому только после того, как тот подписал признание в совершении преступлений. Даже если адвокат знает о неправомерных методах, примененных к его подзащитному, он чаще всего не пишет представление о жестоком обращении, опасаясь за собственную безопасность. Признание подследственного в совершении инкриминируемых ему преступлений становится основным доказательством его вины.

Даже в тех случаях, когда в ходе судебного разбирательства поднимался вопрос о применении насилия в отношении обвиняемого, суд оказывается неспособным обнаружить фальсификацию, дать правовую оценку допущенного в отношении обвиняемого нарушения закона и вынести по делу справедливый приговор. пытки в местах предварительного заключения очень трудно засвидетельствовать документально. Эта система оставляет мало шансов на справедливое наказание виновных и оправдание невиновных. Жалобы, направляемые в федеральные надзорные органы, переправляются в местные надзорные органы, которые покрывают произвол правоохранительных органов и спецслужб.

Так, Мехти Мухаев, 1958 г.р., житель высокогорного с. Зумсой Итум-Калинского района Чечни, член семьи заявителей в Европейский Суд по правам человека, был незаконно задержан и подвергнут пыткам с целью фальсификации против него уголовного дела.

Мехти Мухаев был похищен вооруженными людьми в масках в ночь с 29 на 30 декабря 2005 г. на основании показаний некоего Исы Гамаева, указавшего на Мухаева как на члена НВФ. Позже в адрес ПЦ «Мемориала» поступило заявление Исы Гамаева, в котором он утверждает, что оговорил Мухаева под пытками. Аналогичное заявление Гамаев направил в прокуратуру Чечни.

Тем не менее, 8 февраля 2006 г. Мухаеву было предъявлено обвинение по ст. 209 УК РФ «бандитизм» (лишение свободы на срок от 8 до 15 лет).

31 декабря 2005 г. родственники Мехти Мухаева по неофициальным каналам выяснили, что непосредственно после задержания он был доставлен в Урус-Мартановский район, где решением суда ему был назначен арест на 15 суток «за мелкое хулиганство».

Затем Мухаева переместили в Шатойское РОВД. Там его жестоко избивали и пытали 11 дней, показывая фотографии незнакомых ему людей и требуя опознать их. Мухаев никого не опознал. На двенадцатый день его перевели в г. Грозный, в ОРБ-2, где он подвергся еще более бесчеловечному обращению. В результате пыток в ОРБ-2 Мухаев находился без сознания в течение суток. Ему угрожали, что он «исчезнет», если не даст хоть какие-то признательные показания:

20 января 2006 г. к Мухаеву был допущен адвокат, приглашенный по соглашению с ПЦ «Мемориалом». Подзащитный с очевидным трудом передвигался, не мог сидеть продолжительное время, испытывал затруднения в дыхании, плохо слышал, жаловался на отеки ног, сильные головные боли, боли в области почек и легких. У него были гематомы на теле и ссадина на носу. Заметные при внешнем осмотре побои были зафиксированы в медицинской карточке Мухаева при поступлении в грозненский следственный изолятор.

30 января родственники оговорившего Мухаева Исы Гамаева наняли ему адвоката (до этого интересы Гамаева защищал адвокат, назначенный следствием в порядке статьи 51 УПК РФ). 1 февраля Гамаева и Мухаева перевели из СИЗО г. Грозного в ОРБ-2, о чем не были поставлены в известность их адвокаты. В ОРБ-2 Мухаева сначала освидетельствовал врач, а затем его начали избивать - кулаками, ногами, стулом - требуя не отказываться от показаний, данных ранее. Гамаева не избивали, но настоятельно советовали не усугублять свое положение и не отказываться от первоначальных показаний.

2 февраля местонахождение Мухаева стало известно его адвокату. В ОРБ-2 звонили представители «Международной Амнистии», «Международной Хельсинской Федерации», ПЦ «Мемориал», выражая озабоченность и обеспокоенность его положением. К вечеру Мухаева и Гамаева вернули обратно в СИЗО. Врачи СИЗО документально засвидетельствовали появившуюся за время пребывания в ОРБ-2 «гематому на правой лопаточной области в 6 см» на теле Мухаева, а также «жалобы на боли в области сердца».

17 августа 2006 года Урус-Мартановский городской суд Чеченской Республики признал Мухаева Мехти Махудовича виновным по ч.1 ст.208 УК РФ (участие в бандформировании) и приговорил к восьми месяцам лишения свободы. 13 сентября Мухаев был освобождён. И. Гамаев был признан виновным по той же статье и приговорён к году лишения свободы. Но даже такой, по меркам нынешней Чечни, почти оправдательный приговор, вынесенный в результате усилий правозащитников и беспрецедентно широкой огласки, является незаконным, заведомо неправомерным и вынесенным на основании сфабрикованных под пытками «признательных» доказательств, которые были опровергнуты еще на стадии следствия. Так, на стадии следствия были сняты обвинения по статьям УК РФ: 209 («Бандитизм»), 317 («Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»), 205 («Терроризм»), 105 («Убийство»), 222 («Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств») УК РФ. Обвинение Гамаева и Мухаева строилось на основании самооговора Гамаева под пытками, его «признательных показаний», признанных ранее недопустимыми.

Отсутствие доступа к правосудию и бездеятельность прокуратуры при расследовании фактов применения пыток на территории Чечни не дает потерпевшим возможности получить компенсацию. Единственным эффективным механизмом оказывается Европейский суд по правам человека. В феврале 2005 г. было вынесено решение по делу Магомеда Хашиева, родственники которого были убиты в ходе «зачистки» в Старопромысловском районе г. Грозного в январе 2000 года. В сентябре 2005 г. ему была выплачена присужденная Страсбургским судом сумма. Это единственный случай с начала вооруженного конфликта на Северном Кавказе.

Преследование заявителей в Европейский Суд по правам человека

В Докладе РФ (п. 120) говорится о том, что истцам и свидетелям обеспечена защита со стороны государства. Между тем практика показывает обратное. На заявителей и свидетелей нередко оказывают давление с тем, чтобы они не подавали заявления в официальные инстанции или чтобы они забрали поданные заявления. Давлению, вплоть до убийств и «исчезновений», подвергаются и заявители в Европейский суд по правам человека.

Так, Залине Медовой, жене похищенного сотрудниками ФСБ, транспортировавшегося из Ингушетии в Чеченскую республику¹⁴⁸ и «исчезнувшего» летом 2004 г. Адама Медова¹⁴⁹, неизвестные люди, говорившие с ней якобы от имени сотрудников ФСБ, «предлагали» забрать свою жалобу из Суда ради сохранения своей собственной жизни и безопасности близких. В результате она была вынуждена вместе с детьми выехать из страны.

Угрозы в адрес Залины Медовой – не пустые слова. В последние годы в Чечне убиты или исчезли несколько заявителей в Европейский суд по правам человека или членов их семей. Приведем лишь два таких случая.

¹⁴⁸ Похищения людей сотрудниками силовых структур из Чечни распространились на Ингушетию. Это один из ключевых аспектов распространения конфликта за пределы Чечни. Подробнее с данной проблемой можно ознакомиться в подразделе «Эскалация конфликта за пределы Чечни».

¹⁴⁹ Похищение А. Медова подробно описано выше, в разделе «Похищения, исчезновения и внесудебные казни в ходе «контртеррористической операции»».

2 апреля 2005 г. около 3:00 ночи в с. Дуба-Юрт из своего дома вооруженными людьми были насильно увезены в неизвестном направлении Эльмурзаев Сайд-Хусейн Магомедович и Эльмурзаев Сулейман Сайд-Хусенович - отец и брат «исчезнувшего» и затем найденного убитым Эльмурзаева Идриса, заявители в Страсбургский суд. Похитители были одеты в военную камуфляжную форму, приехали на трех микроавтобусах УАЗ-452 («таблетка»), говорили по-русски без акцента. 8 мая 2005 г. труп Эльмурзаева Сайд-Хусейна был обнаружен недалеко от станции Ильинская в реке Сунжа, вблизи места впадения в нее реки Аргун. Местонахождение Эльмурзаева Сулеймана на момент написания доклада не установлено.

В ночь на 27 марта 2004 г., после 2.00, в с. Дуба-Юрт Шалинского района сотрудниками неустановленной федеральной силовой структуры были увезены из своих домов восемь местных жителей: Шарип Хамидович Эльмурзаев, (1971 г. р.), Идрис Саид-Хусейнович Эльмурзаев (1974 г. р.), Бай-Али Абдулаевич Эльмурзаев (1968 г. р.), Иса Имранович Хаджимурадов, Хусейн Имранович Хаджимурадов, Лечи Абуязидович Шаипов, Зелимхан Умиевич Осмаев, Анти Ацаевич Муртазов. «Силовики» приехали на пяти микроавтобусах УАЗ-452 («таблетка»), автомобиле «Нива», микроавтобусе «Газель», автомобиле УАЗ-469 и двух бронетранспортерах, вели себя грубо, применяли физическую силу в отношении как задерживаемых, так и их родственников. Были задержаны еще четыре человека, из которых одному удалось бежать, а троих военные выбросили из машины на окраине села.

Родственники похищенных поехали вслед за колонной и установили, что те, не останавливаясь на блок-постах, проехали через с. Чишки на юг, мимо Старых Атагов в сторону г. Грозного. По факту похищения было возбуждено уголовное дело, но представители власти ничего не могли сообщить о судьбе увезенных людей. Неофициально родственники похищенных получили внутреннюю справку прокуратуры о результатах проверки, произведенной на военной базе в пос. Ханкала. Там находились все восемь задержанных (факсимиле справки было представлено журналистам Human Rights Watch).

9 апреля 2004 г. на северной окраине с. Сержень-Юрт были обнаружены девять трупов - восемь тел жителей с. Дуба-Юрт, похищенных 27 марта, и тело Абдуллы Литаева, жителя с. Дуба-Юрт, которого за два месяца до этого похитили из дома люди в военной форме. Все были убиты выстрелами в затылок, на всех трупах имелись многочисленные следы пыток.

Родственники убитых обратились в неправительственную организацию «Правовая инициатива по Чечне» с просьбой подать от их имени жалобу в Европейский Суд по правам человека. Год спустя, как было сказано выше, двое из них были похищены, и, по крайней мере, один убит.

Еще одна убитая заявительница подавала жалобу в Страсбургский суд непосредственно на применение пыток.

Зура Битиева, активная участница антивоенных митингов в ходе первой и второй чеченских войн, была задержана 25 января 2000 г. вместе с сыном Идрисом Идуевым в своем доме в станице Калиновская Наурского района Чечни. Битиева была доставлена «для установления личности» в «фильтрационный пункт» в с. Чернокозово. Официальный статус этого «фильтрационного пункта» на тот момент – «приемник-распределитель». Она провела там 24 дня в маленькой камере, где содержались одновременно от 3 до 10 женщин, которые подвергались избиениям и унижениям. Камера не отапливалась, воду и еду давали раз в день. Несмотря на болезнь сердца, Битиевой было отказано в медицинской помощи. Ее доставили в районную больницу, лишь когда она потеряла сознание. После освобождения Битиева долго болела. Битиева обратилась в Страсбургский суд с жалобой на нарушение ее прав, гарантированных

статьей 3 (запрет пыток) и статьей 5 (право на свободу и личную неприкосновенность) ЕКПЧ. С 2001 г. Битиева участвовала в митингах протеста.

21 мая 2003 г. около 4.00 утра Зура Битиева, ее муж Рамзан Идуев, их сын Идрис Идуев и брат Зуры Битиевой Абубакар Битиев были расстреляны у себя дома в станице Калиновская «неустановленными лицами в камуфляжной форме и масках», которые приехали на автомобилях УАЗ-452 без регистрационных номеров.

После убийства Зуры Битиевой ее жалобу продолжает ее дочь Луиза Идуева-Бисиева, которая также жалуется на нарушение статье 2 (право на жизнь), статью 3 и статью 13 (право на эффективные средства защиты) ЕКПЧ. 20 октября 2005 г. палата из 7 судей Европейского Суда по правам человека признала приемлемость жалобы. Заявительниц представляют юристы ПЦ «Мемориал» и Европейского центра защиты прав человека (Лондон).

Европейский Суд отметил, что Правительство России не выдвинуло возражений о исчерпанности средств правовой защиты и, следовательно, о неприемлемости жалобы. Замечания Правительства о том, что жалобу слишком рано рассматривать по существу из-за того, что уголовное расследование не завершено, Суд счел замечанием по существу дела, поскольку Луиза Идуева-Бисиева жаловалась именно на неэффективность расследования убийства. Суд единогласно признал жалобу приемлемой.

Взаимодействие государственных структур с неправительственными и межправительственными организациями в деле пресечения пыток, жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения

В Докладе РФ (п. 105) есть ссылка на заместителя генерального прокурора по Южному федеральному округу С.Н. Фридинского, который поручением от 6 ноября 2003 г. № 46/2-10627-03 предложил и. о. прокурора Чечни и военному прокурору ОГВ (с) ежемесячно проводить рабочие встречи с представителем ПЦ «Мемориал» в Чеченской Республике, обеспечив при этом обмен информацией и ее проверку. К сожалению, в реальности эти встречи не только не стали системой, но в подобном формате вообще не проводились. ПЦ «Мемориал» по-прежнему поддерживает контакты с прокуратурой по конкретным делам, и систематически направляет туда запросы. Отвечает прокуратура далеко не всегда и, в основном, формальными отписками.

Например, больше года ПЦ «Мемориал» не мог получить ответ на запрос о похищении и «исчезновении» в Урус-Мартановском районе на протяжении 2000-2003 гг. 246 человек. В итоге прокуратура ответила на аналогичный запрос, направленный от Совета по содействию и развитию институтов гражданского общества и правам человека при Президенте РФ¹⁵⁰. В отношении 69 человек сообщается, что «заявлений и сообщений о похищении в прокуратуру и ОВД Урус-Мартановского района Чеченской Республики не поступало». В отношении 172 человек сообщается, что «по данному факту прокуратурой Урус-Мартановского района Чеченской Республики проводилась проверка, возбуждено уголовное дело (иногда указывается номер – ред.), уголовное дело числится за прокуратурой Урус-Мартановского района Чеченской Республики, приостановлено (указана дата, нередко приблизительно – ред.), заведено розыскное дело, лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых, не найдены. В настоящее время проводятся ОРМ (оперативно-розыскные мероприятия – ред.) на установление лиц, причастных к совершению преступления». Эти, казалось бы, развернутые ответы на самом деле составлены «под копирку»: составитель интересовался лишь формальными параметрами прохождения дела в прокуратуре (номер и дата приостановления – да и то не всегда). Так, например, «розыскное дело заведено» на похищенную в ночь на 28 января 2003 г. Седу Хурикову, чей труп со следами пыток

¹⁵⁰ Ответ Прокуратуры Чечни № 15-1-812-05 от 27 июня 2005 г. на запрос Э.А. Памфиловой № А60-9-542 от 2 июня 2005 г., подписан заместителем прокурора Чечни А.В. Никитиным.

и насильственной смерти был обнаружен и опознан родственниками 10 февраля того же года (то же в отношении 31 «исчезнувших», чьи тела были найдены, и розыска не требовали). Среди тех, о чьем «исчезновении» прокуратура не была осведомлена, присутствуют 12 человек, чьи тела были найдены, опознаны и похоронены. По факту убийства троих из них - братьев Мухамед-Али, Магомед-Салыха и Хас-Магомеда Эльбиевых, задержанных сотрудниками федеральных силовых структур на рассвете 22 июня 2001 г. и обнаруженных убитыми на следующий день, - прокуратурой Урус-Мартановского района было возбуждено уголовное дело № 25076. Но прокуратура отвечает, что не располагают сведениями об этом факте. В целом взаимодействие ПЦ «Мемориал», а затем и Совета при Президенте РФ с органами прокуратуры показывает не только отсутствие расследования дел об «исчезновениях», но и нежелание прокуратуры отчитываться о своей работе.

Шире, в Докладе РФ говорится (п. 45), что межправительственные и неправительственные организации имели свободный доступ в регион, включая места лишения свободы, для осуществления мониторинга.

Действительно, с начала вооруженного конфликта в Чечне состоялись семь визитов делегаций ЕКПП в Россию, в том числе и на Северный Кавказ.

Есть серьезные основания утверждать, что подготовленные в ходе этих визитов доклады содержали сведения о серьезных нарушениях российской стороной взятых на себя обязательств по предотвращению пыток. Однако эти доклады могли быть опубликованы только с согласия инспектируемой стороны - РФ, которая отказывается придать их гласности. За время второй чеченской войны ЕКПП был настолько неудовлетворен ситуацией в Чечне и отсутствием сотрудничества со стороны России, что дважды прибег к крайней, исключительной мере – публичным заявлениям «относительно Чеченской Республики Российской Федерации»¹⁵¹ (первое в июне 2001 г. и второе - в июле 2003 г.¹⁵²). Отметим, что со стороны ЕКПП это является более чем жестким сигналом. За последние 15 лет ЕКПП сделал в общей сложности четыре публичных заявления и то, что два из них сделаны по России, указывает на глубину кризиса. Доклады же ЕКПП до настоящего времени остаются неопубликованными, что в значительной степени обесмысливает работу ЕКПП. С убедительными просьбами предать гласности доклады ЕКПП неоднократно обращались к России не только сам Комитет, но и другие структуры Совета Европы, включая ПАСЕ.

В России, в том числе и на Северном Кавказе, продолжают работать делегации международных гуманитарных организаций, в том числе и МККК. Но, как сообщили сотрудникам «Мемориала» в представительстве МККК в Назрани, «в 2004 г. МККК столкнулся с проблемами, препятствующими осуществлению данного вида деятельности (визитов в следственные изоляторы и иные места содержания задержанных и арестованных) в соответствии со стандартными критериями, принятыми в организации, в результате МККК пришлось временно прекратить посещение задержанных».¹⁵³

В течение всей второй чеченской кампании Специальный докладчик ООН по вопросам предотвращения пыток неоднократно запрашивал у российских властей приглашение для посещения зоны конфликта. Этого приглашения ему удалось добиться только к весне 2006 года. 30 марта 2006 года специальный докладчик Манфред Новак объявил, что правительство России позволило ему приехать в страну и посетить северо-кавказский регион. 6 июля Новак объявил, что визит запланирован на 9-20 октября и предполагается посещение Чечни, Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Новак подтвердил это и 20 сентября в выступлении перед Советом по правам человека.

Однако 4 октября Правительство РФ сообщило, что отдельные части программы его посещения мест принудительного задержания, - в частности, не заявленные заранее посещения задержанных и частные разговоры с ними, - будут противоречить законодательству РФ. Отметим, во-первых, что эти процедуры являются частью мандата Специального докладчика, и,

¹⁵¹ По своему мандату в исключительных случаях ЕКПП может в своей работе преступать принцип конфиденциальности в отношениях с государством.

¹⁵² Публичное заявление ЕКПП от 10 июля 2003 г. также упоминается ниже в подразделе «Места содержания под стражей» в связи с ситуацией вокруг ОРБ-2.

¹⁵³ См.: «Конвейер насилия. Нарушения прав человека в ходе проведения контртеррористических операций в Республике Ингушетия» (Мемориал: Москва, сентябрь 2005 г.).
<http://www.memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/konnas/index.htm>

во-вторых, регулярно бывающие на Северном Кавказе делегации Комитета Совета Европы по предотвращению пыток осуществляют как внезапные посещения конкретных мест заключения, так и беседы там «с глазу на глаз».

МИД России заявил, что отмена запланированного визита вызвана тем, что Новак выдвинул России «неприемлемые условия».

Фактический отказ российских властей предоставлять ООН-овскому спецдокладчику возможность продуктивно работать показывает нежелание властей выполнять обязательства, предусмотренные Конвенцией ООН о запрете пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания, и выглядит особенно вызывающе накануне рассмотрения Комитетом ООН против пыток очередного периодического доклада РФ.

На сегодняшний день Европейский Суд по правам человека зафиксировал нарушения Россией некоторых ключевых статей Европейской Конвенции по правам человека (право на жизнь, запрет пыток, отсутствие эффективных средств национальной защиты и др.) в 8 делах, поданных заявителями из чеченской республики. В то время как российские власти в целом выполняют свои обязательства в плане выплат жертвам индивидуальных компенсаций, назначенных Судом, нельзя не констатировать отсутствие сотрудничества государства со Страсбургом на уровне принятия так называемых мер общего характера, т.е. шагов, направленных на устранение выявленных системных проблем, включая стоящую особенно остро проблему отсутствия эффективного расследования случаев нарушения прав человека сотрудниками силовых структур и проблему безнаказанности. Необходимо особо отметить, что в «чеченских» делах, уже рассмотренных в Европейском суде, фигурируют четверо высокопоставленных военных – командующий Северо-Кавказским военным округом Александр Баранов, командующий 58-й армией Анатолий Хрулев, генерал внутренних войск Яков Недобитко и генерал в отставке Владимир Шаманов, в настоящее время занятый политической деятельностью. Шаманов и Недобитко командовали печально известной операцией в селе Катыр-Юрт в феврале 2000 года. Кроме того, Шаманов командовал группировкой "Запад", а Хрулёв - блок-постом "Кавказ-1", когда 29 октября 1999 года этот пост, вопреки предшествовавшим официальным заявлениям, не был открыт, а скопившаяся колонна беженцев была подвергнута ударам с воздуха. Баранов лично отдал приказ о расстреле захваченного федеральными силами Хаджимуруда Яндиева, после чего Яндиев "исчез". Всех этих генералов российские органы прокуратуры ранее признали невиновными в совершении преступлений. Несмотря на решения Страсбургского суда, следствие в отношении этих высокопоставленных военных возобновлено не было, ни одному из них не было предъявлено обвинение.

Места содержания под стражей

Как справедливо отмечается в Докладе РФ, на территории Чечни созданы и функционируют следственные изоляторы в г. Грозный (СИЗО-1) и в с. Чернокозово Наурского района, где наряду с СИЗО в 2005 г. стала действовать колония строгого режима. В районах Чечни работают ИВС при районных отделах внутренних дел (РОВД).

Последнее время правозащитникам не поступали жалобы на жестокое обращение из СИЗО № 1. СИЗО и колонию в Чернокозово 25 февраля 2006 г. посетил Комиссар Совета Европы по правам человека Альваро Хиль-Роблес, и высказал удовлетворение условиями содержания. Он также беседовал с отбывающим 15-летний срок заключения в колонии Чернокозово Вахидом Мурдашевым, близким сподвижником Аслана Масхадова. Комиссар отметил, что Мурдашев в разговоре «демонстрировал твердость в отстаивании своих принципов». Через неделю, 2 марта, Мурдашев был вывезен из Чернокозово сотрудниками федеральных силовых структур на вертолете в неизвестном направлении. На момент составления доклада его местонахождение неизвестно. Защитник Мурдашева адвокат Бай-Али Эльмурзаев выражает обеспокоенность «за его жизнь и здоровье».

Содержание задержанных в ИВС при РОВД отнюдь не гарантирует их от пыток и жестокого обращения. Есть даже случаи гибели людей непосредственно на территории РОВД. Дела такого рода не расследуются должным образом.

Так, 18 марта 2004 г. около 3 часов ночи, сотрудники ОФСБ РФ по Чеченской Республике, ОВД Наурского района Чечни и военнослужащие внутренних войск МВД России без предъявления ордера и без объяснения причин произвели незаконный (в отсутствие понятых) обыск в доме Хамбулатовых по адресу ул. Дзержинского 812, станица Савеловская (Кирова) Наурского района. В ходе обыска было «обнаружено» с наибольшей вероятностью подброшенное самими сотрудниками правоохранительных органов самодельное взрывное устройство (хозяйка дома Хамбулатова А.А. утверждает, что взрывного устройства в доме быть не могло). При проведении обыска сотрудники ОФСБ РФ по Чеченской Республике задержали сына Хамбулатовой А.А., Хамбулатова Темура Резвановича (д.р. 27 октября 1980 г.). Согласно справке, данной начальником отдела УФСБ РФ по Чечне в Наурском районе Хумаровым В.Х. (Исх. № 16/224 от 20 марта 2004 г.), «Хамбулатов Т.Р. в ходе его транспортировки в отделение милиции попытался выхватить автомат у сотрудника ФСБ и выпрыгнуть в заднюю дверь автомобиля. Во время преследования и задержания Хамбулатову были нанесены расслабляющие удары в корпус». Хамбулатов был доставлен в Наурский РОВД и сдан в дежурную часть в 4 часа утра 18 марта 2004 года. Согласно рапорту на имя и.о. начальника Наурского РОВД Силярова С.Н., сотрудник РОВД Терешин В.В. в период с 6 до 8 часов утра 18 июня «работал в своем служебном кабинете с доставленным гр-ном Хамбулатовым». Хамбулатов дал Терешину объяснение, в котором признавался в изготовлении и хранении взрывного устройства с целью дальнейшей продажи. Из приложенного к рапорту объяснения Хамбулатова следует, что взрывное устройство было изъято у него сотрудниками милиции и опечатано на его глазах и в присутствии понятых. На объяснении стоит подпись Хамбулатова. Однако эта подпись существенно отличается от образца подписи в паспорте Хамбулатова.

Из рапорта Терешина на имя Силярова следует: непосредственно после дачи объяснения Хамбулатов упал на пол в кабинете Терешина. Терешин позвал фельдшера и в месте с ней в течение 15-20 минут пытался оказать Хамбулатову помощь; поскольку реанимирующие действия результатов не дали, Терешин сообщил о случившемся начальнику. Днем 18 марта Хамбулатова А.А. пришла в РОВД Наурского района узнать, не содержится ли там Хамбулатов Т.Р. Находившийся в РОВД прокурор Наурского района Серков сообщил Хамбулатовой А.А., что ее сын скончался в РОВД в 9 утра 18 марта 2004 г., и что его тело было направлено в Моздок для производства судебно-медицинской экспертизы. 19 марта 2004 г. Хамбулатова получила труп сына. Из слов Хамбулатовой и жителей станицы Савельевской, видевших тело, а так же из фотографий и видеоматериалов очевидно наличие множественных повреждений на теле Хамбулатова. В частности череп был пробит сзади, на обоих висках имелись пробоины диаметром в толщину пальца, плечевые суставы были вывихнуты, на плечах имелись колотые раны, а так же несколько глубоких ран в области коленей на обеих ногах, уши были надорваны, фаланги пальцев черные, кожа между пальцами ног проколота. Уголовное дело по факту смерти Тимура Хамбулатова было возбуждено, но надлежащих следственных действий не проводилось. Характер причиненных повреждений, а так же факт получения от Хамбулатова признания дают веские основания предполагать, что во время нахождения в Наурском РОВД к нему применялись пытки. При этом в мае 2004 г. Хамбулатова при помощи главы администрации Наурского района узнала, что в ходе следствия было получено заключение судебно-медицинской экспертизы, указывающее на то, что Хамбулатов умер в результате разрыва сердца, что ему был причинен «легкий вред здоровью» и причинно-следственная связь между причиненными телесными повреждениями и смертью Хамбулатова «отсутствует». На сегодняшний день дело приостановлено, и виновные к ответственности не привлечены.

Но, кроме предусмотренных законом СИЗО и ИВС в Чечне существуют «квазизаконные» и вообще незаконные (секретные) тюрьмы. К первому типу относятся места содержания под стражей при оперативно-розыскных бюро. Наиболее известное из них расположено в помещении Оперативно-розыскного бюро № 2 Северо-Кавказского оперативного управления Главного управления МВД России в Южном федеральном округе (ОРБ-2)¹⁵⁴, в бывшем здании РУБОП в

¹⁵⁴ Оперативно-розыскные бюро возникли в 2001 г. при управлениях МВД России в результате реорганизации, вместо ликвидируемой системы Региональных управлений по борьбе с организованной преступностью (РУБОП). Сотрудники последних переходили на работу в ОРБ. Формально основные задачи ОРБ-2 сформулированы как выявление, предотвращение и пресечение деятельности организованных преступных групп и сообществ, борьба с коррупцией в органах государственной власти, с терроризмом и с преступными проявлениями экстремизма на территории Чечни.

Старопромысловском районе. В этой структуре служат преимущественно постоянные жители Чечни, однако, здесь работает немало и милиционеров, командированных из других регионов России.

ОРБ призвано заниматься именно оперативной и розыскной работой, а не проведением следственных действий. Содержание задержанных и арестованных граждан в помещении ОРБ (т.е. наличие там ИВС) противоречит нормам Федерального закона РФ «О содержании под стражей...», Закона «О милиции», Постановлениям Правительства РФ.

Между тем, с момента образования ОРБ-2 в 2002 г. в его помещениях постоянно содержались подозреваемые и обвиняемые. В г. Грозном, как и подчеркивается в Докладе РФ, действует СИЗО, при РОВД существуют ИВС, и нет никаких законных оснований переводить арестованных людей из СИЗО в «ИВС при ОРБ-2». Такой перевод подозреваемых и обвиняемых допускается лишь в тех случаях, когда невозможна их ежедневная доставка. Смысл существования ОРБ-2 - создать условия для оказания на задержанных и арестованных людей давления (включая и пытки), чтобы вынудить их дать «нужные» показания.

Людей регулярно переводят из СИЗО в ОРБ-2, где обычно содержат более 10 дней, на которые по закону подследственного можно переводить за пределы СИЗО для проведения следственных действий. Здесь ведут допросы следователи прокуратуры, причем, по словам адвокатов, здесь же постоянно находятся и сотрудники ОРБ-2. На просьбы адвокатов покинуть помещение они обычно отвечают грубым отказом. Некоторые адвокаты сообщили, что сотрудники ОРБ-2 им угрожали, напоминая о похищении и исчезновении в Чеченской Республике в последние годы пяти адвокатов. По словам адвокатов, во время допросов показания подследственных напоминают повторение заученного текста, а сотрудники ОРБ-2 внимательно следят за словами допрашиваемого. Сотрудники ОРБ-2 препятствуют встречам подследственных с адвокатами наедине. После перевода назад из ОРБ-2 в СИЗО подследственный обычно сообщает адвокату, что на допросе не мог отклониться от версии, «предложенной» под угрозой насилия сотрудниками ОРБ-2: после допроса он остается в ОРБ-2, и сотрудники ОРБ имеют все возможности для незаконного давления на него.

Если бы подследственного в положенный срок доставляли назад в СИЗО, скрыть следы избиений было бы труднее. Людей нередко содержат в ОРБ-2 по несколько месяцев, пока они не дадут все «нужные» показания, и пока не исчезнут заметные следы пыток.

Сюда привозили похищенных людей, содержание которых не было оформлено никакими документами. В ОРБ-2 проводилась их «интенсивная обработка» с целью получить признания. Известны случаи, когда похищенных таким образом людей затем «легализовывали» в ОРБ-2. Через несколько дней или недель исчезнувшие появлялись там в качестве официально арестованных. Сотрудники МВД и прокуратуры либо отрицали факт похищения, либо утверждали, что «похитители» освободили похищенного, и сразу после этого он был арестован сотрудниками ОРБ-2.

Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) специально обращал внимание властей России на недопустимость этого:¹⁵⁵

«Одно учреждение выделяется особо, как с точки зрения частоты, так и тяжести предполагаемых случаев жестокого обращения. Речь идет об ОРБ-2... в Грозном.

ОРБ-2 никогда не было включено в какой-либо из официальных списков мест лишения свободы, представленных ЕКПП. Однако лица там несомненно содержатся, в некоторых случаях в течение очень продолжительного времени. Во время своих посещений в 2002 г. ЕКПП получил значительное количество утверждений о жестоком обращении с лицами, задержанными в этом учреждении. По некоторым из этих случаев делегация получила медицинские подтверждения, не вызывающие сомнения. ... В мае 2003 г. были получены исполнительные утверждения, отдельные из которых были снова подкреплены медицинскими данными.

¹⁵⁵ Опубликовано ЕКПП 10 июля 2003 г. «Публичное заявление относительно Чеченской Республики Российской Федерации».

Во время повторного посещения ЕКПП ОРБ-2 в мае 2003 г. там находилось 17 человек, отдельные из которых содержались в течение нескольких месяцев. ... Наблюдения, сделанные в ОРБ-2, включая как общее отношение, так и поведение персонала, дают основания Комитету быть глубоко обеспокоенным судьбой лиц, содержащихся в ОРБ.

ЕКПП неоднократно рекомендовал провести тщательную независимую проверку методов ведения допроса задержанных лиц персоналом ОРБ-2. Данная рекомендация так никогда по существу и не была выполнена. ... ЕКПП призывает российские власти положить конец жестокому обращению в ОРБ-2 в Грозном».

Эти рекомендации ЕКПП были проигнорированы.

О том, что в ОРБ-2 существует незаконное место содержания под стражей, была осведомлена прокуратура Чечни: «Прокуратура республики обращала внимание руководства МВД России на необходимость ведомственного нормативного оформления работы ИВС в помещении ОРБ-2 (письма начальнику ОРБ СКОУ ГУ МВД, командующему ВОГОиП МВД России, Министру внутренних дел РФ, Министру по делам Чеченской Республики). Последнее обращение направлено в феврале 2003 г. по итогам заседания оперативного штаба по управлению контртеррористическими операциями на территории Северо-Кавказского региона РФ».¹⁵⁶

Вместо того, чтобы немедленно пресечь беззаконие, прокуратура неоднократно просила представителей МВД хотя бы как-то оформить юридически это место, назвав его изолятором временного содержания, а те игнорировали эти просьбы, поскольку оформление этого места содержания в ИВС также являлось нарушением закона.

Адвокаты, защищавшие содержащихся в ОРБ-2, неоднократно жаловались на то, что сотрудники ОРБ препятствуют их работе, не дают встречаться с подзащитными наедине. Жалобы адвокатов на применение пыток прокуратура либо игнорировала, либо затягивала проведение экспертиз, либо отвечала, что «факты не подтверждаются». В июле 2004 г. палата адвокатов Чечни «не рекомендовала» адвокатам участвовать в любых следственных действиях в помещении ОРБ-2 в связи с невозможностью полноценно выполнять обязанности защитника. Адвокатская палата Чечни направила на имя Уполномоченного по правам человека в РФ обращение с просьбой предпринять все возможные действия для закрытия этого незаконного места содержания людей под стражей. Уполномоченный уклонился от каких-либо активных действий в этом направлении.

В сентябре 2004 г. ОРБ-2 посетил Комиссар по правам человека Совета Европы Альваро Хиль-Роблес. На тот момент в ОРБ содержались 15 человек¹⁵⁷: «...Я не получил жалоб на плохое обращение. Однако у меня сложилось впечатление, что те лица, с которыми я говорил, не выражали свободно свое мнение... Все лица, содержащиеся в данном ИВС, находились там более 10 дней, хотя это максимально разрешенный законом срок. Некоторые находились там четыре месяца и более, что намного превышает законные сроки. ... У них, как оказалось, нет возможности совершать прогулки, поэтому круглые сутки они находились в камерах... Начальник изолятора такой факт признал, но сослался на требования следствия и особые обстоятельства. Я не намерен здесь выносить свое суждение по существу данных дел, но полагаю, что закон должен соблюдаться, и процессуальные нормы выполняться в отношении всех заключенных, независимо от того преступления, в котором они обвиняются. И только так можно построить правовое государство».

Лишь после этого посещения, в ноябре 2004 г., МВД, наконец, официально оформило это незаконное место содержания подозреваемых и обвиняемых: «В соответствии с приказом МВД России № 709 дсп от 3 ноября 2004 года на территории ОРБ-2 СКОУ ГУ МВД РФ по ЮФО создан и функционирует изолятор временного содержания подозреваемых и обвиняемых Временной оперативной группировки органов внутренних дел и подразделений МВД России, где наряду с другими службами, сотрудниками ОРБ-2 СКОУ ГУ МВД РФ по ЮФО проводятся оперативно-

¹⁵⁶ Ответ заместителя прокурора Чечни А.В. Никитина № 17-8-139-03 от 15 октября 2003 г. на запрос депутата Государственной думы РФ В.В. Игрунова.

¹⁵⁷ Доклад Альваро Хиль-Роблеса, Комиссара по правам человека, о его визите в Российскую Федерацию с 15 по 30 июля 2004 г., с 19 по 29 сентября 2004 г. Комитету Министров и Парламентской Ассамблее. Страсбург. 20 апреля 2005 г.

следственные мероприятия, направленные на раскрытие преступлений, совершенных на территории Чеченской Республики»¹⁵⁸.

Но и после такого «оформления» существование ИВС при ОРБ не стало более законным. Поведение прокуратуры в этой истории весьма показательно. Прокуратура и ОРБ-2 одинаково заинтересованы в существовании этого незаконного места содержания под стражей. Прокуратура одновременно и ведет расследование уголовных дел, и наблюдают за соблюдением законности в ходе расследования. Налицо конфликт интересов, и выбор прокуратуры очевиден. Так что вряд ли можно ожидать от нее исправления этого беззакония.

Между тем, эта практика получает дальнейшее распространение. В 2005 г. в ряде районов Чечни начали работать отделения ОРБ-2, а при них - свои незаконные места содержания подозреваемых и обвиняемых.

Именно в такое незаконное место содержания были помещены братья Дзейтовы, Адлан Рукманович (1978 г.р.), и Адам Рукманович (1983 г.р.), жители Чеченской Республики, уроженцы села Бамут. С 1999 г. по 2003 г. они проживали в качестве беженцев в Ингушетии, так как Бамут был полностью разрушен. В октябре 2003 г. Дзейтовы переехали в станицу Ассиновская Чеченской Республики. В августе 2004 г. Адлан узнал, что Адам ушел к боевикам. Он разыскал брата и вернул его домой.

Братья Дзейтовы были задержаны 27 ноября 2005 г. в станице Ассиновская и доставлены в отделение ОРБ-2 Урус-Мартановского района Чечни. Там, согласно их жалобам в прокуратуру Чечни, обоих подвергли пыткам, требуя назвать имена боевиков и сознаться в причастности к НВФ. Обоих жестоко избивали, в частности, били по почкам, по плечам, спине и голове (причем в случае Адама не только руками и ногами, но и молотком), пытали электротокком, душили пакетом.

От Адлана требовали, чтобы он сознался в некоем нападении, имевшем место в 2005 г., в то время когда сам Адлан находился в Республике Казахстан, что мог доказать, так как вернулся оттуда всего за неделю до задержания и сохранил использованный билет. К его доводам не прислушивались и требовали признательных показаний. От пыток электротокком Адлан потерял сознание, но как только он пришел в себя, пытки продолжались.

Адам Дзейтов, которого пытали в соседнем помещении, описывает свое состояние после «допроса» следующим образом: «Через некоторое время меня перестали бить и оставили пристегнутым к батарее лежать на полу. Я практически не мог двигаться, испытывал страшные боли в голове и по всему телу. В таком состоянии я провел в этом кабинете день. Иногда у меня пропадало зрение, я почти ничего не видел, но потом зрение возвращалось».

29 ноября Урус-Мартановский районный суд принял постановление об аресте братьев Дзейтовых. Им предъявили обвинение по ч. 2 статьи 208 УК РФ (участие в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом) и этапировали в ОРБ-2 в г. Грозном, где они содержались до перевода в следственный изолятор г. Грозного (СИЗО-1, учреждение ИЗ-20/1) 9 декабря 2005 г. Медицинское освидетельствование Дзейтовы прошли только после перевода в СИЗО. В ответ на соответствующий запрос, адвокат Дзейтовых Жабраил Абубакаров получил из СИЗО-1 копию следующего документа: «Акт. Мы нижеподписавшиеся составили настоящий акт на Дзейтова Адама Рукмановича 1983 г.р., доставленного из ОРБ-2 с телесными повреждениями: кровоизлияние обоих глаз. Самодуров, Васильченко». Общее состояние Адлана было зафиксировано как удовлетворительное, но в его медицинской карте на январь 2006 г. отмечены шрамы на голове, «жалобы на головные боли, туман перед глазами, головокружение, боли в пояснично-крестцовом отделе позвоночника, ограничение движений в поясничном отделе» и др.

¹⁵⁸ Из ответа начальника отдела по надзору за процессуальной деятельностью органов внутренних дел, юстиции и Госнарконтроля прокуратуры Чечни И.Д. Хамидова № 16-39-2000-05 от 17 мая 2005 г. руководителю юридического пункта ПЦ «Мемориал» в г. Грозном Л.М. Юсуповой.

14 января 2006 г. Адам и Адлан Дзейтовы обратились к прокурору Чечни с заявлениями, в которых требовали, чтобы их защитой занимался только адвокат Абубакаров и указывали, что появление в деле любого другого адвоката может произойти лишь заведомо против их воли. Они также особо просили, чтобы их не отправляли в ОРБ Урус-Мартановского района из-за объективной угрозы пыток. В своей петиции Адам Дзейтов особо подчеркивал: Я очень боюсь пыток, особенно электрическим током».

Не смотря на эти жалобы и активную работу адвоката, в течение января-февраля 2006 г. братьев Дзейтовых несколько раз этапировали в Урус-Мартан. Жалобы Дзейтовых на имя прокурора Чечни от 8 февраля 2006 г. указывают на то, что в ОРБ Урус-Мартановского района оперативные сотрудники по именам Аслан и Ахмед под угрозой пыток электротоком добивались от них признательных показаний.

В марте 2006 года братьяс Дзейтовым был вынесен приговор – по два с половиной года лишения свободы. Тяжкие статьи обвинения удалось исключить благодаря профессиональной работе адвоката.

Квазизаконная тюрьма в ОРБ-2 оказалась отнюдь не единственной в Грозном.

Так, 26 мая 2006 г. сотрудники оперативной группы Октябрьского района г. Грозного МВД РФ покинули занимаемое ими бывшее здание интерната глухих детей (ранее, в 2000-2003 гг. здесь дислоцировался Временный отдел внутренних дел (ВОВД) Октябрьского района). На следующий день туда была направлена бригада строителей для сноса здания. 29 мая об этом узнали бывшие узники, содержащиеся в подвале этого здания, родственники людей, которые там пропали, журналисты местного телевидения и фотокорреспонденты. Здание и подвалы осмотрели и провели в нем съемки. В здании и в расположенном рядом бывшем спортивном зале, где находились кабинеты следователей и оперативных сотрудников, были обнаружены разнообразные документы, брошенные здесь сотрудниками милиции. В подвале были обнаружены надписи, сделанные содержащимися в подвале людьми. Надписи были засняты на фото и видео.

30 мая здание осмотрели представители администрации, прокуратуры, милиции, саперы, сотрудники ФСБ. Той же ночью надписи в камерах в подвале были уничтожены – в камерах были сожжены автомобильные покрышки, и копать закрыла надписи. Из надписей следовало, что людей продолжали содержать в этих камерах вплоть до мая 2006 года.

В письме Представителя Генеральной Прокуратуры РФ, Государственного консультанта Сидорука председателю комитета по международным отношениям Госдумы РФ К. Косачеву признаётся существование ИВС в этом здании с 28 октября 2002 г. до 17 мая 2006 г. Однако это место содержания при оперативном подразделении являлось столь же незаконным: как и ИВС при ОРБ-2, и даже в большей степени: поскольку о его существовании ничего не было известно, его можно даже назвать «секретной тюрьмой».

Незаконные (тайные) тюрьмы и заложничество

Особенно актуальна в сегодняшней Чечне проблема незаконных (секретных) тюрем, связанная с «чеченизацией» конфликта и с применением чеченскими силовыми структурами заложничества как инструмента борьбы с боевиками.

Так, незаконная тюрьма в селе Центорой, согласно показаниям её узников, действовала до весны 2006 года.

Братья Хамысхановы, Салман (1977 г.р.) и Салауди (20 лет) были похищены утром 11 января 2006 г. из своего дома в Грозном в пос. Черноречье, ул. Выборгская 24. Неизвестные вооруженные люди в камуфляжном форме, говорившие по-чеченски,

выволокли их из дома, затолкали в машину, натянули на лица шапки и увезли в неизвестном направлении. Менее чем через час машина остановилась. Братьев высадили из машины в каком-то дворе и стали избивать. Потом развели по разным камерам. Со слов Салмана: «Это была как бы не настоящая тюрьма, а сарайчик с перегородками. Личная тюрьма какого-то командира. Брат был за перегородкой, как бы в соседней камере. И мне было хорошо слышно его через решетку. А если оба поднимались на ноги и подходили к решетке, могли даже видеть друг-друга. Брата били весь день, с утра до вечера. Сильно очень. Для этого во двор выводили. Что у него спрашивали, я не слышал. В камере был газовый обогреватель. Шумел очень. Но его крики слышал, что не делал этого и не знает. А мне сказали в первый день: «Знаешь, что твой брат сделать хотел? Он памятник Кадырову взорвать собирался!». Поздно вечером, я слышал, они брата перевязывали, йодом заливали. А наутро даже врача привели. А меня с сокамерниками вывели убирать территорию. Им велели мусор собирать, а мне сказали убрать окровавленную одежду брата. Она даже к рукам липла, и брюки, и носки, и белье...». Вечером 12 января Салмана Хамысханова снова затолкали в машину, закрыв ему лицо, привезли назад в Грозный и выбросили на улице. Но его брат Салауди оставался в этой незаконной тюрьме до конца апреля 2006 года вместе с ещё шестью заключенными. На сегодняшний день очевидно, что эта незаконная тюрьма была расположена в с. Центорой. Есть основания полагать, что заключенные обязаны своим освобождением плановому визиту Комитета по предотвращению пыток Совета Европы, из-за которого «кадыровские» структуры решили ликвидировать эту тюрьму. Салман Хамысханов вновь встретился с представителями ПЦ «Мемориал» и Центра «Демос» в сентябре 2006 г. и поделился следующей информацией: «Брата все не возвращали, а мы через свои каналы уже точно установили, что все это было в Хосиюрте [Центорое.– Авт.], и там его продолжают держать. Там в село заезжаешь через пост, по обе стороны поста декоративные башни, и справа, если ехать эта тюрьма... А 27 апреля и брата, и всех, кто с ним сидел – из было тогда в тюрьме всего семь человек – взяли и отпустили. А тюрьму начали разбивать. И что-то говорили о какой-то Комиссии, которая из Европы, и что надо, чтоб все было чисто. Брат, когда его отпускали, дал мой телефонный номер все, кто с ним вместе был, чтобы они сообщили, добрались домой или нет. И они все потом позвонили, сказали – в порядке... Я не знаю, почему меня сразу отпустили, а брата так долго держали. Они, в общем-то, после одного дня поняли, что мы с памятником Кадырову ничего делать не собирались, отношения ни к чему такому не имеем. Сначала, наверное, из-за того, что брата так сильно били и пытали, они подумали, нужно подождать, пока следы пропадут. А потом, наверное, много времени прошло, и не знали, что делать... Вообще, когда человек туда попадает, его первый день обязательно бьют. Там из тех, с кем брат сидел, только одного старика не трогали – у него такое здоровье было плохое, что боялись: раз тронешь, и помрет».

Проблема незаконных тюрем особенно остро стоит в контексте применения чеченскими силовыми структурами заложничества как инструмента борьбы с боевиками. Запрет заложничества зафиксирован в целом ряде международно-правовых документов. В частности, Конвенция ООН 1979 г. «Против захвата заложников» квалифицирует взятие заложников как «преступление: вызывающее глубокую озабоченность у всего международного сообщества», и требует, чтобы «любое лицо, совершившее захват заложников, подвергалось правовому преследованию или экстрадиции».

20 октября 2004 г. Генеральный прокурор РФ В. Устинов выступил на заседании Государственной думы России с предложением легализовать практику «контрзахвата заложников» и «упрощенного судопроизводства» в отношении террористов. «Задержание родственников террористов во время проведения теракта, безусловно, поможет нам сохранить и спасти людей», - заявил прокурор. Спикер Государственной думы Б. Грызлов заявил, что Дума готова рассмотреть поправку к действующему законодательству по борьбе с терроризмом, касающуюся «контрзахвата заложников»: В эфире радиостанции «Эхо Москвы» одобрил это

предложение и Президент Чечни А. Алханов¹⁵⁹. Хотя инициатива Генерального прокурора не получила продолжения и не была закреплена в законодательстве, ее можно рассматривать как поощрение de facto применяемой в Чечне практики заложничества, причем поощрение со стороны государственного лица, ответственного за контроль над законностью в стране.

Заложничество используется чеченскими «силовиками», в основном, в отношении родственников членов НВФ с целью принудить последних к сдаче.

Первый известный случай массового захвата в заложники родственников известных полевых командиров относится к началу 2004 года. В период с 29 февраля по 1 марта были задержаны около сорока родственников полевого командира Магомеда Хамбиева, включая стариков и женщин, из разных сел Чечни. Массовые задержания производились в селах Мескеты, Беной и Турты-Хутор. В г. Грозном был похищен студент первого курса медицинского факультета Чеченского государственного университета Асламбек Хамбиев (1985 г.р.). Заложников поместили в ИВС Ножай-Юртовского РОВД, в места незаконного содержания на базах Р. Кадырова и С. Ямадаева. Молодых мужчин избивали. Через посредников Магомеду Хамбиеву передали требования о незамедлительной «добровольной» сдаче, что он впоследствии и сделал.

Захваченных заложников содержат в незаконных тюрьмах в местах дислокации чеченских профедеральных силовых структур. Ниже мы приводим два документированных примера.

30 ноября 2004 г. в пос. Ойсхара (Новогрозненский) Гудермесского района Чечни неизвестные вооруженные люди, с наибольшей вероятностью «кадыровцы» и специально прикомандированные сотрудники Шалинского РОВД, сожгли дом родителей Вахида Мурдашева (1955 г.р.) по адресу ул. Карла Маркса, д.38 и похитили его мать Мурдашеву Асмарт (1935 г.р.), сестру Мурдашеву Тамару (1958 г.р.) и жену Данкаеву Зою (1958 г.р.). Вахид Мурдашев занимал ответственный пост в администрации Аслана Масхадова в период между двумя войнами и во вторую кампанию воевал на стороне Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ).

30 ноября вечером Зоя Данкаева и Тамара Мурдашева были в гостях у сестры Вахида Мурдашева, Лизы Мушкаевой, и ушли от нее около 20.30, чтобы заночевать в доме матери Вахида, Тамары и Лизы, Асмарт Мурдашевой, где постоянно проживала Тамара. В 21.10 к Лизе прибежали соседи и сказали, что дом ее матери горит. Через некоторое время, добравшись до дома матери, Лиза увидела, что горящий дом окружен людьми в военной форме. Некоторые из них кидали в пламя гранаты. Слышались взрывы. Позже выяснилось, что среди поджигателей были сотрудники Шалинского РОВД, известного тесными отношениями со Службой безопасности Президента Чечни. На Лизины крики «Где моя мать?» никто не реагировал. Один из поджигателей снимал пожар на видеокамеру.

Родные и знакомые Лизы Мушкаевой, используя свои связи в правоохранительных органах, выяснили, что ее мать с сестрой и снохой сначала увезли в с. Центорой (родовое село Кадыровых) Курчалоевского района Чечни, а потом перевели в Гудермес. 10 января к дому Лизы Мушкаевой подъехал на машине неизвестный мужчина лет сорока. Он сказал Лизе, что ее родные находятся в руках спецслужб и рекомендовал воздержаться от активных поисков ради собственной безопасности. Узнав от Лизы, что ее семидесятилетняя мать плохо переносит холод, а старшая сестра много лет болеет раком щитовидной железы и нуждается в соответствующих медицинских препаратах, он заверил ее, что с задержанными обращаются хорошо, и им выдали теплые камуфляжные куртки.

Лиза Мушкаева и другие родственники похищенных женщин были убеждены, что похищение было осуществлено «кадыровцами», чтобы добиться сдачи Вахида Мурдашева. Действительно, 25 апреля 2005 г. через полтора месяца после того, как Вахид Мурдашев был пойман в марте в с. Толстой-Юрт в рамках операции по уничтожению Аслана Масхадова, Асмарт Мурдашеву, Тамару Мурдашеву и Зою Данкаеву выпустили на свободу. Лиза Мушкаева описывает их опыт заключения

¹⁵⁹ Информационный бюллетень ПЦ «Мемориала». № 28. Декабрь 2004 г.

следующим образом: «Дом, оказывается, сожгли у них на глазах! А потом они думали – расстреляют. Увезли в лес. Поставили. Автоматы вскинули. И все на камеру снимали. Но не тронули. Бросили в сырую яму. Там огромные крысы бегали. Трое суток продержали. И за эти три дня к ним ни один человек не подошел. Потом перевезли, ну, сами знаете куда. И в подвале оставили. Холодно было очень, сыро. Пять месяцев они света не видели. И мыться не давали. С них сорочки клочьями сползали, когда домой вернулись. А сестра все это время прорыдала – не могла терпеть, как в других камерах люди от пыток кричат...».

Наибольший резонанс получило «исчезновение» родственников Аслана Масхадова.

3 декабря 2004 г. в промежутке с 8 до 9 вечера в пригороде г. Грозного неизвестными вооруженными людьми, с наибольшей вероятностью сотрудниками Службы безопасности Президента Чечни («кадыровцами») были похищены 5 родственников Аслана Масхадова: Абдулкадырова Бучу Алиевна (сестра, 67 лет), Масхадов Леча Алиевич (брат, 68 лет), Масхадов Лема Алиевич (брат, 55 лет), Решиев Адам Абдул-Каримович (троюродный брат, 54 года), Магомадов Ихван Вахаевич (племянник, 35 лет). 28 декабря при похожих обстоятельствах были похищены еще трое: Сатуева Хадиджат Вахаевна (племянница, 40 лет), Сатуев Усман Рамзанович (зять, 47 лет) и Агуев Мовлид (зять, 35 лет).¹⁶⁰ 3 февраля стало известно, что Мовлида Агуева находится в ИВС Ножай-Юртовского РОВД и ей готовятся предъявить обвинения по статье 208 («организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем») УК РФ.

О судьбе же остальных похищенных родственников А. Масхадова ничего не было известно до их неожиданного освобождения 31 мая 2006 г. Хотя в результате жалобы по факту этих похищений К.М. Масхадовой (жены Леммы Масхадова) от 17 января 2005 г. на имя Генерального прокурора РФ, Устинова В.В., уголовное дело было возбуждено, адекватного расследования не проводилось.

При этом родственники похищенных были, в целом, убеждены, что похищение осуществили т.н. «кадыровцы» с целью заставить сдаться Президента ЧРИ А. Масхадова, и «исчезнувшие» содержатся на кадыровской базе в с. Центорой.

Это предположение подкреплялось объективными данными. Так, при похищении Бучу Абдулкадыровой ее дочь, Петимам Вахаева выяснила следующее: «Меня дома не было. Мне потом соседи рассказали. Около 9 вечера они приехали, было 8-9 машин, человек 30. Соседям не дали выйти из домов. На перекрестке встали и вдоль по улице. Сами открыли ворота и дверь. Забрали маму... Они поехали к городу, но их на посту не пропускали. Там ребята-какие-то (из батальона спецназа ГРУ «Запад» под командованием Саид-Магомеда Какиева), они все с этого поселка. Следят, чтоб не похищали. Они пускать не хотели, но те стреляли вверх, драка началась, одного из «наших» по голове прикладом ударили. Потом драться остановились, позвонили с поста самому Какиеву, а тот – Кадырову. И Рамзан, вроде, сказал: «Это спецоперация по моему приказу. Пропустите!» И они пропустили... Ходят слухи, что мама и другие родственники сейчас в Хоси-Юрте (с. Центорой)...»¹⁶¹. Так же, Камиса Масхадова (жена Леммы Масхадова) утверждала следующее: «Их было человек 50 всего. На 10-12 машинах приехали. Без масок. По-чеченски говорили... Я говорю: «Кто вы?». Они: «Нас прислал Рамзан». Я отпускать не хотела – как я одна без мужа останусь? Они сначала пригрозили, что меня тоже заберут... Главный сказал, что (его) повезут в Хоси-Юрт (с. Центорой). Родственницам, которые потом туда приезжали, сказали, чтоб больше не ходили, а то их там же убьют, или тоже заберут»¹⁶².

¹⁶⁰ Подробнее см.: «Открытое письмо МХФ Президенту Путину о похищении родственников Аслана Масхадова...» от 19 января 2005 г.

¹⁶¹ П. Вахаева была проинтервьюирована одним из авторов этого раздела в Грозном 28 января 2005 г.

¹⁶² К. Масхадова была проинтервьюирована одним из авторов этого раздела в Грозном 28 января 2005 г.

После освобождения от похищенных стало известно, что все шесть месяцев их содержали в бетонной камере (3х3 м) без мебели. Сверху располагалось маленькое окно с решеткой. Их ни в чем не обвиняли, допросов не было, на улице выводили только в туалет, кормили. Место их заключения располагалось на достаточно большой территории, окруженной забором. Там было много вооруженных людей, говоривших, в основном, по-чеченски. 30 мая 2005 г. к ним в камеру зашел человек в гражданской одежде и объявил об их освобождении. В этот же день им впервые за пять месяцев разрешили вымыться. На следующее утро похищенных развезли по домам с завязанными глазами.

27 июля 2005 г. заместитель Генерального прокурора РФ Н.И. Шепель заявил¹⁶³, что «родственники Масхадова были освобождены в результате проведенной специальной операции», однако тут же сообщил, что «личности похитителей не установлены». Расследование уголовного дела по факту похищения семи родственников Масхадова было приостановлено «в связи с невозможностью установить лиц, подлежащих привлечению к ответственности в качестве обвиняемых».

Проблема преследования родственников боевиков (которой был посвящён отдельный доклад¹⁶⁴ отнюдь не ограничивается заложничеством. Один из наиболее известных подобных случаев за последнее время – похищение и «исчезновение» Элины Эрсеновой.

17 августа 2006 года в центре города Грозный неизвестными сотрудниками силовых структур была похищена 26-летняя Элина Эрсенова, сотрудница общественной организации «Инфо-Мост» и внештатный корреспондент газеты «Чеченское общество». Около 9 часов утра она стояла на Проспекте Победы вместе со своей тетей, Ровзан. К женщинам подошли неизвестные в масках и камуфляже. Им заломили руки за спину, затолкнули в разные машины, недели мешки на голову и увезли в неизвестном направлении. Через некоторое время обеих выгрузили из машин и, не снимая мешков, затолкнули в подвал. Ровзан вскоре снова посадили в машину, привезли обратно в Грозный и оставили на улице. За день Элина Эрсенова дважды звонила родственникам со своего мобильного телефона и просила не поднимать паники в надежде, что ее скоро отпустят. Но дома Элина так и не появилась, а ее телефон перестал работать.

За 2 дня до похищения Элина обратилась в Международную Хельсинкскую Федерацию и российский правозащитно-аналитический Центр «Демос» с просьбой о помощи. В своем письме Элина рассказывала о том, что ее саму и ее семью уже некоторое время преследуют местные силовые структуры – она указывала на «кадыровцев». Элина объясняла, что это связано с тем, что в ноябре 2005 года она вышла замуж за человека, который оказался боевиком, и которого убили летом 2006 года. 23 августа 2006 года стало известно, что, Элина Эрсенова была женой Шамиля Басаева. Источники, близкие к Элине Эрсеновой, говорят, что ее замужество не было добровольным. По факту похищения Элины Прокуратурой ЧР в конце августа 2006 г. было заведено уголовное дело. Местонахождение и судьба женщины до сих пор не установлены.¹⁶⁵ По неофициальным сведениям, она до середины октября 2006 года была жива и находилась в одной из «секретных» тюрем.

¹⁶³ Выступая на конференции «Усиление правоохранительных органов для поддержания правопорядка в Чеченской Республике», проводившейся в г. Кисловодске по инициативе Комиссара Совета Европы по правам человека.

¹⁶⁴ Чечня 2004: «Новые» методы «контртеррора». Захват заложников и репрессивные действия в отношении родственников предполагаемых комбатантов, <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/03/m33235.htm>.

¹⁶⁵ Подробнее о похищении Элины Эрсеновой см. Открытое письмо Прокурору ЧР Международной Хельсинкской Федерации, Международной Федерации Прав Человека и Центра «Демос» от 18 августа 2006 года и дополнение к нему от 25 августа 2006 года (<http://www.demos-center.ru/projects/66D650D/7D16046/1160677528> and <http://www.demos-center.ru/projects/66D650D/7D16046/1156516907>).

Поисками Элины Эрсеновой активно занималась ее мать, Рита (Маргарита) Эрсенова (1958 г.р.). Надеясь на то, что публичность поможет освобождению дочери, Рита охотно встречалась с российскими и западными журналистами и представителями правозащитных организаций. 2 октября 2006 года в Старых Атагах исчезла Рита Эрсенова – мать Элины Эрсеновой. Существуют веские основания подозревать, что она была похищена. В тот день Рита Эрсенова пришла навестить свою мать – Липу Барзукаеву (65 лет), проживающую в селе Старые Атаги на улице Майская. Там ей поступил звонок на мобильный телефон. Она сообщила матери, что звонил «следователь» и сказал, что если она хочет «узнать хорошие новости» о своей дочери, она должна немедленно прийти в здание сельской администрации. Через 10 минут мать позвонила Рите на мобильный, но линия была отключена. После нескольких попыток связаться с дочерью, Липа Барзукаева попросила родственника сходить в здание сельской администрации. Однако там ему сообщили, что Рита там не появлялась, и, кроме того, никто ее не дожидался. С тех пор семья не получала ни каких-либо известий от Риты Эрсеновой, ни информации о ней. Из страха за свою безопасность родственники не поставили в известность правоохранительные органы. Отметим, что когда Рита Эрсенова встречалась в сентябре с представителями МХФ и центра «Демос», она упоминала некоего Сулеймана Бакриева, сотрудника Грозненского сельского РОВД, который угрожал, что «она поплатится» за общение с журналистами и иностранцами. Давление было связано и с тем, что в сентябре Рита в связи с похищением дочери была опрошена посетившими Чечню членами Европейской комиссии по предотвращению пыток.¹⁶⁶

Эскалация конфликта за пределами Чечни

Вооруженный конфликт на Северном Кавказе изначально не был ограничен Чеченской Республикой. В 1999 г. боевые действия начались в Республике Дагестан. Начиная примерно с 2002 г., наблюдается устойчивая тенденция к «расползанию» конфликта на соседние с Чечней субъекты РФ. К настоящему времени в тех или иных формах действия экстремистов и «контртеррористическая операция» распространились на большинство северокавказских республик - Дагестан, Ингушетию, Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию - и на Ставропольский край. Соответственно, на весь Северный Кавказ распространились практики «контртеррора», связанные с похищением и незаконным задержанием людей, применением пыток, жестоким и унижающим человеческое достоинство обращением. Это, в свою очередь, способствует дальнейшей эскалации конфликта.

Ниже описана ситуация в двух регионах - в Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Ситуация в обоих в чем-то типична, но если в Ингушетию конфликт «перетек» из Чечни, то в Кабардино-Балкарии его эскалация связана прежде всего с деятельностью местных правоохранительных органов.

Ингушетия

В 2002 г. в Республике Ингушетия начались похищения и исчезновения людей, поначалу, в основном беженцев из сопредельной Чечни¹⁶⁷. Тела некоторых впоследствии были обнаружены на территории Чечни. В большинстве случаев обстоятельства указывали на причастность к

¹⁶⁶ Информация об исчезновении Риты Эрсеновой была передана Международной Хельсинкской Федерацией и Центром «Демос» в Прокурору ЧР, Н. Кузнецову, в форме открытого письма (копия этого документа была предоставлена в Комитет по предотвращению пыток Совета Европы. См. <http://www.demos-center.ru/projects/66D650D/7D16046/1160677528>).

¹⁶⁷ Всего в 2002 г. ПЦ «Мемориал» задокументировал 28 случаев похищения людей в Ингушетии (27 жителей Чечни, 1 житель Ингушетии). Из них четверо были убиты, двое отпущены похитителями после допроса и избиваний, шестнадцать пропали без вести. Шестеро похищенных через некоторое время обнаружили в СИЗО или ИВС, из них один был осужден за участие в НВФ, четверо оправданы судом, один продолжает находиться под следствием.

похищениям силовых структур. В лагерях беженцев начались «спецоперации» и «зачистки». В Ингушетии началось размещение федеральных частей и подразделений¹⁶⁸. В 2003 г. в Ингушетии продолжалась эскалация насилия¹⁶⁹. Исчезали и гибли не только «похищенные неизвестными», но также официально задержанные или арестованные. «Зачистки» стали проводиться в ингушских селах. Действия боевиков также активизировались. В 2004 г. все больше начали «исчезать» постоянные жители Ингушетии¹⁷⁰. Во многих случаях обстоятельства указывали на причастность к этому федеральных силовых ведомств.

Окончательное распространение «контртеррористической операции» в чеченском варианте на Ингушетию произошло после нападения боевиков в ночь с 21 на 22 июня 2004 года. Если ранее правозащитные организации нечасто фиксировали случаи, когда в грубых нарушениях прав человека можно было подозревать органы внутренних дел Ингушетии, то теперь такие жалобы стали массовыми.

После бесланской трагедии руководство силовых ведомств, очевидно, стремилось продемонстрировать эффективную борьбу с терроризмом на Северном Кавказе.

Механизм фабрикация уголовных дел, «конвейер насилия», работает в Ингушетии в целом по той же схеме, что и в Чечне, но можно отметить некоторые характерные черты¹⁷¹.

Задержанный «исчезает» порою на несколько суток, затем, как правило, «обнаруживается»¹⁷² в местах предварительного заключения, нередко – в соседней Северной Осетии. От него пытаются получить признание с помощью избиений и пыток. Такому обращению задержанные подвергались в помещениях Управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП) и МВД Ингушетии, в Главном отделе внутренних дел (ГОВД) г. Назрани, в подвалах здания ФСБ г. Магаса, в местах предварительного заключения в Северной Осетии, а также в незаконных местах содержания. «Самые бывалые люди утверждают, что вынести эти пытки невозможно. Рано или поздно сдаются все», – рассказал работающий с этой категорией подозреваемых адвокат. Известны случаи, когда подследственного в тяжелом состоянии доставляли в больницу. Специалисты Международного Комитета Красного Креста (МККК) не посещают подозреваемых в местах предварительного заключения¹⁷³. В фабрикация уголовных дел «помогает» приглашенный следствием адвокат. Обычно адвокат, приглашенный родственниками, получает доступ к подозреваемому только после того, как тот подписал признание в совершении преступлений. Даже если он знает о неправомерных методах, примененных к его подзащитному, он чаще всего не пишет представление о жестоком обращении, опасаясь за собственную безопасность. Признание становится основным доказательством. Судьи препятствуют адвокатам и подсудимым поднимать перед присяжными вопрос о том, что признание было получено в

¹⁶⁸ Подразделения внутренних войск были размещены рядом с палаточными лагерями беженцев, а возле станицы Троицкая был дислоцирован 503-й мотострелковый полк. «Усиление» проводилось вдоль всего Кавказского хребта, от Дагестана до Карачаево-Черкессии.

¹⁶⁹ ПЦ «Мемориал» располагает сведениями о 52 случаях похищения людей в республике в 2003 году, из них 41 житель Чечни, 9 жителей Ингушетии и 2 гражданина Армении. Впоследствии был обнаружен труп одного из похищенных, 30 человек пропали без вести, 21 человека отпустили после длительных допросов, сопровождающихся избиениями.

¹⁷⁰ Всего в 2004 г. ПЦ «Мемориал» задокументировал похищения 75 человек: 38 жителей Чечни и 37 жителей Ингушетии. Впоследствии был обнаружен труп одного из похищенных, 23 человека пропали без вести, 36 – были выкуплены родственниками или освобождены похитителями после длительных допросов, как правило, сопровождающихся пытками. 10 похищенных позже «обнаружились» в местах предварительного заключения, по ним велось следствие, как минимум 2 из них осуждены, остальные находятся под судом или следствием. О судьбе 5 похищенных ПЦ «Мемориал» не располагает сведениями.

¹⁷¹ Мы основываемся на обобщении собранных нами сведений о случаях незаконных задержаний и похищений, жалобах подследственных и подсудимых, их адвокатов и родственников, информации и документов о случаях избиений и пыток задержанных. Описание ряда конкретных дел описаны в докладе ПЦ «Мемориал» <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/konnas/index.htm> «Конвейер насилия. Нарушения прав человека в ходе проведения контртеррористических операций в Республике Ингушетия»

¹⁷² По сравнению с Чеченской Республикой, где относительным «прогрессом» можно считать снижение числа бесследно исчезнувших и убитых с 85 % от общего числа похищенных в 2002 г. до примерно 50 % в 2004 году.

¹⁷³ Как сотрудникам ПЦ «Мемориал» объяснили в представительстве этой организации в г. Назрани, «В 2004 г. МККК столкнулся с проблемами, препятствующими осуществлению данного вида деятельности в соответствии со стандартными критериями, принятыми в организации. В результате, МККК пришлось временно прекратить посещение задержанных».

результате применения пыток. Даже если в ходе судебного разбирательства поднимался вопрос о применении насилия в отношении обвиняемого, суд оказывается неспособным обнаружить фальсификацию, дать правовую оценку допущенного в отношении обвиняемого нарушения закона и вынести по делу справедливый приговор.

Такие методы «контртеррора» не только противоправны, но они систематически дестабилизировали обстановку и способствовали укреплению позиций террористического подполья. О жестокости следствия, о судебном произволе моментально узнавала вся республика. Террористическое подполье получает мобилизационную базу, возможность привлечь людей, которые пострадали сами или хотят мстить за родственников. Для других мотивом взяться за оружие может стать личный протест против произвола «силовиков»¹⁷⁴.

Последний мотив играл ключевую роль в росте напряженности в Кабардино-Балкарии.

Кабардино-Балкарская Республика (КБР)

С конца 1990-х гг. в КБР установилось противостояние между официальным мусульманским духовенством (объединенным в Духовное управление мусульман республики – ДУМ) и неподконтрольными ДУМ сообществами («джамаатами»), общая численность которых достигала нескольких тысяч человек. По крайней мере, часть «джамаатов» стояла на позициях исламского фундаментализма.

Одновременно под влиянием извне, прежде всего, со стороны экстремистской части чеченских вооруженных формирований, лидером которых является Шамиль Басаев, в республике складывалось террористическое подполье, основанное на идеях исламского политического фундаментализма. Террористы совершили ряд нападений на территории КБР. Так, в декабре 2004 г. из арсенала республиканского управления Госнаркоконтроля было похищено большое количество оружия, несколько сотрудников были убиты, здание подожжено. Часть оружия вскоре оказалась в распоряжении Басаева.

Неверно было бы ставить знак равенства между ячейками террористического подполья и открыто существовавшими «джамаатами», лидеры которых неоднократно осуждали насилие и терроризм, призывали власти к диалогу и сотрудничеству. Однако в ходе «борьбы с экстремизмом и терроризмом» силовые ведомства республики, прежде всего МВД, осуществляли репрессии против широкого круга членов «джамаатов». Основанием для репрессий могла служить не только экстремистская деятельность как таковая, но также ношение традиционной исламской одежды или регулярное посещение человеком мечети. «Борьба с экстремизмом» превратилась в борьбу с верующими мусульманами, – ДУМ составляло «списки неблагонадежных мусульман» и передавало их в МВД. Это вело к радикализации «джамаатов», и лишь облегчало эмиссарам террористов поиск рекрутов среди людей, исповедующих фундаменталистский ислам.

С сентября 2003 г. начались широкие репрессии. Так, по распоряжению МВД Кабардино-Балкарии все мечети в республике открывали для совершения молитвы только на 15-20 минут, некоторые мечети – только по пятницам. Так, например, 14 сентября 2003 г. в г. Нальчике в двух мечетях, по ул. Мусова и ул. Советской, во время коллективной молитвы задержали в общей сложности около 60 верующих. Их доставили в отделения милиции, где составили протоколы о якобы оказанном сопротивлении работникам милиции. Суд назначил им по 10 суток административного ареста. В течение этого времени они подвергались жестокому и унижительному обращению: их били, ставили на длительное время лицом к стене, обрезали бороды. В этом же месяце в г. Баксан во время молитвы милиционеры ворвались в мечеть и задержали около 15 человек, доставили их в отделение и предложили им выпить спиртного. За отказ людей выводили во двор, клали на асфальт, избивали ногами и резиновыми дубинками. Затем задержанным обрезали бороды и выстригли кресты на затылках.

Очередная волна преследований верующих мусульман последовала за террористическим актом в г. Беслане. Тогда зафиксирован первый случай смерти задержанного в республике. Задержанный 27 сентября 2004 г. Р.Д. Цакоев был доставлен в Управление по борьбе с организованной преступностью г. Нальчик, а через два дня был найден в тяжелом состоянии на

¹⁷⁴ Немало жителей Ингушетии в беседах с сотрудниками «Мемориала» утверждали, что именно таким образом, как ответ на насилие силовых структур на территории Ингушетии в 2003-2004 годах, объясняется массовость рейда боевиков 21-22 июня.

окраине города, доставлен в реанимацию, где и скончался 4 октября. По официальной версии, Цакоев после допроса был отпущен из УБОПа в нормальном физическом состоянии.

Гонения на мусульман приобрели еще больший масштаб после нападения на арсенал Госнарконтроля в декабре 2004 года. «Джамааты» фактически были загнаны в подполье, их лидеры были объявлены в розыск.

20 июля 2005 г. сотрудником милиции была жестоко избита Гасиева Е.М, появившаяся на улице в мусульманском платке. Было возбуждено уголовное дело, но вскоре прокуратура его закрыла «за отсутствием состава преступления». Постановление о закрытии дела было признано незаконным Нальчикским городским судом. Несмотря на очевидность дела, расследование продолжается до сих пор, избивавший ее милиционер продолжает работать в милиции.

13 октября 2005 г. в г. Нальчике произошло вооруженное нападение на государственные учреждения. По официальным сведениям, в ходе боев погибли 35 сотрудников правоохранительных органов и были убиты 92 нападавших, большинство – участники террористического подполья либо члены «джамаатов».

Во второй половине октября 2005 г. во многих населенных пунктах республики прошли организованные властями «собрания жителей и трудовых коллективов», в президиумах которых сидели районные руководители ФСБ, прокуратуры, органов внутренних дел. Собрания постановили изгнать за пределы республики членов семей нападавших на Нальчик 13 октября, всех людей, исповедующих «нетрадиционный ислам», выходцев из Чеченской Республики и т.п. Только в результате скандала, поднятого правозащитными организациями, республиканские власти дезавуировали эти «решения».

После отражения нападения последовали масштабные задержания, многие задержанные подвергались избиениям и пыткам. По официальным сведениям, были арестованы 80 человек. Имеются серьезные основания полагать, что арестованных избивали и пытали. Арестованный Заур Псанукаев умер. Прокуратура утверждает, что он выбросился из окна здания УБОП, хотя на окнах там стоят решетки. На фотографиях арестованных, попавших в распоряжение их родственников и журналистов, видны следы побоев. Адвокаты арестованных Л. Дорогова и И. Комиссарова заявили, что в результате пыток их подзащитные находятся в тяжелом физическом состоянии, и потребовали проведения судебно-медицинской экспертизы. Затем эти адвокаты были отстранены прокуратурой от ведения дела. Также, согласно информации, представленной «Российской правовой инициативой»¹⁷⁵, 23 октября 2005 г. гражданин Н.Н.¹⁷⁶ был задержан у себя дома группой из 20-25 вооруженных лиц. Они увели Н.Н. с собой на глазах у матери и брата, толкая его прикладом автомата и избивая ногами. Н.Н. на двух отдельных встречах со своим адвокатом объяснял последнему, что подвергался пыткам как в «шестом отделе» (отделе милиции по борьбе с организованной преступностью), так и СИЗО №1 г. Нальчик. Адвокат видел следы побоев на лице своего клиента, а во время их второй встречи Н.Н. был так слаб, что с трудом мог передвигаться самостоятельно. 3 ноября 2005 г. адвокат Н.Н. обратился в несколько официальных инстанций, включая республиканскую прокуратуру Кабардино-Балкарии с жалобами на недопустимое обращение со своим клиентом. После этого следователь вынудил адвоката выйти из дела, не смотря на протесты адвоката и самого Н.Н. Прокуратура отказалась возбудить уголовное дело по факту пыток. Организация «Российская правовая инициатива» обжаловала отказ в районный суд. Однако суд согласился с решением прокуратуры. «Правовая инициатива» обжаловала решение районного суда в Верховный суд Кабардино-Балкарии, который отменил решение суда первой инстанции и направил дело на новое рассмотрение.

¹⁷⁵ «Российская правовая инициатива» (<http://www.srji.org>) – юридическая правозащитная организация, занимающаяся подачей в Европейский Суд жалоб по делам о нарушениях прав человека в Чечне и других республиках Северного Кавказа.

¹⁷⁶ Имя пострадавшего на данный момент не может быть разглашено в целях обеспечения его безопасности.